

The background of the cover is a dark, moody illustration. It features a man with long, dark, wavy hair and a serious expression. He is wearing a dark, high-collared uniform with gold buttons and a silver epaulet on his right shoulder. He holds a white, stylized mask with a black eye slit and a small black mark on the cheek. The scene is framed by dark, gnarled tree branches and some light-colored, feathery or leafy elements on the right side. The overall color palette is dark with some highlights on the man's face and the mask.

Фрэнсис Кель

18+

ПЕСНЬ СОРОКОПУТА

Annotation

Отец учил Готье тому, что каждый должен знать свое место в этом мире.

Чистокровные правят. Полукровки работают. Низшие разрушают. Джером с детства уяснил только одну истину.

Чистокровные празднуют. Полукровки прислуживают. Низшие страдают.

Их миры могли никогда не столкнуться, если бы не Скэриэл.

Первая книга Young Adult-цикла в жанре dark academy.

Действие романа происходит в альтернативном мире, очень похожем на наш, общество в котором поделено на три сословия: чистокровные, полукровки, низшие.

Проблемы отцов и детей, классовое неравенство, дружба и любовь, рассуждения о Сергее Дягилеве и Александре Македонском, поиск себя и истины, императорские интриги и дух революции – это «Песнь Сорокопута».

Повествование в романе ведется от двух персонажей разных сословий, что дает возможность более ярко раскрыть мир, помогает сопереживать героям, держит в напряжении.

«Перед вами квинтэссенция любви к искусству, поданная под соусом темной академии и приправленная восхитительным языком. Химия персонажей, атмосфера, интриги и манипуляции – все сплелось в истории запретной дружбы Скэриэла и Готье.

Эта книга поймает и сожрет вас, подобно настоящему сорокопуту, не оставив шанса остаться равнодушным.

Стоило научиться читать, чтобы однажды отыскать эту жемчужину». – Влада @vlad.lena.dan

«Готовьтесь окунуться в альтернативу нашего мира, где чистота крови играет самую важную роль и где царит атмосфера просвещения, переворота и идеи. И все вкупе создает и сплетает не сам сюжет, который будет руководить героями, а, наоборот – героев, создающих полотно невероятного сюжета». – Вит @ost_vitbooks

- [Фрэнсис Кель](#)
 -
 -
 - [Пролог](#)
 - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [IX](#)
 - [X](#)
 - [XI](#)
 - [XII](#)
 - [XIII](#)
 - [XIV](#)
 - [XV](#)
 - [XVI](#)
 - [XVII](#)
 - [XVIII](#)
 - [XIX](#)
 - [XX](#)
 - [XXI](#)
 - [XXII](#)
 - [XXIII](#)
 - [XXIV](#)
 - [XXV](#)
 - [XXVI](#)
 - [XXVII](#)
 - [XXVIII](#)
 - [XXIX](#)
 - [XXX](#)
 - [Слово автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
-

Фрэнсис Кель

Песнь Сорокопута

© Кель Ф., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

**Пусть Сорокопут
примет вас
в свою семью**

Фрэнсис Кель

ПЕСНЬ СОРОКОПУТА

Москва
2022

Пролог

Я кричал, тянулся к нему, но не мог приблизиться ни на дюйм.

На запястьях наручники; я прикован к ржавой трубе, по которой ползают мокрицы. Очертания подвала едва различимы в свете тусклой лампочки. Она часто мигает – вот-вот потухнет, оставив нас троих в темноте.

Джером прикован к трубе напротив меня, но он не кричал, не вырывался, словно уже смирился с неизбежным. На его лице безграничное отчаяние: брови надломлены, рот испуганно приоткрыт. Он немигающим взглядом смотрел на Скэриэла, как будто боялся, что если моргнёт – тот исчезнет.

– Скэриэл! Пожалуйста! – испуганно крикнул я ему и затем обратился к металлической двери: – Пожалуйста, кто-нибудь! Он умирает! Помогите!

Скэриэл лежал между нами с ножом в груди. Кровь медленно окрашивала грязный пол. В тусклом свете она сделалась практически чёрной. Или мне это только казалось.

– Пожалуйста... – промолвил я куда-то в сторону. – Спасите его...

Слёзы заливали глаза. Запястья саднило там, где серебристый металл натирал кожу.

Я вновь посмотрел на Скэриэла. Он не двигался, не издавал ни звука. Чёрная рукоять ножа торчала из тела. Его руки были скованы наручниками за спиной. Он лежал как тряпичная кукла посреди грязного подвала. Я не видел его лица, спрятанного под тёмными волосами. Мне так хотелось дотянуться до него, заправить прядь за ухо – его любимый жест.

– Всё кончено, – вдруг тихо произнёс Джером и впервые за всё время нашего пребывания в подвале поднял на меня сочувствующий взгляд. – Это конец.

– Господин Готье.

Я обернулся и увидел нашу новую горничную. Девушка-полукровка, на вид не старше семнадцати лет – кажется, её звали Лора, – стояла в дверях гостиной, опустив взгляд и сцепив руки в замок. Мимоходом я отметил, что она чудесно выглядит в чёрном форменном платье до колен и белом переднике. Было заметно, что Лора нервничала – кажется, сегодня она впервые обратилась ко мне по имени, хотя жила в нашем доме уже около месяца. Небольшой срок, но комната в домике для прислуги ей досталась хорошая, ведь она приходилась племянницей Сильвии, нашей домоправительнице.

– Господин Уильям просит вас в свой кабинет.

Я ничего не ответил. Она кивнула, словно я что-то ей поручил, и тихо ушла, так и не подняв на меня взгляда.

Прежде я не интересовался, кто занимается покупками, оформляет гостиную к праздникам, – принимал как должное, что три этажа нашего дома и участок всегда в идеальном порядке, мои рубашки отглажены и висят в шкафу, дожидаясь своего часа, а в любое время дня и ночи я могу получить свежее испечённый хлеб, горячий суп или говядину на гриле. И только недавно осознал, что вещи не самостоятельно возвращались на свои места после того, как Габриэлла, моя сестрёнка, раскидывала их во время игр; когда старший брат Гедеон в порыве гнева разносил половину дома (что случалось в последнее время довольно часто, особенно когда отцу приходилось надолго уезжать), спустя пару часов не по мановению волшебной палочки комнаты вновь обретали обычный вид. Лишь поведение непривычно тихой прислуги указывало на то, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Я слышал шёпот тут и там, но стоило мне войти в комнату, как они сразу замолкали и выглядели так, словно их поймали на продаже семейного фарфора.

Помню, как-то, когда мне было лет десять, из-за кошмара я проснулся рано утром. Пролежал полчаса и, не сумев уснуть, спустился вниз, чтобы выпить стакан воды, но на кухне внезапно столкнулся с Кэтрин и Фанни: сонные, они на автомате месили тесто для утреннего

хлеба. Меня это удивило. Почему они не спят? Зачем готовят в такую рань? Мне довелось увидеть изнанку наших будней.

С тех пор я старался всегда наводить порядок в своей комнате, следить за чистотой, напоминать восьмилетней Габриэлле, чтобы она убирала за собой игрушки. А их, клянусь богом, было так много, словно мы целыми днями только и делали, что как безумные скупали содержимое магазинов игрушек. Детский хлам валялся и тут, и там. Все эти бесконечные куклы с их одеждой и домиками, плюшевые медведи, рассыпанные по углам пазлы, которые Габриэлла если и собрала бы в цельную картину, то только к старости. Но самое кошмарное – маленькие и острые детали от «Лего». С виду мягкий, светлый ковёр в комнате сестры больше походил на заминированное поле. Я бы не решился туда зайти ни за какие деньги. А вот Скэриэлу, моему лучшему другу, нравились игрушки Габриэллы: он с удовольствием пил с ней чай из детского сервиза в окружении мягких зайцев и слонов, что бывало, к счастью, нечасто. Иногда она, наслушавшись отца, с детской непосредственностью обрушивала на Скэриэла град вопросов:

– Скэриэл, а вы полукровка? Как Сильвия и Лора? Мой папа говорит, что в Октавии у полукровок никогда не было таких же прав, как у чистокровных. Все полукровки должны работать на чистокровных. А вы тоже работаете? Вы были на Запретных землях? Это очень плохое место.

Но если успокоить Габриэлла мне под силу, то остановить разгневанного Гедеона я не мог и не пытался. Во мне ещё говорил инстинкт самосохранения. Гедеон старше меня на четыре года, но судя по нашим отношениям – на все сорок. Всегда сдержанный и тактичный, брат был подобен вулкану, копившему недовольство долгие годы, а затем извергавшемуся мощно, опасно, неудержимо, так, что лучше сразу поднять белый флаг и капитулировать. Мне всегда было стыдно за его порывы уничтожить всё вокруг всякий раз, когда он не справлялся со своим гневом. Не знаю, что чувствовал брат, но после своих выходок он не покидал комнату несколько дней. А потом снова появлялся всеми уважаемый и порядочный Гедеон Хитклиф собственной персоной. И так до следующего срыва.

Сильвия вставала ни свет ни заря и руководила всеми слугами, отвечающими за работу по дому: несколько женщин были ответственны за уборку, Кэтрин и Фанни – за кухню. Новенькая Лора

выполняла простые поручения, училась всему – возможно, в будущем, лет через двадцать, она займёт место своей тёти.

Моего водителя Кевина можно было назвать везунчиком. Он отвозил меня в лицей утром и забирал после обеда. Больше я никуда на машине не выезжал. Мне всегда было интересно, чем занимается Кевин в свободное время, но, хоть он возил меня вот уже который год, мы так ни разу нормально не поговорили. Я знал, что он общительный человек, потому что, бывало, слышал его задорный голос во дворе. Он частенько любил поболтать с остальным персоналом. Но я никогда не задавал вопросов, а он никогда не начинал разговор первым. Так и ездили каждый день в гробовой тишине.

Я отложил в сторону книгу, которую читал. Если быть честным, то последние десять минут рассеянно водил глазами по тексту. Отвлёкшись на свои мысли, я упустил нить повествования задолго до появления Лоры. Обычно я всё время проводил в своей комнате: читал книги, играл в приставку, доставшуюся путём долгих и упорных переговоров с отцом, и делал домашнее задание. Бывало, я с головой уходил в придуманный мир, переживал за персонажей игр, книг или фильмов, забывал о семье, да что уж там, забывал о том, что организму банально необходимо есть и спать, но, к счастью или нет, позволить себе такое я мог только на каникулах.

Отец нечасто приглашал меня в свой кабинет, и я готовился к худшему. Он мог опять начать разговор про Скэриэла. Я любил отца и был уверен, что он отвечает мне тем же, вот только он был против проявлений каких-либо чувств, пусть даже и отцовских. Не было никаких разговоров по душам (возможно, это и к лучшему; как только я представляю себе столь конфузную ситуацию – хочется аж на стену лезть), не было совместных походов в кино, в кафе, на стадион, чтобы поболеть за любимую команду – ничего такого мой отец не проделывал. Мы никогда не обсуждали что-либо дольше десяти минут.

Кабинет отца находился на третьем этаже и представлял собой личную библиотеку с широким письменным столом в центре. Я постучал в дверь и вошёл. Отец, высокий, статный мужчина с полностью седыми волосами, был занят документами. Выглядело всё так, будто я без приглашения ворвался к нему в разгар рабочего дня.

– Вы хотели меня видеть?

– Присядь, – кивнул он.

Я чувствовал, что разговор выйдет тяжёлым.

– Как твои дела в лицее? – не отрываясь от очередного документа, спросил отец.

Прекрасно – разве по моему табелю, который ты сейчас рассматриваешь, не видно? Я молчал. Не знал, что ответить на, казалось бы, такой простой вопрос. Он получал лист с моими оценками в конце каждой недели. Преподаватели докладывали ему обо всех моих успехах и неудачах раньше, чем я возвращался домой. Иногда мне казалось, что я поступил в этот лицей, потому что у отца там повсюду глаза и уши.

Об этом я много думал в первые годы обучения. Всё время хотелось выкинуть какой-нибудь шокирующий номер, не прямо чтобы довести отца до инфаркта, но показать, что я тоже могу выйти из-под его контроля, однако все мои гениальные планы лопались, как воздушный шарик. В голове я прокручивал тысячи проделок, хотелось устроить что-то, чтобы доказать себе, что я могу пойти наперекор воле отца, послушаться брата, открыто высказать своё мнение преподавателям, вступить в полемику с одноклассниками – много чего могу. Ведь я был в том возрасте, когда казалось, что море по колено.

– В следующем году ты поступаешь в академию, готовься усерднее.

Я кивнул. Кажется, мои опасения не подтвердились и разговор обещал выйти лёгким, по крайней мере, сейчас отец выдавал прописные истины. Он отложил табель в сторону и посмотрел на меня. К этому оценивающему взгляду я привык. Меня бы больше выбило из колеи, возьми он меня за руку и произнеси что-то по-отцовски трогательное, ну, знаете, что-то в стиле: «Сынок, видел твои оценки, ай да молодец, весь в меня», – вытирая при этом скупую слезу. Я бы рухнул в обморок.

Я сидел ровно, как меня учили. Осанка, взгляд обращён на собеседника, спокойствие, сосредоточенность, ровный голос, еле заметная улыбка, руки раскрыты – не зажимайся, Готье.

– Ты помнишь про наставников? Тебе нужно будет выбрать наставника из старшекурсников.

Да, наставники. Как я мог забыть, мне ведь напоминали об этом... хм, как минимум двадцать раз в неделю. Постоянно вылетает из головы!

В следующем году, когда я стану первокурсником Академии Святых и Великих, ко мне приставят наставника, который будет отвечать за меня. Симбиоз юных и зрелых умов. Опыт против неискренности. Так было написано в буклете. На деле всё выглядело прозаично до слёз. Старшекурсник поможет мне с адаптацией, поделится советами по поводу обучения в Академии. Благодаря этому я успешно сдам теорию с практикой, и в результате старшекурсник получит баллы за мои старания. И мы с ним, держась за ручку, прыгаем по зелёному лугу, залиvisto смеясь, а радуга переливается над нашими головами.

Меня передёрнуло.

– Не хочешь наставника? – усмехнулся отец. – Ты можешь попросить Оскара.

Оскар Вотермил. Старший сын папиного лучшего друга. Мистер Вотермил владеет сетью фабрик по производству элитного алкоголя. Король крепких напитков. Мистер десятибалльное похмелье. В детстве Оскар с Гедеоном дружили, но после непонятной ссоры Гедеон разговаривает с ним сквозь зубы. Каждый раз, когда Оскар бывал у нас в гостях по случаю очередного официального банкета, Гедеон обращался с ним как с заклятым врагом. Клянусь, мне каждый раз казалось, что вот-вот произойдёт извержение вулкана в лице моего старшего брата и среди первых погибших будет числиться Оскар Вотермил. Я думал, что Оскар может стать моим наставником, только если я окончательно рехнусь и захочу сжечь все хрупкие мосты братских чувств между собой и Гедеоном. Если придёт тот день, когда я и Оскар будем залиvisto смеяться и бегать по лугу под ручку, то он станет последним в наших жизнях. Не удивлюсь, если Гедеон пристрелит нас обоих. Двух зайцев разом. Вот удача, да?

– Я подумаю над этим, – выдавил я после того, как понял, что нужно хоть что-то ответить.

Отец взялся за новую стопку документов и продолжил:

– Или ты можешь попросить брата стать твоим наставником, он как раз будет на последнем курсе. Это оптимальный вариант для вас обоих. Гедеону тоже нужно выбрать первокурсника.

Проще сразу броситься под горячую руку Гедеона, когда он не в духе, чем весь следующий учебный год жить как на пороховой бочке. Взорвётся сейчас или через секунду? Успею ли я выпить стакан сока,

или он запустит в меня своей чашкой раньше? Не помню, когда в последний раз мы с ним полноценно разговаривали. Я мог бы драматично заметить, что забыл, как звучит его голос, но по утрам слышал это сдержанное: «Доброе утро, отец. Вы видели сегодняшние финансовые сводки?» Он учтиво обращался к другим в доме: «Габриэлла, будь так любезна, допей сок», «Сильвия, не приготовите ли вы нам на ужин своё коронное блюдо? Да, то самое, запечённого гуся». При этом избегал меня, будто любое взаимодействие между нами могло привести к ужасающим последствиям.

– Я подумаю.

– Хорошо, – кивнул отец. – Ступай.

Это всё? Неужели он отпустил меня так просто? Наверное, на моём лице отразился весь спектр положительных эмоций, а это редкость. Я так подскочил, что сам себя одёрнул. Когда выходил из кабинета, отец окликнул меня. Прикусив язык, я изобразил ангельское смирение и повернулся к нему.

– Где ты был ночью? Сильвия говорит, что видела кого-то во дворе под твоими окнами, – настойчиво произнёс он, при этом не отвлекаясь от документов.

Почему трудолюбивая и зоркая Сильвия не спит по ночам? Ей вставать рано, а годы-то уже не те. И, кажется, кое-кому, кто слишком шумел, пока добирался до моих окон, стоило оторвать ноги.

– Я спал, отец. – Отчасти это была правда: я спал, пока Скэриэл Лоу не появился среди ночи.

– К тебе по ночам ведь не навевается тот дружок-полукровка? Будь ты девушкой, я бы уже переживал, не принесёшь ли ты мне бастарда в подоле.

«Дружок» – как противно звучало это слово. Я изобразил оскорблённую невинность. Как он мог такое обо мне подумать?! Будь я девушкой, не подпустил бы Скэриэла и на пушечный выстрел. Но волнения отца можно понять. Скэр производил впечатление, мягко говоря, сомнительной личности. А если начистоту, то, как сказала Кэтрин, одна из наших кухарок, когда я случайно подслушал её разговор с Лорой: «Тот парень из семьи Лоу выглядит так, словно пришёл обчистить дом и насрать под дверь».

Весь разговор по душам с отцом занял от силы пять минут, и я бы даже сказал, что вышел он достаточно многословным. Бывали дни,

когда за всю беседу мне удавалось под конец произнести только одну фразу: «Я всё понял, могу ли я идти?»

Из этих пяти минут мне пришлось усвоить многое: отец хочет, чтобы я поскорее определился с наставником, и это могут быть только Оскар или Гедеон. Других претендентов отец не рассматривает. Он в очередной раз напомнил, что я должен больше времени посвящать учёбе и подготовке, потому что поступить в Академию Святых и Великих (Скэр называл её Академией Жалких Грешников) очень сложно. В конце весны я должен сдать все экзамены на двенадцать баллов и подтвердить средний уровень тёмной материи. Больше всего меня пугала работа с тёмной материей. Я едва владел ею на достаточном для поступления уровне.

И последнее – отец недоволен моей дружбой со Скэриэлом Лоу. И тем более его ночными визитами, что совсем неудивительно.

Я спустился в гостиную и забрал оставленную на журнальном столике книгу. Больше всего на свете хотелось швырнуть её в камин. Но бросать что ни попадя в пламя – это прерогатива брата. Сколько стоящих вещей погибало в огне, попав под горячую руку Гедеона. Я не был зависим от побрякушек, не питал нежных чувств к материальным ценностям, хотя, соглашусь, что, выкинь он мои любимые книги или игры, я бы очень расстроился. Но Гедеон с такой злостью швырял фарфоровые статуэтки, расписные вазы, картины известных и не очень художников, диванные подушки – я уже не говорю о таких мелочах, как книги, которые ему подвернулись в гневе, – что становилось просто жаль все эти вещи. Я не мог простить ему только одного – когда брат уничтожал вазу или картину, связанные с мамой.

Нахмурившись, я посмотрел на книгу, в которой не мог осилить и двухсот страниц: текст состоял из нудного и, что хуже всего, детального перечисления всех исторических событий, начиная с девятнадцатого века. Прочитать книгу и написать эссе было домашним заданием по Истории тёмных сил. Если бы я не боялся плохой оценки – или, скорее, реакции отца на плохую оценку, – моё эссе могло бы выглядеть так: «Я героически прочёл первые двести страниц, а из оставшихся трёхсот сложил оригами. Представляю вашему вниманию моих бумажных собачек и лягушек». Но это больше в духе Скэриэла.

Мне нужно было подняться к себе в комнату и сесть за уроки, но я оттягивал этот момент как мог. Мне вдруг резко захотелось перекусить. Или переодеться. А может, сходить в душ. Или покормить рыбок Гедеона. Они давно жили у брата, и как за всё время аквариум ещё ни разу не был перевёрнут, а если рыбки умирали, то естественной смертью (а не оттого, что Гедеон, например, великодушно угостил их пудом соли), – никак не укладывалось у меня в голове. Нет, рыбки – это уже на крайний случай. Я мог бы их покормить перед экзаменами. И тогда готовиться к концу учебного года мне пришлось бы в отделении реанимации и интенсивной терапии. Возможно, лицей сделал бы мне поблажку, так как писать тесты со сломанным позвоночником непросто, скажу я вам. Не то чтобы у меня был подобный опыт, но это бы точно вошло в перечень уважительных причин.

Я остановился на перекусе. Фанни на кухне собиралась приняться за ужин; она с радостью согласилась приготовить сэндвич, когда я сказал, что проголодался (если честно, я планировал приготовить сам, но мне попросту не дали это сделать). Трапеза заняла не больше десяти минут.

– Господин Готье, что это вы удумали? – Она без церемоний отобрала тарелку. – Идите, я сама помою.

Так был зарублен на корню благородный порыв помочь прислуге и оттянуть время. Поднимался я к себе как на эшафот, медленно плёлся по ступенькам с лицом мученика, осознавшего, что впереди его ждёт неизбежный ужас в виде домашнего задания. Я учился в выпускном классе лицея. Этот год уже можно было назвать самым тяжёлым в моей жизни, хотя прошло только две недели.

– Господи. – Я вошёл в комнату и вздрогнул. На кровати, развалившись, Скэриэл читал мой ежедневник. Я мысленно похвалил себя за то, что ничего важного там не писал.

– Можно просто Скэриэл, – хмыкнул он. – У тебя на редкость скучный дневник.

Он лениво отбросил блокнот и посмотрел на меня взглядом «вы не оправдали моих ожиданий, мистер Хитклиф».

– Иди в жопу, – бросил я, усаживаясь рядом. Пришлось столкнуть его ноги, конечно же, он не снял кеды. – Это не личный дневник.

– Да я уже понял. Ожидал увидеть тут исписанные моим именем страницы, но здесь только расписание уроков и походов к стоматологу. Кто ведёт запись приёмов к стоматологу, Готи? Чокнутая старушка, которая боится потерять последние зубы?

Я скинул его с кровати и показал средний палец. Растянувшись во весь рост – а он был выше меня на полголовы, – Скэриэл удобно улёгся на полу. Я отложил ежедневник на прикроватный столик. Блокнот этот мне подарил отец на пятинадцатилетие. Кто в здравом уме дарит такое подростку?!

Я изредка вёл его только потому, что это подарок отца. По телевизору как-то советовали завести настоящий личный дневник, если вам хочется высказаться, но некому. Например, я мог расписать там свои отношения с отцом, с братом, написать про маму, но в этом не было абсолютно никакого смысла. Я не хотел, чтобы дневник, который мог стать бомбой замедленного действия, попал в руки кого-нибудь из семьи. Проще держать всё в голове. Так безопаснее.

– Тяжёлый день? – Иногда Скэриэл вёл себя как мой психолог. Он подложил руку под голову и взглянул на меня.

– Благодаря тебе.

– Да ну? Я пришёл полчаса назад и что-то уже успел натворить? – Я слышал его довольный голос.

– Сильвия видела тебя ночью. Мне досталось от отца.

– Эта старая корова сдала меня. – Лоу попытался изобразить недовольство, но вышло очень наигранно. – Что сказал отец?

– Что мне не светит наследство, если я залечу до свадьбы. – Я выдал это расстроенным тихим голосом.

– Не волнуйся, я обязательно женюсь на тебе, – ответил Скэриэл в том же тоне.

Мы устали друг на друга и рассмеялись. Мне весь день очень не хватало подобных шуток. Я кинул в него подушкой, и, конечно, он увернулся. В следующую секунду он набросился на меня с подушкой и начал душить, при этом смеясь как полоумный.

Каждый день мне приходилось сдерживать себя, следить за поведением, чтобы не ударить в грязь лицом. Постоянно находиться на виду у прислуги, одноклассников, преподавателей. Но самое сложное – быть на виду у отца и старшего брата. Они оба возлагали на меня большие надежды. Отец часто об этом говорил: ты должен быть лучше

всех в лице, ты должен успешно сдать экзамены, ты должен поступить в Академию Жалких Грешников – «Боже, Скэриэл!», – ты должен получить высокий уровень тёмной материи, ты должен то, должен сё.

Брат говорил редко, но своим поведением давал понять, что я не должен очернить его репутацию. Гедеон – первый на четвёртом курсе Академии, он превосходно владел тёмной материей и метил в политики. Уж очень он хотел попасть в Совет старейшин и работать среди действительно «достойных и великих». У Скэриэла на этот счёт было другое мнение, он называл членов Совета кучкой надменных стариканов, которые возомнили себя пупом земли и которые не видели жизни дальше своих хором.

За шестнадцать лет я ни разу не дал близким повода усомниться во мне. Я был послушным сыном, не доставлял проблем семье и делал всё, что от меня требовалось. Но с появлением в моей жизни Скэриэла я чувствовал, как скорлупа, которая сдерживала меня все эти годы, треснула. По отцу было видно, что он недоволен этими изменениями. Он воспринимал мою дружбу с Лоу как небольшой недостаток, побочный эффект подросткового возраста; надеялся, что скоро я переболею этим, будто сейчас подцепил вирус.

Со Скэром мне не нужно было что-то из себя изображать. Он вырос за пределами города, там, где жили только полукровки и низшие, но он воспринимал нас как равных, не лебезил, не пытался мне угодить. И он ничего от меня не требовал и не ожидал. Я был рад, что он принимал меня таким, какой я есть.

II

Иногда Скэриэл пропадал на неделю и каждый раз объяснял это тем, что уезжал сдавать контрольные и проверочные в школе. Я не знал, что представляет из себя домашнее обучение, а потому у меня не было причин усомниться в его словах. В те дни, когда Скэр не заявлялся ко мне домой без приглашения днём или ночью – даже я сам долгое время привыкал к его внезапным визитам, – я усиленно занимался учёбой. На книги, по которым нужно было написать эссе, тесты по языкам, практические уроки по тёмной материи и масштабные проекты по истории уходило всё моё время.

Отец уехал в другую страну на конференцию – что-то связанное с глобализацией экономики и финансов. Уезжал он часто, поэтому я привык и не обращал на это внимания. Утопая в бесконечных рефератах, эссе, докладах, я даже не замечал смену времени суток. Если бы не Сильвия, напоминавшая мне о завтраке или ужине, я мог бы сидеть голодным в своей комнате несколько дней.

Гедеон с утра и до вечера был занят чёрт знает чем, но точно чем-то очень важным, раз вставал рано, а возвращался, когда я видел десятый сон. Иногда мне казалось, что он просто не хочет сидеть со мной за одним столом.

В доме оставались прислуга и мы с Габриэлкой, увлечённой репетициями. Любовь к балету досталась ей от мамы. Та лично сопровождала Габи в балетную школу и после занятий мило беседовала с учителями. Мама посещала все выступления, даже если Габриэлла выходила на сцену на пару минут, чтобы станцевать десятого лебедя в пятом ряду с краю. Я видел только пять выступлений сестры; иногда болел, иногда был по уши в домашних заданиях, но чаще просто находил уважительные причины, чтобы избежать похода в балетную школу. Я не испытывал такого, как хотелось маме, восторга от выступлений Габи. Для меня это было очень скучное, в лучшем случае получасовое, в худшем – двухчасовое мельтешение маленьких девочек в воздушных платяцах. Я засыпал в первые десять минут и постоянно боялся, что упаду со своего места в проход. Мама всегда тактично и незаметно будила меня в кульминационные моменты: например, когда я почти сползал с неудобного сиденья, когда начинал говорить во сне,

во время сольного танца первой ученицы или когда на сцене появлялась сестра. Если удача была не на моей стороне, рядом присаживался Гедеон, и тогда вместо мягкого прикосновения мамы я получал болезненный толчок локтем в бок и презрительный взгляд вдогонку.

Иногда мама устраивала вечеринки для родителей и девочек из балетной школы, чтобы Габи могла поддерживать дружеские отношения с остальными ученицами.

– Грэйс, какой чудесный вечер, – ворковали другие мамочки.

Они обменивались приветствиями, обсуждали успехи дочерей и восторгались платьями друг друга, как будто прибыли из каменного века и в жизни не видели женской одежды. Все пили шампанское, смеялись и улыбались. Повсюду виднелись цветные воздушные шары, маленькие пирожные, разнообразные канапе и коктейли, от которых меня воротило.

Каждый раз я вспоминал эту балетную вакханалию с содроганием, стоило маме заговорить об очередной вечеринке после выступления. Сразу принимался лихорадочно подбирать вескую причину, чтобы улизнуть с этого праздника жизни, и, на удивление, у меня это выходило.

Отец очень любил маму и называл нас всех в её честь: Гедеон, Готье, Габриэлла. Если бы я не был свидетелем того, как отец проявляет любовь к маме, не поверил бы ни единому слову. Он всегда называл её «дорогая» или «милая»; когда возвращался домой, целовал её в щёку, а уходя рано утром, просил Сильвию не открывать шторы в их комнате, чтобы Грэйс и дальше сладко спала. Он не выносил, когда мама допоздна ждала его с работы, если он задерживался в банке; жутко злился, когда она встречала его в аэропорту или на вокзале после командировки. «Грэйс, ты с ума сошла! Зачем приехала? Здесь так шумно! Лучше бы дома осталась». Он присылал пышные букеты цветов на каждый праздник, даже если этот праздник никак не касался мамы. И он поддерживал все её затеи, вплоть до самых безумных, как, например, эти собрания после балетных выступлений.

В то время как отец почти не проявлял отцовских чувств ко мне или Гедеону, он компенсировал свою сухость, балуя маму и Габриэлла. Им любви доставалось с лихвой. Отец не стеснялся обнимать Габи, целовать её в лоб и внимательно слушать детский лепет. Обычно мы

с Гедеоном, если нам случалось вместе застать эти телячьи нежности, изображали глухих и слепых, как будто не происходило перед нами что-то из разряда «необъяснимо, но факт». Если сюсюканье отца с Габи выходило из-под контроля (однажды они совсем позабыли о нас – отец поднял сестру на руки, и они принялись танцевать под мелодию, которую он фальшиво напевал), Гедeon смущённо кашлял в кулак, как бы давая понять, что ему очень не хочется присутствовать при этой сцене. В такие минуты я понимал, что чувствует брат, и где-то в глубине сердца теплилась надежда, что не такие уж мы и разные.

Мама.

Она заболела и умерла, когда Габи было шесть лет. За год мама из весёлой и энергичной женщины превратилась в немощную и замкнутую. Когда врачи сообщили, что ей осталось жить от силы неделю, отец начал проводить в её спальне всё свободное время. Габриэлла постоянно плакала, сделалась нервной и пугливой. Она могла проснуться среди ночи и побежать в комнату родителей, чтобы проверить, дышит ли мама. Гедeon учился на втором курсе Академии Святых и Великих. До сих пор не могу понять, как он успевал горевать по маме, успокаивать отца и сестру и при этом оставаться первым по успеваемости. Иногда мне казалось, что нет силы, способной остановить его стремление попасть в Совет старейшин.

Я же просто не мог поверить в болезнь мамы и в неутешительные прогнозы врачей. Я застрял на стадии отрицания, Гедeon, кажется, не сдвинулся со стадии злости. Отец всегда предпочитал торги. Он надеялся, что откупится от болезни мамы, – постоянно искал лучших врачей, тратил все деньги на новейшие лекарства и медицинские технологии нового поколения. Отец привык решать все проблемы с помощью денег.

Мне было четырнадцать, когда мама умерла. В день похорон (это была большая траурная панихида) шёл проливной дождь, с севера дул порывистый ветер, словно сама природа не могла принять смерть Грэйс Хитклиф. В тот день я сломал два зонта, промок до нитки и затем полмесяца пролежал с температурой.

Я ничего не помню о похоронах, кроме ужасной погоды. Как будто подсознание пыталось защитить меня и стёрло всё плохое. Я не помню, что говорил священник, гости, что говорили отец или Гедeon. Пришёл в себя, только когда выздоровел и понял, что спальня мамы пустует. Её

больше не было. Отец оставил всё в комнате нетронутым, но какое теперь это имело значение? Мама наполняла наш дом уютom. На смену уюту пришла тоска.

Я стал жалеть о каждой упущенной возможности провести время с ней. Она просила вернуться пораньше из лицея и помочь, но я не хотел и врал, что буду занят (таких случаев могло набраться с десятков). Конечно, ей помогала прислуга, но теперь я понимал, что мама просто хотела побыть со мной. Она просила прийти на очередное выступление Габриэллы, а я говорил, что у меня полно уроков.

Она подарила мне на Рождество нелепый длинный шарф, который я мигom засунул в самую бездну шкафа. Я никогда не носил этот её подарок, и однажды мама сказала под конец зимы: «Милый, если тебе не понравился шарф, ты так и скажи, я не обижусь». До чего же это было гадко с моей стороны. Я мог хоть раз надеть этот шарф при ней! Голова б не отвалилась, а маме было бы приятно. Но теперь это всё в прошлом. Все мои сожаления так и останутся на моей совести.

Мамы не было с нами уже два года, и мы вернулись к обычной жизни: Габриэлла больше не психовала из-за балета (после тяжёлой утраты она вообще не хотела заниматься танцами), отец не закрывал на ключ спальню мамы, а Гедеон забрал её рыбок к себе в комнату. Больше не было балетных вечеринок, праздничных букетов по утрам и нелепых подарков на Рождество.

Когда тоска по ней достигла апогея, в наш район переехал Скэриэл Лоу.

Это случилось через полгода после её смерти. По всем новостным каналам, на первых страницах ежедневных газет и по радио говорили о группировке «падальщиков», или «крыс». Так их окрестили журналисты. Группировка, состоящая из низших «носителей смерти», потрясла Октавию, нашу страну, убийствами. Раскрыть их было не так-то просто на протяжении многих лет. Носители, или переносчики, смерти имели мощный иммунитет против многих заболеваний. Это давало им возможность продавать свои услуги и заниматься заказными убийствами. Так писали в газетах, но мне слабо верилось. Падальщики могли переносить вирусную пыль и заражать жертву. На чёрном рынке это был самый дорогой из представленных видов убийств. Отличить заказной вирус от обычного очень сложно, следовательно, доказать

чью-то вину практически нереально. Когда я впервые об этом услышал, то за ужином спросил отца о группировке, но тот хмуро окинул меня взглядом и посоветовал не забивать себе голову сомнительной информацией.

В Октавии много опасных болезней, которыми чаще всего заражались низшие (в основном на Запретных землях), реже полукровки. До чистокровных болезни доходили через контакты с заражённым. Обычно чистокровные семьи жили в центре городов. Мы платим высокие налоги, чтобы полиция усиленно следила за безопасностью. Низших, которым удавалось забрести в наши районы, быстро отлавливали и доставляли в участки, где тем приходилось сидеть не одни сутки за нелегальное нахождение на чужой территории. Получить разрешение на проход в центр для низших – тот ещё квест. Я был уверен, что Центральный район в Ромусе, столице Октавии, защищён, но Скэриэл показал, как легко полукровки и низшие обходят законы, если это им нужно.

Полиция долгое время не могла выйти на след падальщиков. Не хватало доказательств, прокуроры метали гром и молнии, зверели на глазах. Масла в огонь подливали журналисты, с удовольствием пишущие о носителях смерти. Конечно, они не могли упустить такой лакомый кусочек. Газеты и журналы пестрели самыми абсурдными заголовками.

«Падальщики работают на чистокровные семьи».

«К переносчикам смерти обращаются, чтобы избавиться от конкурентов в бизнесе и в политике».

«Главный прокурор Ромуса просит город успокоиться и уверяет, что падальщики – раздутая опасность».

Мама умерла от болезни, и журналисты стали писать о том, что Грэйс Хитклиф, жену директора государственного банка, могли убить переносчики смерти. Фотографии нашей семьи не сходили с первых страниц местных газет. Перед домом сутки напролёт дежурили папарацци в надежде урвать фотографию расстроенного отца или плачущей Габи. В основном преследовали отца и старшего брата, так как они чаще меня выходили на улицу. Габриэлла не могла ответить ни на один из жестоких вопросов и всё время плакала. Отец наказал Кевину не отпускать меня никуда и всегда быть рядом (как будто я вообще куда-то мог уйти один). Но однажды добрались и до меня.

Я отправился в Музей современного искусства, так как нужно было сдать эссе о влиянии искусства на человека. Я и так затянул с этим заданием, потому что никак не мог взяться за учебу после похорон. Лицей пошёл мне навстречу – очень неожиданный и щедрый подарок с их стороны – и разрешил сдавать домашние работы позже. Кевин не стал со мной заходить: «Простите, господин Готье, но от всего этого современного искусства меня тошнит, можно я вас подожду в машине?» Конечно, я согласился: во-первых, Кевин впервые что-то у меня попросил (я отмечу этот день в календаре), во-вторых, я хотел не спеша в одиночестве пройтись по галерее.

Когда на улице стемнело, я вышел из музея. Это стало моей ошибкой, нужно было попросить Кевина зайти внутрь. В ту же секунду на меня налетел незнакомец. Это был невысокий, худой мужчина. Возможно, он ждал меня с самого начала, просто не мог подойти раньше из-за водителя. Я никогда прежде не видел его.

Журналист. Один из тех, кто поджидал отца или Гедонеа у нашего дома. Он защёлкал фотоаппаратом со вспышкой, и меня ослепило. Встав на моём пути, мужчина торопливо заговорил, продолжая фотографировать.

– Мистер Хитклиф, как вы думаете, вашу маму могли заразить? У вашего отца были с кем-нибудь ссоры? Кого вы можете подозревать?

Я прикрыл глаза рукой, как будто это могло уберечь от вспышек (пару снимков моего удивлённого лица он всё же успел сделать), развернулся и забежал обратно в музей. Слава богу, журналиста не пустила охрана, преградив ему дорогу. Он продолжал, стоя у входа, громко кричать мне вслед: «Мистер Хитклиф, вы слышали что-нибудь о носителях смерти?! Ваше мнение на этот счёт?!»

Я был так ошарашен и испуган, что попятился. Это было моё первое близкое знакомство с папарацци. Я узнал о них из новостей о звёздах, когда наткнулся на музыкальный канал. Всё это казалось мне таким далёким. Звёзды, слежка, папарацци. Другой мир. И вот один из этих надоедливых репортёров подловил меня.

Успокоился я, только забежав за угол и скрывшись с глаз журналиста. Затем выхватил телефон и на ходу написал сообщение Кевину: «Забери меня у чёрного входа». Не хватало ещё обсуждать случившееся с сотрудниками музея, с волнением смотревшими мне вслед. Меньше всего хотелось сейчас вообще с кем-либо говорить.

В этой ситуации общение с Кевином по эсэмэс показалось мне подарком небес. Впервые я был рад, что мы с ним не слишком сблизились и мне не придётся пересказывать ему все детали столкновения.

Я прошел вперёд и ещё раз завернул за угол, но тут услышал голос администратора музея: «Мистер Хитклиф, постойте!» – и ринулся к чёрному входу. Он располагался с другой стороны здания, и я надеялся, что Кевин знает об этом. Мне не улыбалось ещё раз столкнуться с папарацци и тем более выслушивать его гнусные вопросы и утверждения.

«Моя мама заболела и умерла. Её никто не заразил», – повторял я про себя, как мантру, пока, словно обезумевший, бежал вперёд.

Я чуть было не врезался в железную дверь, в последний момент опомнился и остановился, пытаюсь отдышаться. Мне казалось, что за мной гонятся, но это был только стук моего испуганного сердца. Я дышал так, словно у меня чёртова бронхиальная астма и сейчас я отброшу коньки.

Толкнув дверь (на случай чрезвычайных ситуаций они открывались только наружу), я очутился на улице. Было темно и тихо. Справа находились мусорные контейнеры, слева – пустая дорога, ведущая к проезжей части. Там, где-то вдалеке, люди шли с работы, стояла моя машина и поджидал тот самый журналист. Я замер в дверном проёме, сомневаясь, выйти мне или нет. Если закрою дверь – потеряю возможность вернуться в безопасный музей. Будет только один выход – к главной дороге.

Я получил сообщение от Кевина: «Подъезжаю» – и медленно пошёл к дороге. Кажется, интуиция меня не подвела: я знал, что папарацци не сдадутся так просто. Сзади послышался шум, за мусорными контейнерами кто-то был.

– Мистер Хитклиф, меня зовут Фрэдди, я из «Дэйли Ньюс Ромус», хочу задать вам несколько вопросов.

Я опомниться не успел, как он крепко схватил меня за руку. Я закричал и, кажется, стал биться в истерике. Сейчас я понимаю, что выглядел, мягко говоря, так, будто у меня начался припадок. Возможно, мне стоило обратиться к психиатру после всего произошедшего. Кажется, мои крики напугали даже журналиста. Он отпустил меня, но продолжал что-то говорить и вытащил из кармана куртки диктофон.

– Мистер Хитклиф, я...

– А-А-А! – Я правда орал так, словно надеялся, что все сбегутся сюда и спасут меня. Может, кто-нибудь сообразит вызвать полицию.

И тут кто-то на велосипеде врезался в Фрэдди и сбил его – я ошарашенно заткнулся. Журналист с грохотом рухнул на асфальт. Диктофон выпал из его рук. Парень, мой ровесник, отбросил велосипед и со всей силы пнул диктофон в стену.

– Сукин сын! – прокричал Фрэдди и подполз к остаткам диктофона. Возможно, это была и правда ценная для него вещь, раз он принялся с осторожностью собирать обломки.

– Простите, мистер. Я вас не заметил. Пришлите мне счёт, я возмещу ущерб. – Парень действительно выглядел виноватым. Я даже на секунду поверил в его представление. Он повернулся ко мне: – Чего встал как вкопанный? Бежим.

Незнакомец подтолкнул меня в сторону главной дороги, и мы вместе понеслись вперед, как будто Фрэдди мог погнаться следом.

Когда мы выбежали из переуллка, Кевин на машине резко затормозил прямо перед нами. Я, наверное, никогда так не был рад ему, как сейчас. Он посмотрел на уже успевшего подняться на ноги и держащего в руках обломки диктофона журналиста, затем на нас и проговорил: «Залезайте, живо».

– Мой велосипед...

– Я попрошу охранника музея подержать его у себя, – перебил его Кевин. Я первым ринулся в тёплый салон автомобиля. Оглянувшись, заметил, как мой спаситель мнётся и смотрит то на свой велосипед, то на меня.

– Вы же не повезёте меня в полицию? – с подозрением произнёс парень, обращаясь к водителю.

– Что? Нет! Я отвезу тебя к нам. Ты спас господина Готье. Ты заслужил по меньшей мере ужин.

Парень ещё раз взглянул на меня, как бы оценивая, можно ли нам доверять. Честно говоря, у меня были нехорошие мыслишки бросить его тут и мчаться домой. Так и подмывало попросить Кевина захлопнуть дверь и гнать изо всех сил. Оглядываясь на Фрэдди, который громко ругался и пытался починить диктофон, я решил ускорить процесс.

– Сядь, пожалуйста. – Голос предательски дрогнул. Я тут же залился краской и отвернулся.

Хотелось верить, что я не выглядел уж слишком жалким.

«Да что ты, Готи! Ты был как побитый щенок, которого оставили под дождём на улице. Моё сердце не могло устоять. Я же не железный!»

«Заткнись. Просто замолчи».

В машине, успокоившись, я радовался, что мы покинули этот злосчастный музей. И тут до меня – не сразу – дошло: мы везём кого-то к себе домой. Я, не поворачиваясь, тихо произнёс:

– Меня зовут Готье Хитклиф, я чистокровный. – Впервые полукровка ехал со мной на заднем сиденье.

– Скэриэл Лоу. Полукровка. – Он улыбнулся (я это увидел боковым зрением) и затем обратился к Кевину: – А мы точно не в полицию? Я только переехал, и мне неприятности не нужны.

В этот вечер дома оставалась только прислуга. Я ужинал со Скэриэлом в большой столовой, и это был самый неловкий наш вечер. Мы не знали, о чём говорить, каждый уткнулся в свою тарелку, слышалось только тихое позвякивание столовых приборов.

«Конечно, было неловко. Я думал, что наложу кирпичей. Я впервые оказался в доме чистокровных и тем более ел с чистокровкой за одним столом!»

Я попросил Кевина ничего не рассказывать отцу. Мне вообще не хотелось вспоминать этот инцидент. Тот охотно согласился. Ему тоже не нужны были проблемы, ведь из-за этого он мог лишиться работы.

С того дня мы сдружились. Инициатором всех наших встреч всегда был Скэриэл. Он не боялся завалиться в мою комнату через окно, стоило отцу и брату уйти из дома. В первое время я опасался его, не знал, о чём с ним разговаривать, но вскоре оказалось, что нам комфортно вместе, неважно, общаемся мы или молчим. Впервые я понял, что такое радость от того, что кто-то жаждет со мной встретиться и просто поболтать.

Когда дружба со Скэриэлом стала заметна всем домочадцам, мне пришлось сказать, что я познакомился с ним в библиотеке, когда готовился к защите проекта в лицее.

Скэриэлу эта легенда особенно пришлась по душе: «Ага, с моим внешним видом я мог в библиотеке только дурь толкать» и «Ну, не

знаю, Готи, твои родные поверят в эту брехню, только если они совсем отбитые».

К счастью или нет, мои родные были вполне адекватные и поэтому, когда я рассказал легенду о знакомстве со Скэром, Габриэлла громко рассмеялась, словно я выдал остроумную шутку. Отец выглядел недовольным, когда услышал, что Скэриэл Лоу – полукровка. И, говоря «недовольный», я имею в виду, что он мог в ту же минуту вызвать всю семейку Лоу на допрос с пристрастием. А Гедеон впервые пристально посмотрел на меня. «Да ты рехнулся?» – крупными буквами читалось на его лице.

Скажу только, что я бы не удивился, узнав, что в тот день отец достал своё завещание из сейфа и переписал всё моё наследство на Гедеона и Габриэллу.

III

Вернувшись вечером из лица, я был так вымотан, что меня хватило только на то, чтобы сходить в душ и сразу завалиться спать. В последние дни из-за учёбы не оставалось времени на полноценный сон. Я был таким уставшим, что не услышал, как к дому подъехала машина. Мои окна выходят во двор, и я узнаю о возвращении отца, брата или сестры до того, как они входят в гостиную. Поэтому, когда в дверь постучала Лора и сказала, что внизу меня ждёт мистер Вотермил, спросонья я даже не сообразил, о чём она. Отца не было дома, поэтому мистеру Вотермилу приезжать не было необходимости. Я перевернулся на другой бок и погрузился в сон. Не знаю, сколько я так спал, и спал ли вообще, прежде чем Лора снова постучала и повторила свои слова.

Поднялся я как в тумане, сонно натянул попавшиеся под руку вещи – с детства не любил пижамы, поэтому спал в нижнем белье, и поначалу Скэриэл ставил меня в неловкое положение, врываясь по ночам – и спустился в гостиную. Каково было моё удивление, когда я увидел Оскара.

– Привет, Готье, ты спал? – Это не звучало насмешливо, скорее, он удивился, что кто-то действительно спит в семь часов вечера.

– Эм... – Я неловко почесал шею и стряхнул последние крупички сна. – Привет. Гедеон не дома и...

– Знаю. Я пришёл к тебе, – перебил Оскар.

Я посмотрел на него, как, возможно, смотрел на меня брат, когда я впервые рассказал ему о Скэриэле. Оскар рассмеялся, увидев моё озадаченное лицо.

– Я проголодался, проезжал мимо и решил пригласить тебя в ресторан. – Он произнёс это так просто, как будто мы часто устраивали с ним ресторанные посиделки. Да мы даже наедине редко оставались.

Наверное, моё лицо выглядело настолько изумлённым, словно он предложил мне не в ресторан сходить, а бросить лицей и рвануть с ним в Лас-Вегас.

– Ну... ты мне как младший брат. – Теперь неловко стало ему. От моего взгляда он растерял весь запал. – Да ладно! Будет весело.

«Ты мне как младший брат». Если он хочет стать для меня вторым Гедеоном, то пусть сразу бросает это дело. Ещё одного старшего брата я не переживу и утоплюсь в ближайшем пруду. Возможно, в этом кроется причина, почему отец в своё время отказался от устройства домашнего пруда на заднем дворе. У этой семьи слишком много поводов захотеть посидеть на дне водоёма.

В силу воспитания мне было трудно говорить «нет», особенно когда меня заставляли врасплох. Немного помолчав, я кивнул, сказал, что сейчас переоденусь, и поднялся в свою комнату. И опять началось моё любимое растягивание времени: я нехотя натягивал брюки и рубашку, причёсывался и долго рассматривал себя в зеркале в надежде, что гость передумает и уйдёт.

Когда я спустился к Оскару, тот пил чай и флиртовал с пунцовой Лорой. Мне даже стало её жаль – мысленно я отругал себя за медлительность, из-за которой горничной пришлось слишком долго находиться в компании Оскара. Он был известным дамским угодником. Что у него действительно хорошо получалось, так это охмурять девушек и выпивать.

Когда вошла Сильвия, Лора облегчённо вздохнула и торопливо покинула комнату. Было видно, что Сильвии не нравился Оскар, но она улыбалась ему, как того требовали приличия. Уверен, что, как только за нами закроется дверь, она помчится докладывать отцу по телефону. Когда ещё к нам навещался младший Вотермил, да ещё не к Гедеоноу, а ко мне?

– Готов? – Оскар поставил чашку на журнальный столик и поднялся. Они с Гедеоном учились на четвёртом курсе академии, оба высокие, но Оскар крупнее. Он был похож на огромного гризли, сумевшего натянуть на себя рубашку.

Мне хотелось быть, как только я представлял себе, что придётся потратить вечер на Оскара. Одно дело – проводить время с ним, с Гедеоном и ещё десятком приглашённых: я мог ответить на пару вопросов Оскара и с чувством выполненного долга отойти от гостей, постоять в сторонке, вернуться через полчаса, изобразить общительного подростка, поддержать короткую светскую беседу: «Готье, как вам лицей?» – «Эм... Замечательное место»; «Когда мы в последний раз виделись, Готье, вы были таким малышом, а теперь каким выросли красавцем!» – «Спасибо, тётушка, вы тоже... хм...

хорошо выглядите», – и снова отойти, чтобы перевести дух. Но теперь такое не прокатит.

Оскар сам вёл машину, и я очень этому обрадовался. Ему нужно было сосредоточиться на дороге, поэтому он тоже молчал и, кажется, выглядел уже не таким уверенным, как полчаса назад. Я сидел рядом на пассажирском сиденье, это было в новинку для меня. Обычно моё место всегда было позади, Кевин никогда не предлагал сесть вперёд, да и я даже не думал о таком. Гедеон меня никуда не возил (возможно, это и к счастью, сколько мы с ним смогли избежать потенциальных автокатастроф), да и с отцом я ездил на своём привычном месте.

Я практически никуда не выезжал, ничем интересным не занимался, а мои увлечения можно было пересчитать по пальцам: стараться не попадаться на глаза брату, тянуть с выполнением домашнего задания и молчать. О, в молчании я был силен. Можно сказать, что я мог получить чёрный пояс в этой дисциплине.

В доме мне удавалось без стеснения общаться только с Габи. В тоскливые времена я на свой страх и риск приходил в комнату к сестре, усаживался на её кровати и выслушивал целый ворох детских проблем.

– Анна сказала, что на свой день рождения пригласит всех девочек из нашей балетной группы. Я не хочу этого. Там будет Кристин, я с ней не дружу. И она противная. Всегда показывает мне язык, когда мадам Ли не видит. – Габи переодевала своих кукол и расставляла их в только ей одной понятном порядке.

– Так покажи ей в ответ. – Я часто слушал её вполуха.

– А я показала, и меня увидела мадам Ли. – Габи подошла ближе и перешла на шёпот. – Она выгнала меня из класса и сказала, что хорошие девочки так себя не ведут. Но не я первая начала! Я чуть не расплакалась тогда.

Габи шмыгнула носом. Ещё чуть-чуть, и она действительно бы разревелась в подтверждение своих слов.

– И почему не расплакалась? – Я сонно зевнул и улёгся на её кровать, попутно стаскивая обувь.

– Потому что не хочу, чтобы Кристин видела, что я плачу. Я с ней не дружу. Когда её нет, Анна и Мариса со мной всё время болтают, но стоит Кристин прийти, и они сразу идут к ней. – Габи вернулась

к своим куклам, словно не планировала сейчас разразиться водопадом слёз при воспоминании о том дне.

– Почему? – почти засыпал я, но всё же пытался поддержать беседу.

– Потому что она обещает им первые места на детские постановки. Её мама главная в детском театре. И знаешь, что?

– М?

– Ноги моей не будет в театре её мамы. И ты тоже не ходи.

– Куда? – становилось сложнее следить за нитью разговора.

– На постановки её мамы. В детский театр. Я ещё Гедеона попрошу, чтобы он не покупал у неё билеты. – Габи произнесла это с такой хитрой ухмылочкой, как будто задумала по меньшей мере повторно устроить Французскую революцию.

– А ты пообещай Анне и Марисе, ну, я даже не знаю, открыть выгодные вклады в банке отца с высокой процентной ставкой...

– Что?

Оскар тронул меня за плечо и окликнул ещё раз.

– Ты заснул? – Он рассмеялся и продолжил: – Не думал, что я такой скучный.

Мы всё ещё ехали. Когда я проверил часы, то понял, что отключился на добрых пятнадцать минут.

– Прости. Я просто очень устал за неделю.

– Неудивительно, я помню, как учился в лицее и практически не спал.

Я чуть не рассмеялся ему в лицо. Если Оскар и не спал во время учёбы в лицее, то только потому, что ночи напролёт ходил по вечеринкам и напивался до беспамятства. Я помню большой скандал, когда им было по шестнадцать лет, и Оскар, будучи пьяным, приехал в наш дом среди ночи (надеюсь, Скэриэл никогда не додумается до подобного) и выкрикивал имя Гедеона. Как оказалось, с увеличением концентрации спирта в крови Оскар потерял последние крупницы разума: он встал (скорее, покачивался) не с той стороны дома и десять минут вопил в мои окна что-то про то, что Гедеон не прав и должен дать Оскару возможность объясниться. Узнав об этом, мистер Вотермил прислал своих людей забрать невменяемого сына и потом долго извинялся за него перед моим отцом.

Как-то я застал их за разговором:

– Уилл, я правда не знаю, что на него нашло. Никогда он так себя не вёл. Да, бывало, пил, брал бутылочку-другую из моих запасов, но подростки все такие, дай им только добраться до запретного.

– Забудь, это уже в прошлом. Наши сыновья снова помирятся и будут дружить, как раньше.

Вот только всё вышло наоборот. Гедеон не только не простил Оскара за пьяную выходку, но и окончательно перестал с ним общаться. Каждое мероприятие, где собирались друзья нашей семьи, превращалось для Гедеона в сплошную пытку. Он не показывал открыто своё отношение, но я видел, как ему нелегко поддерживать беседу с Бернардом Доном, Леоном Кагером и близнецами Брум, Оливером и Оливией, когда на заднем плане маячил Оскар.

К третьему курсу Академии Святых и Великих Оскар стал разгильдяем: учился плохо, прогуливал и пил не просыхая. Мистер Вотермил нанял целый штаб людей, которые занимались тем, что искали и забирали Оскара с вечеринок: от масштабных и дорогих, устроенных чистокровными, до маленьких сборищ низших на Запретных землях. В перерывах между подростковыми запоями Оскар выглядел вполне успешным представителем чистокровной семьи. Он много общался на банкетах и мероприятиях, был дружелюбным и не оставлял попыток заговорить с Гедеоном.

– Это одно из моих любимых мест, – проговорил Оскар, когда мы уселись за дальний столик. Это оказался рыбный ресторан; мы проехали весь город и очутились у причала. Нам открылся потрясающий вид из окна. Я бы хотел сесть поближе к окнам, но все столики уже были заняты. Мы ушли далеко в зал, в такое тёмное место, где ничего не стоило подвернуть ногу, упасть, и тебя бы не заметили. Подошедший официант спросил, нужно ли зажечь свечи (всё это выглядело так, будто Оскар собирался сделать серьёзный шаг в наших отношениях; мне захотелось сию же минуту встать и выбежать из заведения), но, слава богу, Оскар просто попросил сделать поярче свет в настенных светильниках. Я впервые был здесь и затруднялся с выбором блюд, поэтому за меня это сделал Оскар.

– Гедеон не слишком любезен с тобой, – произнёс он, когда официант, получив заказ, принёс напитки и отошёл на безопасное расстояние. Я аж поперхнулся водой от неожиданности. Вотермил протянул мне салфетки. Если бы он не был зависим от алкоголя

и больше времени уделял учёбе, возможно, он вполне мог стать хорошим другом. И, может быть, даже братом.

Но Гедеон... Гедеон любезен со мной ровно настолько, насколько мясник любезен с телёнком, идущим на убой.

– Ну... – Мне вдруг захотелось защитить наши отношения с братом, но я не знал, как лучше это сделать. – Иногда он добр.

Например, на днях он очень разозлился (когда узнал от Сильвии, что Скэриэл был у меня ночью), но сдержался и даже не разнёс ни одной комнаты. Его гнев вылился в громкий хлопок дверью перед моим носом, когда, проходя мимо него, я, сгруппировавшись, пожелал ему доброй ночи. Конечно, зря я это. Нужно было просто отсидеться в своей комнате.

– Готье, я бы не спрашивал, не будь мы так близки, – Оскар выглядел нервным, будто сам не верил в свои слова, – но ты уже выбрал себе наставника? Знаю, что ещё очень рано и впереди целый год до поступления...

Вот ради чего было устроено всё это представление: Оскар хотел стать моим наставником и с моей помощью заработать баллы. Я испытывал двойные чувства. С одной стороны, я догадывался, что ему что-то от меня нужно. С другой, я расстроился и не мог объяснить себе, почему, ведь для меня Оскар был просто бывшим другом Гедеона. Мне вдруг захотелось встать, жёстко отказать ему и уйти.

– Я... – «скажи, что выбрал брата, скажи, что выбрал брата», – ещё не решил.

Меньше всего мне хотелось терпеть общество Оскара Вотермила первый год в Академии и тащить на своём горбу его оценки. Но ещё меньше хотелось соврать про Гедеона и потом ощутить на себе гнев брата, когда ложь вскроется. Врал я ещё хуже, чем общался с людьми.

– Подумай насчёт меня, договорились, дружище? – Это были его последние слова перед тем, как нам принесли заказ.

Оставшееся время мы провели, наслаждаясь едой. Я даже не сразу понял, как был голоден до этого. Если забыть о предложении Оскара, то наша дальнейшая беседа – мы действительно поговорили, и я даже получил от этого удовольствие – вышла довольно интересной. Оскар рассказывал смешные истории из своего детства: как он пытался обдурить гувернёра, когда не хотел делать уроки, и симулировал боли в животе, но гувернёр был не робкого десятка, имел медицинское образование и в качестве наказания использовал клизму. Я посмотрел

на Оскара другими глазами. Он оказался весёлым, остроумным, хорошо ко мне относился с самого детства, и при других обстоятельствах мы могли стать чуть ли не лучшими друзьями. Но Геден этого не допустит.

Я вышел в уборную, когда Оскар оплачивал счёт – было неловко позволять ему это делать, но мне не пришло в голову захватить наличные; единственное, что я имел при себе, это мобильный телефон, который держался на добром слове с двадцатью процентами заряда. Чуть раньше я попытался заговорить о раздельном счёте, но Оскар прыснул от смеха.

– Не обижай меня так, Готье, – добродушно проговорил он. – Я тебя пригласил, мне и платить.

«Мы с Оскаром в ресторане. Ничего не спрашивай. Расскажу при встрече», – написал я Скэриэлу. Мы много общались по телефону, но когда он уезжал надолго, то редко отвечал. «Я там сдаю контрольные, школа выносит мне мозги, не мог ответить тебе», – оправдывался Лоу.

Вернувшись, я увидел, как Оскар закончил телефонный разговор. Он вдруг сделался очень нервным, поднялся, когда я не спеша подошёл к столику, и испуганно взглянул на меня. Выглядел он при этом так, словно на секунду забыл, что приехал со мной. Я пытался представить, что ему там могли сообщить, раз это на него так подействовало. Возможно, кто-то из его близких попал в беду?

– Мне нужно кое-куда заехать, – проговорил Оскар торопливо. – Совсем вылетело из головы. – Он театрально ударил себя по лбу. – Не успею тебя подбросить домой.

Я опешил. Что такого случилось, что он вдруг решил меня бросить в этом ресторане? Я надеялся, что он позволит мне вызвать Кевина или даст деньги на такси до дома. Но у Оскара было другое предложение.

– Не хочешь заехать со мной в одно место? Мы быстро. Туда и обратно. Я не хочу, чтобы ты один поехал домой, всё же я взял тебя под свою ответственность.

«Оскар» и «ответственность» звучали вместе так же нелепо, как «Геден» и «дружелюбие».

Я засомневался.

– Обещаю, это не займёт много времени.

Мне совсем не понравилось, с каким напором говорил Оскар. Он выглядел так, словно уже всё решил вне зависимости от моего ответа.

Мне ничего не оставалось, кроме как кивнуть. Хотя я уже понимал, что пожалею.

– Нам нужны маски и капюшоны. – Оскар позвал официанта и что-то шепнул ему на ухо. Официант посмотрел на меня с недоверием, Оскар ещё раз что-то сказал и протянул деньги.

Когда официант нас спешно покинул, Оскар повернулся ко мне.

– В том месте, куда мы поедem, лучше не палиться. Нам нужно спрятать наш цвет волос. И лица.

Цвет волос? Я нахмурился, на что Оскар игриво потрепал меня по макушке. Все чистокровные имели светлый цвет волос. От пшеничного до серебристо-серого. Это внешне отличало нас от полукровок и низших, волосы которых имели разные оттенки (они могли быть рыжими, шатенами, брюнетами). Я никогда не думал, что мои светлые волосы могут стать проблемой и мне придётся их скрывать.

До меня только дошло, что Оскар планирует отправиться в такие места, где наше появление может повлечь неприятности.

Запретные земли.

Если отец или брат узнают, что сегодня я посещу Запретные земли, домой можно уже не возвращаться. Я не знал, как быть: отказаться и вызвать Кевина? Не будет ли это выглядеть как трусливый побег? Я не хотел казаться испуганным ребёнком, которым на деле и являлся. Пока меня терзали сомнения, официант пригласил нас в другую комнату, намного меньше обеденного зала. У меня мурашки пробежали по коже, а увидев на диване два чёрных плаща с капюшонами и маски в виде волчьей и лисьей пасти, я испугался не на шутку. Оскар заплатил ещё раз. Тот самый официант, что принимал наш заказ, аккуратно сложил плащи и маски в бумажный пакет и передал Вотермилу.

Когда я очутился на улице и вдохнул свежий прибрежный воздух, мне полегчало. Вдруг происходящее показалось какой-то неудачной игрой. Я тщательно протёр глаза, надеясь, что последние десять минут мне привиделись, но, когда снова увидел плотный бумажный пакет в руках Оскара, осознал неизбежное. Оскар был серьёзен как никогда. И он собрался повести меня на Запретные земли.

IV

За окном окончательно стемнело, когда мы пересекли границу и очутились на Запретных землях. Пограничники контрольно-пропускного поста даже не остановили нас, увидев номерные знаки автомобиля и Оскара за рулём. Запретные земли находились на юге и состояли из многочисленных низких построек, полуобветшалых зданий, на первый взгляд казавшихся заброшенными, но это было обманчивое впечатление. Здесь отсутствовала какая-либо развитая инфраструктура. Никто не решался что-то строить, потому что существовала большая вероятность того, что уже за первые дни все стройматериалы разворуют. Мы ехали по главной дороге мимо перекошенных домов, лачуг, узеньких улочек, захламлённых и заросших дворов, сменявшихся пятиэтажными мрачными зданиями. Несмотря на бедность и убогость района, на улицах было многолюдно. Прохожие кричали, смеялись, толкали друг друга, пьяные сидели и лежали вдоль дорог. Тут и там я видел маски и капюшоны: чистокровных здесь было больше, чем я мог себе вообразить.

Мне показалось, что я очутился в другом мире. Пёстрая и шумная толпа заполонила всё пространство. Я прилип к окну и не мог оторвать от них взгляда, впервые увидев столько низших и полукровок в одном месте. К моему удивлению, многие из них не выглядели так, как нам показывали по телевизору. Новостные передачи пугали высоким уровнем преступности за пределами Ромуса, транслировали видео, где низшие, словно зомби, бродили по улицам Запретных земель и нападали друг на друга. Полукровки запугивали своих детей: «Если не будешь учиться, закончишь на Запретных землях». Да, локации не изменились, это всё то же место, что и в новостных сводках, но низшие и полукровки, которых я сейчас видел, выглядели весёлыми и беззаботными.

– Приехали, – проговорил Оскар.

Мы провели в напряжённой тишине последние полчаса, и Оскар постоянно следил за мной боковым зрением, как будто боялся, что на светофоре я выскочу из машины. Он припарковался у двухэтажного здания, сплошь покрытого неоновыми вывесками. Оно сияло и мигало как рождественская ёлка в сочельник и сильно выделялось среди

неприметных домов. Клуб «Глубокая яма» – прочитал я на вывеске. Впрочем, такое название меня даже не удивило. Честно говоря, я не горел желанием падать в эту яму вслед за Белым Кроликом.

К клубу стекались вереницы людей, как мотыльки на свет. Вход представлял из себя полуподвальные железные двери, охраняемые крупного телосложения полукровками. Я увидел длинную очередь и обомлел. Неужели мы с Оскаром сейчас встанем в конец этой цепочки? На одно только ожидание в ней можно потратить больше часа!

– Надень. – Он протянул мне лисью маску; она была как настоящая, просто мечта таксидермиста. – И накинь это.

Я натянул маску. В ней было сложно дышать, она сужала боковое зрение, и чувствовал я себя, как будто мы приехали грабить банк отца. Я посмотрел в зеркало заднего вида: маска полностью скрыла моё лицо, в глубине тёмных лисьих глазниц ничего не было видно. Радовало только то, что в этой дыре меня никто бы не узнал. Я пригладил волосы и накинул недлинный чёрный плащ с капюшоном. В таком виде можно колядовать на Хеллоуин. «Сладость или гадость?»

Я никогда не выпрашивал сладости. В наших кругах это не принято. Обычно на Хеллоуин кто-нибудь устраивал большой бал-маскарад, куда все могли прийти в разных костюмах – и тогда детям конфет доставалось вдоволь.

Мы вышли из машины и, к моему облегчению, пошли в противоположную от очереди сторону. Оскар в волчьей маске выглядел устрашающе. Просто волк-переросток.

– Ты здесь никогда не был, верно?

– Ага. – Места, которые я посещал, можно было пересчитать по пальцам одной руки.

– Обещаю, что будет весело, если ты запомнишь пару правил: ничего не брать у других, ничего не пить из чужих рук, будь то алкоголь или вода. Запомнил?

– Да, – кивнул я, но Оскар на меня не смотрел. Мы обходили клуб с другой стороны. – Что мы будем делать здесь?

– Мне нужно кое с кем встретиться, но в этом нет ничего незаконного. – Он обернулся ко мне. – Этот человек не любит центр города. Держись рядом со мной и ни с кем не болтай.

– Знаешь, я мог бы посидеть в машине... – Я прикусил язык. Прозвучало трусливо.

– Да, мог бы, но веселее будет пойти со мной. – Оскар рассмеялся и похлопал меня по плечу. Я чуть не выплюнул лёгкие от его удара. – Просто держись рядом, и всё останется под контролем.

По голосу было понятно, что он улыбается, но за волчьей пастью ничего не разглядишь. Мимо нас блуждали низшие: парни в лохмотьях, с копнами тёмных сальных волос и чумазыми лицами; девушки в короткой одежде, с распущенными волосами и броским макияжем.

Чистокровные девушки из моего окружения делали вычурные причёски с многочисленными украшениями, сложными конструкциями, которые, в моём понимании, не поддавались законам физики. Я не имел ни малейшего представления, как они создаются. Некоторые причёски одноклассниц выглядели просто, но я догадывался, что за этим стоял двухчасовой труд их горничных. Обманчивая простота обескураживала.

В моём классе учились близнецы Брум – Оливер и Оливия. В Оливию были влюблены многие парни из выпускных классов (не буду утаивать, нравилась она и мне), но Оливия никому не отвечала взаимностью, предпочитая общество своего брата. Я не знал, кто первым пустил омерзительные слухи, быть может, очередной отвергнутый поклонник или кто-то из девчонок в отместку за её популярность, но вскоре близнецов начали подозревать в инцесте. Конечно, я считал эти слухи абсурдными.

В обычные дни Оливия приходила с простыми и аккуратными причёсками, но по праздникам её волосы украшали ленточки, цветы, заколки в виде птиц и бабочек. Это выглядело завораживающе. Оливия походила на нимфу: прекрасная, утончённая и недоступная.

Полукровки, работавшие в Ромусе, для удобства заплетали косу или делали пучок. Я видел пару раз маму и Габи с распущенными волосами, но они были частью моей семьи, и я воспринимал это как должное.

Кажется, я остановился и засмотрелся на низшую – девушку с длинными тёмными волосами, – но Оскар остановился следом и окликнул меня. Он подошёл и торопливо проговорил:

– Не отключайся, Готье. Всегда будь начеку. И самое главное – никому не позволяй стянуть с тебя маску.

– И капюшон?

– Бог с ним, с капюшоном. Надев это, ты уже подтвердил, что не из низших, а значит, у тебя есть деньги. Здесь отдыхает много чистокровных октавианцев. Если спадёт капюшон, просто быстро поправь. Но крепко следи за маской. Какой-нибудь пройдоха-низший или полукровка может сфотографировать твоё лицо и затем шантажировать тебя. – Оскар давал советы, как опытный завсегдатай этого клуба.

– Я понял.

Мы очутились у ещё одной двери. Громила-полукровка подозрительно осмотрел нас. Оскар, не пересчитывая, отдал ему деньги. Громила убрал их в карман, затем Оскар протянул руку и получил яркую печать на запястье. Получив свою, я последовал за Вотермилом в глубь «Ямы».

Проведя пальцами, я смазал эмблему клуба. Яркая краска осталась на руках.

– Печать легко стирается, это чтобы обезопасить нас, – пояснил Оскар.

Мои заблуждения о Запретных землях рассеивались с космической скоростью. Я всегда считал, что клубы усиленно следят за соблюдением возрастных ограничений. По крайней мере, в центре я не мог попасть в элитные клубы, пока мне не исполнится девятнадцать лет. Но тут было раздолье для малолетних правонарушителей вроде меня.

Ещё на подходе к «Яме» были слышны музыкальные биты. У клуба многие танцевали, музыка гремела так громко, что земля будто вибрировала в такт. Оказавшись внутри, я чуть не оглох. Лучи света, как лазерные мечи, рассекали тьму. Было жарко, душно и шумно. Оскар, шедший впереди, оглянулся на меня и показал большой палец: «Всё в порядке». Нет, ничего не в порядке. Я чувствовал себя в этом лисьем костюме как космонавт в скафандре. Просто Нил Армстронг, ступивший на Луну. Или Готье Хитклиф, впервые очутившийся в клубе.

Когда я думал, что отстоять очередь у входа в «Яму» – то ещё испытание, я просто не видел людей, плотным кольцом окружавших бар. И, конечно, Оскар шёл прямо туда. Вотермила ничто не остановит на пути к алкоголю. Он пробирался сквозь толпу медленно, но упорно, как ледокол разрезает лёд.

– Привет, милый, – начала красивая полукровка на моём пути. Она была чуть выше меня. – Не хочешь повеселиться?

Она говорила громко, пытаясь перекрыть шум, но остальные слова потонули в грохоте. Я сделал вид, что не расслышал её (что было почти правдой), и последовал за Оскаром. Не хотелось отстать и затеряться в толпе.

Пока мы пробирались к бару, меня успело облапать человек десять. Я чувствовал прикосновения везде, куда можно было дотянуться. Это было отвратительно. Я отбивался от чужих рук, когда мог, но большую часть времени просто надеялся на то, что меня не обчистят; в кармане брюк находился телефон – единственное, чем я мог похвастаться сегодня. Полусдохший мобильный поддерживал ощущение, что ещё есть тонкая ниточка, соединяющая меня, на случай чрезвычайного происшествия, с привычным миром. Если я потеряю Оскара, нужно будет самостоятельно выбраться из «Ямы», позвонить Кевину и попросить его забрать меня домой.

«Представляю лицо Скэриэла, когда расскажу ему, где я был сегодня вечером». – Эта мысль заставила меня ухмыльнуться. Хотя что-то, что я мог поведать о своих буднях, помимо скучных историй о лице.

Мне было сложно дышать, я не понимал, связано ли это с неудобной маской или с тем, что каждый второй в клубе курил. Густой сигаретный дым обволакивал, словно кокон. Такое чувство, что я мог к нему прикоснуться. От обилия дыма запершило в горле. Я попытался откашляться, но это не помогло.

Когда мы добрались до бара, всё, чего я хотел, это воды.

– Привет, Джеймс, мне сухой martin и... – Оскар повернулся ко мне, затем снова к бармену и рассмеялся, – и бутылочку воды.

Я приподнял маску и опустошил бутылку в один заход, отчего мне полегчало. Оскар выпил свой коктейль и вернул пустой бокал с оливками бармену.

– Повтори. – Он заказал ещё один коктейль.

Я с ужасом представил, что Оскар скоро напьётся и станет неуправляемым, и не знал, как его остановить.

– Где твой друг? – Мне хотелось, чтобы он быстрее решил свои дела и мы вернулись домой. И я уже планировал вызвать такси, потому

что садиться в машину с выпившим Вотермилом за рулём – всё равно что играть в русскую рулетку.

– Где-то здесь. – Оскар взмахнул рукой, обводя жестом весь клуб. – Смотри, какие девочки.

Он указал на девушек, извивавшихся в танце у шестов. Я не заметил их, когда вошёл в «Яму», но теперь понял, что большая часть посетителей окружала небольшие танцполы, стоящие на возвышении. Пьяные мужчины размахивали купюрами, кто-то умудрился кинуть на танцпол кредитную карту.

– Гедеон тебя сюда никогда не притащит. – Оскар по-братски приобнял меня. – Наслаждайся видом. Если хочешь, могу купить тебе приватный танец.

– Нет, спасибо, – опешил я от его щедрого предложения. Кажется, ситуация выходила из-под контроля.

В этот неловкий момент (неловко было только мне, Оскар последовал своему совету и наслаждался девушками) Вотермилу на мобильный телефон пришло эсэмэс. Он быстро прочитал, убрал телефон и повернулся ко мне.

– Посиди здесь, хорошо? Я быстро. Туда и обратно, обещаю. Сиди здесь, пей воду, или хочешь сок? – Я выбрал второе, и Оскар обратился к бармену. – Дай сок, апельсиновый подойдёт. – Он снова повернулся ко мне. – Ты ведь пьёшь апельсиновый сок?

Я кивнул. Оскар оплатил заказ и протянул мне высокий стакан с ядрёно-жёлтым содержимым.

– Помнишь мои слова перед клубом? Ни у кого ничего не пей, не бери и не принимай.

Оскар поправил маску и ринулся в толпу. Через пару секунд я потерял его из виду.

– В первый раз тут? – участливо спросил бармен, кажется, его звали Джеймс, полукровка; он искренне улыбался мне, попутно готовя коктейль.

– Ну да... – Я надеялся, что он не спросит про мой возраст.

Но Джеймс только подмигнул мне и отошёл к другому концу барной стойки, куда его позвал очередной посетитель.

Теперь я окончательно ощутил себя не в своей тарелке. Рядом с Оскаром я не чувствовал себя так паршиво, но стоило ему уйти, как я понял, что чертовски не хочу здесь находиться. Я отпил пару глотков

сока и принялся делать единственное, что мог в этой ситуации, – наблюдать за другими. Первые десять минут я не отлипал взглядом от девушек на танцполе и даже решился попросить у Оскара приватный танец. В последующие двадцать минут я чётко осознал, что Вотермил меня кинул. Я даже не знал номера его телефона, чтобы позвонить и напомнить о себе. Это было беспечно с моей стороны с самого начала. Следовало ещё у ресторана закончить встречу и отправиться домой.

– Привет, красавчик, скучаем? – Та самая брюнетка, что пыталась заговорить со мной в толпе, уселась рядом.

– Да нет, я просто друга жду. – Я огляделся, Вотермила нигде не было видно.

– А где твой друг?

– Скоро придёт.

– Не хочешь угостить девушку? – Она флиртовала, а я сгорал от стыда. У меня не было ни гроша.

– Прости, я забыл кошелёк...

– Ничего, красавчик. Ты не местный?

– Живу в центре, – ответил я и прикусил язык. Мне показалось, что это не та информация, которую следует тут сообщать.

– А, так ты, возможно, чистокровный. Могу тебя развлечь, если хочешь. – Она наклонилась ниже, и я увидел её глубокое декольте «из первых рядов». – Тут есть приватные комнаты.

Когда лёгкое головокружение прошло (я ещё никогда не видел столько обнажённого женского тела, как сегодня) и я заставил свою голову работать, то представил себе, на сколько лет её могут посадить за моё растление. Мне не хотелось её подставлять. Возможно, она правда и не догадывалась, что мне всего шестнадцать. Маска и капюшон скрывали внешность, а охранник и бармен не спрашивали мои документы.

Пока я обдумывал всё это, моя собеседница успела заказать и получить коктейль, посыпанный кокосовой стружкой. Она подняла свой бокал.

– За встречу, милый.

Я поднял свой стакан с соком. Мы выпили.

Билли, так звали девушку, болтала о всякой ерунде, при этом нежно гладила меня по коленке. Я не сразу заметил, что с моим

организмом стало что-то происходить. Перед глазами поплыло. Билли показалась мне такой замечательной и доброй. Музыка уже не долбила по ушам, как прежде. Готов был поклясться, что видел, как дрожат стены. Я начал улыбаться, хотя за маской этого не было видно. Мои движения стали плавными, медленными. Я поднял руку и повертел ею. Она была такой лёгкой, словно не моя. Билли взяла меня за руку и улыбнулась.

– Пойдём со мной. – Её голос был приятным, так что я сразу последовал за ней. Как крысы на зов гамельнского крысолова.

Кто-то толкнул меня, и я чуть не упал, но Билли подхватила меня. Какая она очаровательная. Всегда меня поддержит. А какая у неё мягкая рука. Я шёл за ней и восторгался её волосами. Они были тёмные, волной спадали на плечи. Я дотронулся до них. Она вела меня на второй этаж по широкой металлической лестнице. Тут и там целовались парочки. Клянусь, я видел искры любви над их головами. Мне захотелось поцеловать Билли. Я отбросил капюшон, в нём было жарко. Когда мы поднялись на второй этаж, я снял маску, которая мне уже порядком осточертела.

– Ого, а ты реально симпатичный, – улыбнулась она.

Впервые в жизни девушка сделала мне комплимент. Самая красивая девушка, даже лучше Оливии.

– Как тебя зовут, милый?

– Меня зовут...

– ГОТЬЕ!

Я услышал знакомый голос и обернулся. Парень выше меня, бледный, худой, с копной чёрных волос до плеч, шёл к нам. Его лицо скрывала чёрно-серая маска птицы с заострённым клювом. Выглядела она устрашающе, как маска чумного доктора в Средневековье.

– Ты кто такая?! – Парень набросился на Билли.

– Я здесь работаю, идиот, – неожиданно огрызнулась та.

– Готье, это я. – Он сбросил маску. – Узнаёшь меня?

Тёмные глаза, подведённые чёрным карандашом, высокий прямой нос и сжатые в тонкую линию губы. Он выглядел недовольным.

– Скэр, – улыбнулся я, отпустил Билли и полез к другу обниматься. – Тебя так долго не было...

– Уходим отсюда. – Он закинул мою руку себе на шею. – Что ты успел принять?

– Ты охренел? – Билли не сдавалась, она толкнула Скэриэла, но тот не обратил внимания. – Отпусти, он со мной. Я сейчас вызову Филла, он тебе жопу надерёт.

– Ты идиотка? Новенькая, что ли? – прошипел в ответ Скэриэл.

– Я тут работаю почти месяц! Этот чистокровный мальчишка – мой клиент!

– Зови Филла, он тебя спустит с этой лестницы и даст пинка под зад из клуба. – Я ещё никогда не видел Лоу таким злым. Мне захотелось отойти от него и пожалеть Билли. Она старалась, работала, а Скэриэл всё испортил.

– Куда собрался, придурок? – спросил он, когда я слабо попытался вывернуться.

– Не ругай её, она не виновата. – Мне хотелось заступиться за девушку, ведь она была так добра ко мне. Она была самой дружелюбной здесь.

– Господи, ну что за тупица. – Вместо того чтобы наброситься с руганью, он улыбнулся и потащил меня вниз. Билли осталась стоять на своём месте, разгневанная, она походила на богиню войны. Я помахал ей рукой.

– Надень. – Он натянул на меня свою маску, ещё более неудобную, чем лисья.

– Не хочу. – Я попытался её убрать. Мне было душно. Я хотел вернуться к Билли и извиниться за поведение Скэриэла.

– Тебя могут узнать, надевай по-хорошему. – Лоу всегда знал, как надавить на меня. – А то я вернусь к той девушке и устрою ей проблемы.

Я обиженно надел маску.

– Хочу домой.

– Без проблем.

На улице у «Ямы» Скэриэл остановил такси и усадил меня на заднее сиденье. Я прислонился к окну, меня захлестнула грусть, словно я покидал прекрасное место. За окном проносились лачуги и трущобы, периодически сменяясь узенькими улочками и низкими зданиями. Скэриэл что-то говорил мне, но я отмахнулся от него. Тело становилось тяжёлым, голова свинцовой. Показалось, что вся печаль мира настигла меня в этом такси. Хотелось спрятаться в какой-нибудь пещере и заснуть навсегда.

Наверное, я отключился в машине, а когда проснулся, то увидел, что нахожусь в чужой комнате. На мне не было рубашки и брюк, и я почувствовал себя героем какой-то молодёжной комедии. Голова трещала, как будто это я вчера выпил несколько порций мартини, а не Оскар.

Оскар!

Он оставил меня у бара и ушёл. Я понятия не имел, где он, да я даже не знал, где нахожусь сам.

Через силу огляделся, голова болела от каждого резкого движения. Из открытого окна пробивались первые солнечные лучи. Светало. Комната была пустой, если не считать шкафа и кровати. Повсюду разбросаны вещи, хозяин этого места точно не славился чистоплотностью.

Поднявшись, я увидел возле кровати на полу свой телефон. Он был разряжен. Бесполезный кусок пластика. Я стянул простыню и накинул её на себя, как древнеримскую тогу.

Дом был абсолютно мне не знаком. Я вышел из комнаты и спустился по лестнице. Ни ковров, ни паласов, ни гобеленов. Встретившиеся мне на пути приоткрытые спальни были пусты, как будто здесь никто не жил. Я вышел к маленькой кухне, которая соединялась с гостиной. За столом сидел Скэриэл, поджав одну ногу, а вторую опустив на соседний стул. В белой футболке и чёрных спортивных штанах, с босыми ногами и взлохмаченными волосами он выглядел так, как будто проснулся пять минут назад. Скэриэл пил кофе, и я учуял этот запах ещё на лестнице. В руках он держал маленькую книгу и с интересом погрузился в неё. Но больше всего меня поразило другое.

– Не знал, что ты куришь.

Он оглянулся на меня, приподнял одну бровь и вернулся к книге.

– А я не знал, что ты любитель косплеить римских императоров. – Он затушил недокуренную сигарету; я изобразил гримасу «ха-ха, как смешно» в ответ на замечание о моём внешнем виде. – Не хотел, чтобы кто-то в твоём доме учуял запах от меня.

– С каких это пор ты переживаешь за чужое мнение? – хмыкнул я, прислонившись к стене.

– С тех самых пор, как понял, что все промывают тебе мозги по поводу нашей дружбы, – спокойно произнёс Лоу, не поднимая головы

от книги.

Повисло неловкое молчание.

– Мне всё равно.

Скэриэл пожал плечами.

– Что читаешь? – спросил я, чтобы сменить тему.

– «Падение дома Ашеров». Классная вещь. – Скэриэл улыбнулся, показывая мне обложку книги. Готическое оформление, печальная дама у колодца. Эдгар Аллан По.

Я подумал о том, что, если в скором времени не вернусь домой, у меня точно произойдёт «Падение дома Хитклиф».

– Разве ты не против чистокровных писателей? Мне казалось, что ты поддерживаешь только полукровок и низших. – Я помассировал виски, но голова продолжала трещать. – Как там звали твоего бунтаря? Артур Рембо?

– Артур Рембо! И ты помнишь, он писал шедевры в нашем возрасте, – Скэриэл улыбнулся. – У меня, в отличие от чистокровных, нет предубеждений. А тебе стоит выпить аспирина.

Он поднялся, отложил книгу и достал из холодильника бутылку воды, а из шкафчика лекарство. Я выпил таблетку и поставил стакан на стол. Чувствовал себя паршиво, как будто прошлым вечером пил, пока окончательно не потерял связь с миром.

– «Глубокая яма» – подходящее название. Мне это напомнило кроличью нору Алисы.

– Тут больше под описание подойдёт «Яма» Куприна. – Скэриэл уселся на своё место. – На втором этаже есть ванная, я оставил тебе полотенце и запасную зубную щётку. А ещё закинул твою рубашку в стирку, если ты не против. Она вся провоняла табачным дымом. Брюки в шкафу. Можешь взять мою футболку, если хочешь. Или ходить так. – Он неопределённо указал рукой на мой образ. – Чувствуй себя как дома.

– Спасибо. – Я медленно поднимался по лестнице, попутно поправляя импровизированную тогу. – Чувствую себя так, как будто меня переехал асфальтоукладчик...

– Ты и выглядишь так же! – услышал я вслед смех.

На втором этаже я обнаружил ванную, о которой говорил Скэриэл. Она находилась в конце коридора, неприметная дверь сливалась со стеной. Помещение оказалось настолько маленьким, что места хватило только для душевой кабинки, да раковины с унитазом. Разница между нашими домами была колоссальная. Одна моя ванная комната была размером со спальню Лоу.

Я с облегчением вспомнил, что сегодня суббота, и я не проспал лицей. Просто гора с плеч упала. В моём лицее прогулы жёстко контролировались. Если бы я не появился на занятиях, отцу уже доложили бы о моём отсутствии.

Освежившись, я почувствовал себя человеком. Кажется, аспирин начал действовать и прогнал дятла, всё это время нещадно долбившего по моей черепушке. Отражение в зеркале выглядело кошмарно. Так хреново мне было только после смерти матери. Но тогда внешний вид меня вообще не волновал, кажется, те месяцы прошли на автопилоте.

Возвращаясь в комнату Скэриэла, я скинул простыню и понёс её в руках. Я слышал голос друга из кухни на первом этаже, он с кем-то разговаривал по телефону. Кажется, Эдварда, его дяди, не было дома, а значит, я мог не стесняться посторонних взглядов. В шкафу я быстро нашёл свои брюки – поразительно, как Скэр аккуратно их сложил, притом что его вещи валялись рядом одной большой кучей. Моя рубашка ещё не высохла, поэтому я вытянул пару футболок Лоу и выбрал ту, которая пахла стиральным порошком. Не найдя расчёски, я провёл пятернёй по волосам в надежде, что этого будет достаточно. Шкаф не закрылся с первого раза, что-то мешало на нижних полках. Я нагнулся и вытащил томик стихотворений Артюра Рембо. Держать книги в шкафу с одеждой – очень в духе Лоу.

В прошлом году Скэриэл познакомился с творчеством Рембо и просто достал меня им. Он выучил наизусть не меньше десяти его произведений и цитировал их по поводу и без. Я не мог понять, делает он это, чтобы продемонстрировать свою эрудицию, или, может, позлить меня, или нагнать драматизма, особенно когда мне доставалось от брата или отца. Порой все три варианта идеально подходили под ситуацию.

Может быть, проникновенными строчками Рембо Скэриэл хотел разрядить обстановку, но получалось с точностью до наоборот.

Один раз, когда я был очень раздражён после ссоры с братом, Лоу додумался опять процитировать что-то в духе: «Встревожим вихрь разгневанных огней, И мы, и наши названные братья!»^[1] – так что я со всей силы запустил в него попавшейся под руку книгой. Он не успел увернуться, и тяжёлый корешок ударил его по скуле. Потом три дня он ходил побитой собакой, и мне было тошно и совестно от своего поступка. Но в тот самый момент, когда его скула опухла (а затем налилась синевой), Скэриэл умудрился обернуть произошедшее в шутку: «Страйк, Хитклиф! Какой бросок!»

Когда мы только познакомились, он мало в чём разбирался, у него были смутные представления о поэзии Серебряного века (как и о поэзии вообще), он только краем уха слышал о сюжетах классических произведений, почти не интересовался историей и никогда не был в театре. Я дал ему почитать «Убить пересмешника», затем «Повелитель мух», и Скэр плотно подсел на литературу. Он выглядел как жаждущий в пустыне, который дорвался до оазиса. Лоу приходил ко мне почти каждый день, чтобы читать, иногда я давал ему книги домой, дарил новые издания; предложил записаться в библиотеку при лицее, но Скэриэл отказался. Большую часть книг он читал онлайн и прибегал ко мне обсудить. Но, в отличие от него, я был не на домашнем обучении, мне много задавали, и у меня не оставалось времени на обмен впечатлениями. Лоу оказался всеядным в жанрах. Он прочитал все детские книги Габриэллы, вроде «Питер Пэн», «Алиса в Стране чудес», «Волшебник страны Оз». Ему доставил большое удовольствие сборник мифов Древней Греции. Из моей домашней библиотеки он прочитал всё, и пришлось в срочном порядке обновлять книжные полки, чтобы ему было чем поживиться. На шестнадцатилетие я подарил ему одно из первых изданий «Коллекционера» Джона Фаулза. Скэриэл пришёл в такой неопиcуемый восторг, что сгрёб меня в объятия и чмокнул в щёку.

В отличие от меня, Скэриэл идеализировал исторических личностей: писателей, поэтов, политических деятелей, учёных. Около полугода он не мог говорить ни о ком, кроме Александра Македонского. Бывало, приходил ко мне с утра, усаживался на кровать, включал очередную лекцию о полководце и пропадал так на весь день. Я

занимался своими делами, мог даже оставить его в комнате и уйти на пару часов и больше. Он всегда сидел тихо, полностью растворившись в информации, которую получал, так что я даже забывал о его присутствии и вздрагивал, когда он напоминал о себе.

– Готи, ты знал, что Александра упомянули в Коране? Его там зовут Искандаром. И он «наби» – это люди, избранные Богом.

Или:

– Оказывается, Александра не отравили, он не подхватил никакой индийской болезни, а умер от панкреонекроза. А вот Гефестион скончался от брюшного тифа. Но я всё равно считаю, что Гефестиона могли отравить. У него было слишком много врагов.

Скэриэл две недели упрашивал меня нарядиться на Хеллоуин Александром Македонским, а сам планировал стать его верным другом Гефестионом.

– Нам не обязательно заходить к другим домой за сладостями, давай просто прогуляемся в таком виде по улицам. – Лоу ходил за мной по пятам. – Ты вылитый Александр в молодости! Цвет волос, телосложение. Знаешь, что успел сделать Александр в тринадцать лет? Он уже мог принимать иностранных послов, и он укротил Буцефала. Ты помнишь про Буцефала?

– Я знаю историю, Скэр, но отец меня убьёт, если узнает, что мы с тобой расхаживаем в образах Александра и Гефестиона. А Геден ему в этом поможет. Мой отец тоже в курсе истории, и ему точно не понравится, что мы оденемся как исторические любовники. И ему будет всё равно, захватывал Александр Персию или Индию, как далеко он со своими походами продвинулся в Азии и сколько у него было жён.

Скэриэл унялся, когда я пообещал, что когда-нибудь в будущем мы устроим вечер в стиле Древней Македонии, будем пить вино, есть мясо и обсуждать походы Александра Великого.

Мы много читали, жаростно спорили и быстро мирились. Скэриэл любил Оскара Уайльда, а я его считал переоцененным. Из битпоколения он выделял только Люсьена Карра («Как ты не понимаешь, он их всех собрал, объединил!»), когда как я утверждал, что основная заслуга в становлении творческой революции принадлежат Керуаку, Берроузу и Гинзбергу. Мы могли до утра разводить демагогию по поводу творчества Сэлинджера (ему нравился Холден из «Над пропастью во ржи», а я терпеть не мог этого героя) – и в конце концов

прийти к общему выводу, что Джером Сэлинджер был крутым мужиком, ведь он пережил высадку в Нормандии.

Наши взгляды на изобразительное искусство тоже различались. Я обожал Винсента Ван Гога и Клода Моне; Скэриэл считал, что нет никого гениальнее Рембрандта и Питера Пауля Рубенса. Мне нравились пейзажи и натюрморты, ему – портреты, историческая живопись, анималистика. Мои вкусы не менялись годами, в то время как Скэриэл прыгал с одной картины на другую, если его, например, спросить о любимых творениях Рубенса. Сегодня он без ума от «Изгнания из рая», завтра – от «Падения мятежных ангелов», а потом он доказывает, что все картины Рубенса с Иисусом – это единственное, на что он готов смотреть вечно.

С поэзией дела обстояли лучше. В последнее время Скэриэл увлёкся Артюром Рембо (я в целом хорошо относился к его творчеству, но мне он не нравился как личность), а до него зачитывался Уолтом Уитменом. Днём и ночью он выкрикивал любимые строчки.

«О, капитан! Мой капитан! Рейс трудный завершён,
Все бури выдержал корабль, увенчан славой он».

Он так часто декламировал это стихотворение, что я тоже его запомнил наизусть. Уитмена я уважал, но слушать его круглосуточно было тем ещё испытанием на прочность.

Спускаясь к Скэриэлу, я остановился на секунду (уверяю, это было не специально, я не собирался подслушивать), оказался вне поля его зрения, и так уж получилось, что застал Лоу разгневанным. Он стоял ко мне спиной, но весь его вид говорил о том, что он готов разнести кухню, если не полдома.

Скэриэл шипел в трубку:

– Повторяю ещё раз, Ноэль должен переехать из этого дома. – Скэр замолчал, выслушивая ответ, но быстро прервал собеседника. – Неделя! Не больше.

Он отшвырнул несчастный смартфон в сторону. Я замер. Не хотелось попасться под горячую руку.

Ноэль. Я никогда прежде не слышал этого имени. С кем разговаривал Скэриэл? Я так привык к нашим посиделкам в моём доме, постоянному общению по переписке, что у меня начисто вылетело из головы, что, помимо меня, у Лоу могут быть ещё друзья.

– Долго ты там будешь стоять? – Скэриэл повернулся ко мне. Его голос звучал спокойно. Он снова взял себя в руки или умело скрывал раздражение.

– Я только что подошёл... – Как пойманный на месте преступления, я спустился на кухню.

– Чушь, – безлобно хмыкнул Скэр. – Твоё дартвейдеровское дыхание тебя выдало.

Увидев меня, он громко рассмеялся. Я осмотрел себя и только сейчас понял, что на футболке (прекрасный вкус, спасибо, Лоу) красовался мультяшный единорог.

– Тебе идет, Готи. – Он пару раз ударил ладонью по столу в приступе истерического смеха. Я закатил глаза и показал ему средний палец. Дождался, когда Скэриэл успокоится, и спросил:

– Кто такой Ноэль? – Не было смысла увиливать, у меня разыгралось любопытство.

Его улыбку как ветром сдуло. Впервые Скэриэлу нечего было ответить. Я удивлённо приподнял брови.

– Скажем так. – Он растягивал слова, чтобы дать себе время на размышления. – Знакомый из детства.

– Ты мне никогда о нём не говорил.

– Мы с ним не близки.

– Но сейчас у него какие-то проблемы?

– Это вопрос? – ошетинился Лоу.

Я пожал плечами (перенял его привычку) и изобразил равнодушный вид «не хочешь – не говори, не больно-то и хотелось».

Скэриэл в знак примирения пододвинул ко мне тарелку с сэндвичем. Сыр и ветчина – моё любимое сочетание. Видимо, успел приготовить, пока я был наверху.

Я откусил кусочек. Лоу уселся напротив меня.

– Почему твой дом выглядит так, как будто ты въехал только вчера?

– Я тут бываю нечасто, а из Эдварда плохая домохозяйка.

– Кстати, где он?

– Уехал по делам. – Скэриэл поднялся и налил мне стакан сока. Слава богу, не апельсиновый. Мне его хватило в «Глубокой яме».

Я откусил ещё. Мне показалось, что Скэриэл разговаривал по телефону с Эдвардом. Но я никак не мог взять в толк, какие у них

отношения. Он вёл себя так, как будто Эдвард не родной дядя, а наёмный работник.

– А теперь поговорим о ваших вчерашних приключениях, молодой человек. – Лоу изобразил моего отца, и я скривился.

Чёрт.

– Блин, мне надо позвонить Сильвии или Кевину, предупредить их, что я жив, а не лежу на дне канавы.

Я вспомнил, что мой телефон сдох ещё вчера, и поспешил сообщить об этом Скэру.

– Позвони с моего. – Он принялся осматриваться, потому что минут пять назад выкинул его в порыве гнева. – У меня есть номер Кевина.

– Чего? – Я удивился не на шутку.

– Чего? – прыснул Скэриэл. – Мы с ним иногда переписываемся, он прикольный. У нас с ним много общего.

– Что, например?

– Ты. – Лоу протянул мне найденный смартфон. У него треснул экран от удара.

Я не стал ничего отвечать и поскорее набрал Кевина. Долгие гудки, и вот он – испуганный голос моего водителя. Я сказал, что со мной всё в порядке, продиктовал адрес Лоу (Скэр перед этим написал мне его на листочке – неразборчивый почерк, словно врач выписал рецепт) и попросил забрать меня через час.

– Ну, так я жду потрясающую историю с Оскаром и тем, как тебя напичкали таблетками.

– Я не принимал никаких таблеток.

– О боже, святая простота. – Лоу опёрся на спинку стула. – Ты пил что-нибудь? Скорее всего, тебе подсыпали, пока ты там глазками хлопал. Как ты умудрился оказаться на Запретных землях? Без меня! Я хотел первым тебя сводить.

– Оскар тебя опередил. – Настала моя очередь смеяться. Лоу комично обижался, когда хотел поднять мне настроение.

– Предатель. – Он манерно отвернулся. – А где он сам?

– Без понятия, надеюсь, не на дне сточной канавы. Он меня кинул вчера.

– А ты и мастер верить всяким типам вроде Оскара, я погляжу.

– Иди в жопу, Лоу. Он меня попросил, а я не мог отказать. – Скэриэл хотел добавить что-то колкое, но я остановил его рукой и резко поднялся. – Просто заткнись. Я понял, что облажался.

Оставив свой завтрак, я направился в гостиную. Лоу последовал за мной, когда я уселся на диван.

– Стой. – Ко мне пришло озарение. – А что ты забыл вчера в клубе? Я думал, ты уехал по учёбе.

– Мгм, – пробурчал он. – Я вернулся в город вчера днём и решил заглянуть в клуб, встретить друга.

– Прекрасно. Вы с Оскаром одну отмазку на двоих используете.

– Эй. – В голосе послышались недовольные нотки. – Не сравнивай меня с этим придурком. Я полукровка и могу спокойно разгуливать по Запретным землям.

– Если мне не изменяет память, ты вчера был в маске. Спокойно разгуливать в маске?

– Это сложно объяснить. – Он дотянулся до журнального столика, где, помимо пульта, находилась пачка сигарет и пепельница. – Ты не против, если я закурю?

– Дай мне тоже.

Я никогда прежде не курил, но так и подмывало исправить сейчас этот факт своей биографии.

– Ещё чего! Хватит с тебя клуба, проститутки и таблеток.

Я вспомнил Билли. Как мой одурманенный разум вообще посмел сравнить её с Оливией Брум? Я почувствовал укол совести. Как ловко Билли меня обработала. Не появись Скэриэл, я бы уже искал деньги, чтобы выкупить у неё свои интимные фотографии.

Лоу достал из кармана спортивных штанов зажигалку и закурил.

– Как тебе действие таблетки?

– Голова уже не так трещит, – неохотно добавил я. – Аспирин обычно мне быстро помогает.

Лоу захихикал.

– Я про таблетку в клубе. Понравилось?

– Э... не знаю. Я как будто видел искры. Цвета были ярче.

– Есть с крутым эффектом и не таким тяжёлым отходняком. Тебе подкинули дешёвку, чтобы твой мозг быстрее отключился.

– А ты в этом разбираешься? – недоверчиво спросил я.

– Немного. – Скэриэл затянулся и выпустил дым в сторону.

- Непривычно видеть тебя курящим.
 - Я не скрывал это, просто ты не спрашивал.
- Раздался громкий звонок.

Скэриэл удивлённо уставился на меня, как будто впервые узнал о наличии дверного звонка в этом доме.

- Ко мне обычно никто не приходит.
- Может, это Эдвард?
- Нет, его не будет ещё несколько дней. – Лоу затушил сигарету. – «Дверь открыл я: никого, Тьма – и больше ничего».

Прекрасно, на смену Рембо пришел Эдгар Аллан По. Не знаю, что выражало моё лицо, возможно, мучение, но Лоу тихо рассмеялся. Подозреваю, что ради этой реакции он и заучивал стихотворения.

– Или, может, это Кевин приехал раньше времени, – предположил Лоу. Я остался на диване, когда Скэриэл вышел в холл.

– Здравствуйте. – Услышав кроткий голос друга, я понял – жди беды. Как гром среди ясного неба, в гостиную явился Гедеон собственной персоной.

Я моментально вскочил на ноги. Он смотрел на меня с презрением. Гедеон был в плаще, его влажные волосы вились, словно он недавно попал под дождь. Он прошёл прямо в обуви, оставляя на полу грязные разводы. В любой другой ситуации я бы удивился этой неаккуратности, но не сейчас. Было заметно, что в этот момент ему плевать на манеры и приличия. Он сдерживался, чтобы не наброситься на меня при свидетеле.

На мне была футболка Скэриэла, в гостиной пахло сигаретным дымом, а вечер и ночь я провёл вне дома. Мне казалось, что хуже положения быть не могло.

– Собирайся, – процедил Гедеон, глядя мне в глаза. Я тут же отвёл испуганный взгляд. Скэриэл стал тише воды ниже травы, и я был ему благодарен за это. Впопыхах я взбежал на второй этаж за вещами, сбросил футболку и быстро натянул ещё влажную рубашку, путаясь в пуговицах. Затем заскочил в комнату Лоу за отключенным телефоном. Когда я спустился, Гедеон и Скэриэл не сдвинулись с места. Лоу уткнулся взглядом в пол и с большим интересом рассматривал паркет. Гедеон застыл как статуя. Его лицо абсолютно ничего не выражало. С таким видом он мог стоять в очереди за круассанами для Габи. Или ждать экзамена в Академии.

Увидев меня, Гедеон вылетел из дома, словно мы опаздывали на рейс. На улице шел дождь.

– Стойте, мистер Хитклиф, – вдруг раздалось за спиной, когда я последовал за братом. «Только не это!» Клянусь, я придушу Лоу, если он сейчас выкинет какую-нибудь из своих выходок. Гедеон остановился у машины и обернулся. – Готье не курит. Это я курил!

– Садись в машину. – Гедеон проигнорировал слова Скэриэла.

Я с благодарностью посмотрел на друга. Появилось чувство, будто это наша последняя встреча. Пришлось постараться, чтобы подавить дикий порыв обняться со Скэром на прощание.

Я сел на заднее сиденье, когда Гедеон завёл машину. Посмотрев в окно, заметил, что Скэриэл продолжал стоять в дверях. Он выглядел испуганным, словно это его старший брат вёз на семейные разборки.

Гедеон выехал на шоссе. Я немного сдвинулся и мельком взглянул на брата. Он ехал быстро. Когда стрелка на спидометре перевалила за сто, я заволновался. Он держал руль двумя руками, костяшки пальцев побелели от напряжения.

Я хотел что-то сказать в свою защиту, пока мы не окажемся дома: там уже не будет путей к отступлению. Виноват ли я во всём случившемся накануне? Мог ли отказать Оскару? Да, конечно, мог...

– Гедеон, мне...

«...мне очень жаль, что у тебя такой никчёмный младший брат, который не может отказать и втягивает себя в проблемы».

– Молчи, если не хочешь попасть в аварию, – не глядя на меня, проговорил он.

Если выпрыгнуть из машины на скорости под сто километров в час, какова вероятность, что я не сломаю шею и меня не задавят другие машины? Допустим, мы остановимся на светофоре, успею ли я выскочить? Вот только куда бежать...

Путь от дома Лоу до моего занял около пятнадцати минут. Мы оказались практически соседями. Вот так дружишь два года и не знаешь, где живёт твой лучший друг.

Подъезжая к нашему дому, Гедеон дистанционно открыл железные ворота, и мы въехали на участок. Никого не было видно. Ни садовников, ни водителей – ни одной живой души. Когда Гедеон был в плохом настроении, Сильвия советовала всем работникам переждать в домике для прислуги. Мудрая женщина.

Я отстёгивал ремень безопасности, когда из дома нам навстречу вышел Оскар Вотермил.

– Да ладно... – прошептал я.

К счастью, Гедеон уже вышел из машины.

Оскар выглядел таким виноватым и растерянным, что на секунду мне стало его жаль. Вотермил был одет в то же, что и вчера, да и в принципе выглядел помятым, с растрёпанными волосами и с мешками под глазами. Кажется, он был немного пьян.

Чего я не ожидал, так это того, что Гедеон, приблизившись, ударит его в челюсть.

VI

Такое чувство, будто кто-то сверху поставил мою жизнь на быструю перемотку. Слишком много всего произошло за два дня. Мне срочно нужна была кнопка «Стоп», чтобы переварить происходящее.

Я впервые видел настоящую драку, в которой чистокровные используют кулаки. Застыв на месте, я разинул рот от удивления. Оскар и так непрочно стоял на ногах, а от удара Гедеона упал на землю, при этом нехило приложился головой о мокрый асфальт: дождь не переставал идти. Через мгновение серый асфальт окрасился в алый. Оскар застонал, схватившись за рот. Его лицо и рука были в крови. Он попытался подняться, но Гедеон толкнул его ногой, отчего Вотермил завалился на бок. Я наконец вылез из машины. Всё было как в замедленной съёмке. Гедеон нагнулся над Оскаром, рывком перевернул его на спину и схватил за грудки. Из-за дождя я не слышал, что Гедеон сказал Оскару, приблизившись вплотную, словно хотел поцеловать в лоб.

Я побоялся подойти ближе, но Гедеон расправил плечи, поправил сбившийся плащ и повернулся ко мне.

– Поднимайся в свою комнату, – громко произнёс брат.

Онемев, я продолжал стоять на месте, испуганный развернувшейся сценой.

– Живо! – повысил голос Гедеон. Он отошёл от Оскара и вытащил мобильный телефон. Когда я проходил мимо, не смея поднять взгляд, он говорил: – ...Парень, двадцать лет, возможно, сломана челюсть. У него кровь идёт. Наш адрес...

Оскар сел, сгорбился, затем смачно выплюнул скопившуюся во рту кровь. Покидая их, я слышал болезненный стон Вотермила.

Я вбежал в дом, как будто за мной кто-то гнался. С кухни раздалось оханье – скорее всего, это впечатлительная Фанни, – а затем и шёпот: Кэтрин попросила её быть потише.

– Кто-нибудь есть в доме? – крикнул я.

Из кухни вышли испуганные женщины. Кухонные окна выходили в эту сторону. Они тоже стали свидетелями драки.

– Господин Готье, что же это делается? – почти плача, прошептала Фанни. – Вас не было всю ночь, а теперь вот господин Гедеон...

– Господин Готье, вы весь мокрый, так и простудиться можно! Скорее бегите наверх и залезайте под горячий душ. Я принесу вам чай и заберу вещи. – Кэтрин была более практичной. Мне нравилась эта её черта.

Я кивнул и поднялся по лестнице. В моей комнате ничего не изменилось с прошлого вечера. Я просил Лору и других заранее предупредить меня перед уборкой, поэтому никто не входил ко мне. Рюкзак был закинут под стол. Вещи разбросаны, книги валялись и тут, и там. Кровать не заправлена, на ней небрежно лежал раскрытый ежедневник. В комнате было душно, и я первым делом открыл окно.

Скинув мокрую одежду, я оставил её у двери для Кэтрин и направился в свою ванную. После душа мне стало намного лучше. Я простоял под напором горячей воды дольше, чем планировал, и, когда вышел, чай на столе, принесённый Кэтрин, уже остыл.

Я выглянул в окно и увидел, как от нашего дома отъезжают карета «Скорой помощи» и полицейская машина. Гедеон вызвал врачей, но что тут делала полиция, непонятно. За ответами я спустился вниз.

Сильвия выглядела очень нервной, ходила взад и вперёд по гостиной и кусала губы. Такой она бывала, только когда нужно было сообщить моему отцу плохие новости.

– Что случилось?

– Господин Готье, слава богу, что вы дома. Полиция забрала господина Гедеона.

– Что? Зачем? Оскар заявил на него?

– Нет-нет, это стандартная процедура, если происходит драка и приезжает «Скорая помощь». Они обязаны вызвать полицию, чтобы разобраться. Господин Гедеон просто должен объяснить ситуацию полицейским, – торопливо проговорила Сильвия. Кажется, она готовила эту речь для отца.

– Надолго он уехал?

– Не могу ответить. – Она достала мобильный телефон. – Мне нужно сообщить господину Уильяму.

Гедеона не было больше двух часов. Я сидел в своей комнате и безуспешно пытался приняться за домашнее задание. На столе были разложены тетради и раскрыт учебник, но я так и не притронулся к нему. Только сейчас, в одиночестве, у меня появилась возможность обдумать произошедшее.

Чистокровные никогда не прибегали к кулакам, считая драки уделом полукровок и низших. В то время как у других классов от рождения был низкий уровень тёмной материи (полукровки были слабы, а низшие не владели вовсе), чистокровные с рождения управляли ею на среднем уровне и с годами увеличивали силы.

Как высший класс, чистокровные решали конфликты с применением тёмной материи: уровень зависел от тренировок и мастерства. Сгусток материи возникал из ладоней чистокровного и представлял собой контролируемое тёмное облако, которое может принять любую форму.

С детства я владел этой силой, но никогда не использовал её для защиты или нападения. Сказать честно, я всегда плохо сдавал экзамены по управлению тёмной материей. Если мои одноклассники могли уверенно направить мощную энергию в установленную учителем цель, то я сбивался, и мой сгусток растворялся на полпути. Конечно, меня это расстраивало, ведь от оценки по этому предмету портился табель. Но я надеялся, что в жизни никогда не воспользуюсь своей силой.

Геден часто устраивал дома погромы с помощью тёмной материи. Он был очень силён. Одним взмахом руки мог отбросить диван и кресла к противоположной стене. У него всегда были высокие оценки за экзамены по управлению силой. Отец не раз говорил, что Геден может стать искусным военным. С таким высоким уровнем тёмной материи он с лёгкостью войдёт в Совет старейшин, когда ему исполнится двадцать восемь лет.

Но сегодня он просто взял и резал Оскару. Быть может, так Геден удостоверился, что не убьёт бывшего друга в драке. Боюсь представить, чем всё могло закончиться, воспользуйся он своей силой. Или устрой они дуэль.

В окно постучали, и я чуть не упал со стула, когда увидел перед собой лицо Скэриэла. Он снова умудрился проскочить мимо охраны, влезть на дерево и по карнизу добраться до меня.

Я открыл окно, и он ввалился в мою комнату, попутно испачкав тетради на столе своей обувью.

– Какого чёрта, Скэр?

– Это ты какого чёрта?! Я места себе не находил. Ты уехал от меня три часа назад и пропал. Ни звонка, ни эсэмэс! – Он негодующе

размахивал руками. – Я уже думал, что Гедеон на заднем дворе закапывает твой труп.

– Он меня не тронул.

– Да я вижу, – раздражённо буркнул Лоу, укладываясь на моей кровати. – Руки-ноги целы. А я, как дурак, переживал. Думал полицию к тебе вызвать на всякий случай.

– А полиция уже была и забрала Гедеона. – Я закрыл окно и оперся на стол, держа в руках испорченную тетрадь по геометрии. На странице красовался грязный отпечаток ботинка. Придётся заменить её.

– Что?! – Скэриэл приподнялся от удивления. – Что я пропустил? Мне нужны подробности.

– Тут был Оскар, и Гедеон его избил. Своими руками.

Скэриэл присвистнул.

– Твой брат сумасшедший, но крутой. Полиция упекла его за драку?

– Пока не знаю. Он уехал давать показания.

– Ну офигеть просто. Я пропустил такое зрелище. А ты мне даже не написал.

– Я понятия не имею, где мой телефон.

Следующие полчаса мы разбирали животрепещущий, по нашему мнению, вопрос: посадят ли Гедеона и по какой статье? Лоу отправился за ответом в интернет, а я полез в справочник по уголовному кодексу.

В обед вернулась из балетной школы Габриэлла. Она внезапно ворвалась к нам, хотя я был уверен, что закрыл дверь на замок. Мы как раз обсуждали, можно ли трактовать действия Гедеона как совершённые в состоянии аффекта.

– Готье! – Она остановилась в дверях, когда увидела, что я не один. – Гедеон будет злиться, если увидит тебя здесь.

Поджав губы, она враждебно смотрела на Лоу. Кажется, отец снова упомянул при ней что-то нелестное по отношению к моему другу.

– Малышка Биби. – Скэриэл радостно поприветствовал её, виртуозно сменив тему. – Это что у тебя? Новая игрушка? Покажи.

Габриэлла мигом преобразилась. Она протянула Лоу большую игрушечную божью коровку.

– Это из новой коллекции «Леди Баг».

– Да она здоровенная! Кто тебе это подарил? – Скэр изобразил такой неподдельный восторг, словно всю жизнь был ярым поклонником

супергероини.

– Гедеон! Он утром приехал и сразу мне подарил. Ещё он привёз конфеты.

– Подожди, Габи, получается, Гедеон не ночевал дома? – спросил я. Габи повернулась ко мне, улыбка сползла, лицо выражало обиду.

Да, я никогда не умел общаться с противоположным полом, в отличие от Скэриэла. Даже моя родная сестра предпочла бы его общество моему.

– Тебя и Гедеона ночью не было дома, и я расскажу об этом папе.

– Биби, а обо мне ты не расскажешь, да? Мы с тобой еще прошлый сезон «Леди Баг» не досмотрели. – Скэр по-дружески положил ладонь на макушку Габриэллы. Я закатил глаза. Не то чтобы я был против «Леди Баг» или любого другого мультсериала, но в последний раз, когда Лоу ушёл к Габи смотреть мультфильмы, он пропал у неё на весь день.

– А мы досмотрим, да? Когда? Я ничего про тебя не расскажу. Ты придёшь вечером ко мне? У меня есть конфеты, а Фанни обещала испечь пирог. Будем смотреть мультики.

Габриэлле было только восемь лет, но она уже пыталась переманить к себе моего единственного друга.

– Обязательно досмотрим. – Скэриэл лучезарно улыбнулся, затем приблизился к ней и прошептал, как будто они играли в шпионов: – А теперь расскажи, что было утром. Во сколько вернулся Гедеон?

– А почему ты шепчешь? – тоже шёпотом спросила сестра.

«Потому что он придурок», – пронеслось у меня в голове.

– Потому что ты наша шпионка и должна доложить секретную информацию, – продолжил Скэриэл и подозрительно осмотрелся по сторонам, как будто мифические враги могли быть в моей комнате.

Но, к моему большому удивлению, Габи с энтузиазмом влилась в игру.

– Он приехал рано утром, я ещё спала. А потом я проснулась, меня разбудила миссис Нар. Я собиралась на занятия. – Габриэлла отвлеклась и вернулась к обычному голосу. – Миссис Нар купила мне новые пуанты, хотите покажу?

– Покажешь попозже. Когда Гедеон ушёл? – Лоу продолжил искусный допрос.

– Он был очень злой утром. Ругался всё время с кем-то по телефону. Потом уехал куда-то. Его долго не было. Мы чуть не опоздали, потому что, когда я садилась в машину, Кевин прибежал и сказал Сильвии, что ты звонил. А Сильвия позвонила брату. А где Гедеон? Ты его видел? – Габи обратилась ко мне.

– Он меня привёз домой.

– Откуда? Где ты был?

– У Скэриэла дома ночевал.

– У тебя дома? – казалось, Габи удивилась тому факту, что Лоу вообще есть где жить. Возможно, она считала, что Скэриэл тайно поселился у нас, как какая-нибудь несчастная заблудившаяся собачка, которую мы прячем по комнатам от старших.

– Ага, хочешь ко мне в гости?

– Скэр, ты шутишь, да? Если Гедеон узнает, он с нас шкуру сдерёт, – прошипел я ему на ухо.

– Но он же ничего не узнает, верно, Биби? – спросил Скэриэл, и та закивала, как китайский болванчик.

Позже я попросил Сильвию принести обед в мою комнату. Конечно, ей это не понравилось. Она вскользь пожурила меня за манеры, но я промолчал. Когда Кэтрин и Фанни не было на кухне – они отправились прогуляться и купить продукты к ужину, Фанни планировала приготовить обещанный яблочный пирог по секретному рецепту своей бабушки, – я взял ещё одну порцию для Скэриэла. Мы сидели за моим письменным столом и ели куриные ножки, держа их руками, чего уж я точно не мог себе позволить в обществе отца и брата. Скэриэл, не стесняясь, облизывал масляные пальцы.

На нём была та самая футболка с мультяшным единорогом, которую я носил утром. Вместо спортивных штанов – узкие армейские брюки. Из тяжёлых чёрных ботинок выглядывали непарные носки: один был чёрный в полоску, второй синий. Скэриэл редко надевал носки, больше любил носить обувь на босу ногу.

Дождь давно закончился, и на улице всюду светило яркое солнце.

– Значит, Гедеон тебя с утра везде искал. – Скэр вернулся из ванной и уселся на ковре, прислонившись к моей кровати. Он взял книгу, которую я ему советовал ещё на прошлой неделе – роман Тургенева «Отцы и дети».

– Не напоминай... – Я сел за уроки. – Боюсь представить, что будет, когда он вернётся. Останешься сегодня у меня?

– Чтобы побыть твоей жилеткой для нытья, когда получишь от брата? Да не вопрос.

Так пронеслось несколько часов. Скэриэл читал Тургенева, периодически меняя позы и положение тела. Вот он улёгся на ковре, затем снова сел, переместился на мою кровать, предусмотрительно скинув ботинки. Я слышал, как Скэриэл менял локации и переворачивал страницы у меня за спиной.

Когда я закончил с геометрией, на часах было уже семь часов вечера. С облегчением отложив тетрадь, я потянулся, разминая затёкшие мышцы.

– Не хочешь переку... – повернувшись, проговорил я и осёкся. Скэриэл спал на моей кровати, обнимая свёрнутое одеяло. Рядом на подушке покоилась книга. Вместо закладки он подложил мою линейку.

Я достал с верхней полки шкафа ещё одно одеяло и укрыл спящего. С улицы раздался шум мотора. Я подскочил к окну, но не стал открыто выглядывать, а вместо этого спрятался за плотными шторами. Из такси вышел Гедеон и направился к дому. Он поднял голову и посмотрел в мою сторону. Я отскочил от окна, надеясь, что он меня не заметил. Выглядел он устало, я бы даже сказал, измученно. Волосы завились от влаги, и теперь он походил на поэта Перси Биш Шелли. Полы его плаща развевались при ходьбе. Шёл он стремительно. Я с ужасом представил, что это он так несётся ко мне.

К величайшему облегчению, Гедеон не появился у меня спустя минуту и даже спустя полчаса. Я всё это время сидел как на иголках, пытался отвлечь себя книгой с картинами Яна ван Гойена, но его мрачные творения ещё больше ввергали в ужас. Я вздрагивал от каждого шороха и всякий раз, когда кто-то проходил мимо моей комнаты, хотел вскочить и разбудить Скэриэла. В отличие от меня тот мирно посапывал в обнимку с моим одеялом.

Между тем почти наступило восемь часов вечера. Вся наша семья всегда собиралась на ужин в большой столовой. Мама ввела эту традицию ещё в нашем детстве, и мы должны были принарядиться, словно на званый ужин с гостями. Я достал из шкафа чёрную рубашку и в тон ей брюки. Придётся сидеть с Гедеоном за одним столом, так что я заранее готовился к своим похоронам.

Спустившись к столу, я отметил, что в центре на месте отца сидел брат. Он выглядел посвежевшим и был одет в новую дизайнерскую сорочку. Я абсолютно не интересовался модой, предпочитая стиль Скэриэла: бездомный в секонд-хенде. Сильвия занималась моим гардеробом, поэтому я просто носил то, что было куплено и находилось в моём шкафу.

Гедеон предпочитал классический стиль на официальных мероприятиях, но больше любил щеголять, выглядя как денди. Это всегда удивляло меня в брате. Его лицо ничего не выражало, он был холоден, молчалив, хотя все отмечали его изысканные манеры. Он любил жилеты, перчатки, галстуки, бабочки, пиджаки, плащи, рубашки и сорочки разных фасонов и расцветок. Его безупречный внешний вид всегда притягивал внимание, но стоило любопытным юношам и кокетливым девицам с ним заговорить, как он сразу отталкивал всех колкими замечаниями.

Габриэлла сидела в пышном голубом платье. По всей видимости, оно тоже было новым, потому что она никак не могла на себя наглядеться. Сидела она рядом с братом и рассказывала ему о своих подругах из балетной школы. Я уселся на противоположной от Гедеона стороне, не потому что горел желанием видеть его лицо во время ужина, а потому что это место уже накрыли для меня. Прислуга ела отдельно, и потому широкий дубовый стол выглядел особенно пустым с тремя наборами посуды.

Гедеон посмотрел на меня с усмешкой. Я отвёл взгляд, уткнувшись в стол. Кэтрин собиралась разлить по глубоким тарелкам суп.

– Сильвия, – негромко позвал брат, – будьте добры, накройте ещё на одного человека.

– Папа приехал? – обрадовалась Габи. Я в ужасе посмотрел на Гедеона.

– Нет. – Он с мягкой улыбкой повернулся к сестре.

– У нас будет гость? – не унималась та. Я шумно вздохнул. Сердце стучало как бешеное.

– Готье, ты не мог бы позвать нашего гостя? Он немного задерживается.

Все в столовой посмотрели на меня. Габриэлла догадалась, о ком идёт речь, и ойкнула, прикрыв рот ладошкой. Сильвия удивлённо уставилась на меня, словно я действительно все эти дни у неё под

носом скрывал щенка. Кэтрин застыла с тарелкой в руках около меня, как и Фанни, которая держала графин с водой. Все догадались, о ком говорил Гедеон.

– Не понимаю, о чём ты, – проблеял я в ответ, не веря самому себе.

– Ты вынуждаешь меня подняться в твою комнату, – с нажимом проговорил Гедеон.

Мне казалось, что время замерло. Даже часы в холле перестали идти. Конечно, это была только моя фантазия. Я как будто прилип к стулу. Ладони стали потными, и я торопливо вытер их о брюки. Он хочет, чтобы я позвал Скэриэла к столу. И что дальше? Мы поужинаем одной большой семьёй? Или он решил сегодня избавиться от всех: Оскара, меня и Скэриэла.

Я медленно отодвинул стул под всеобщее молчание. В тишине предательски громко раздался скрип.

– Фанни, милочка, принеси ещё один набор, – проговорила Сильвия нейтральным голосом.

Когда я поднимался по лестнице, колени подкашивались, и я думал, что просто рухну и сломаю себе шею. Это было бы неплохим завершением вечера. По крайней мере, я подобающе одет.

К этому моменту Скэриэл проснулся и читал «Отцы и дети». Он посмотрел на меня, приподнялся и выжидательно замер. Уверен, я выглядел так, словно увидел привидение.

– Что случилось? Кто-то умер? – Он отложил книгу.

– Гедеон приглашает тебя к столу, – не узнал я свой голос.

– Что? – выгнул он бровь. – Это шутка?

– Хотел бы я, чтобы это было идиотской шуткой. Он знает, что ты в моей комнате.

– И мне что, правда спуститься? В таком виде?

Пока я поднимался, мне и в голову не приходило, что Скэриэл сейчас выглядит так, как будто пришёл покорять танцполы «Глубокой ямы».

– Может, ты наденешь что-то из моей одежды? – безнадёжно спросил я.

– Да ты же крошечный, я не влезу ни в одну из твоих шмоток.

– Да пошёл ты. Ты выше всего сантиметров на пятнадцать.

– Так я всё равно крупнее тебя. Ты видел свои запястья? Прямо как у Биби.

– Выметайся из комнаты, – разозлился я не на шутку. – Пойдешь в таком виде.

– Расчёску хоть дашь? – примирительно спросил он, когда мы уже выходили.

– Обойдешься.

Впервые мы спускались по лестнице вместе. Скэриэл больше любил покидать мой дом через окно. Двигался он спокойно, я бы даже сказал, непринуждённо, а моя походка напоминала движения осуждённого моряка, которого пираты приговорили к прогулке по доске. Другими словами, конец лестницы представлялся мне концом доски, которая неизбежно приведёт к главной акуле – к Гедеону.

Подойдя к столу, я выдохнул, как перед прыжком в воду, и поднял взгляд на присутствующих.

Габриэлла приветливо помахала Скэриэлу рукой. В ответ Лоу улыбнулся ей и тут же скис под взглядом Гедеона.

– Добрый вечер, мистер Лоу, – проговорил Гедеон ледяным голосом, – вы так часто бываете у нас дома, что пора вам выделить отдельное место за нашим столом.

VII

– Очень приятно с вами познакомиться, – радостно выпалил Скэриэл. – Готье много хорошего о вас рассказывал.

Надо было видеть моё лицо в этот момент. У меня натурально отвисла челюсть. Врать я не умел с рождения, следовательно, поддержать наглую, пусть и во благо, ложь Лоу был не способен. Мне показалось, что я слышу закулисный смех, как в ситкомах, когда происходит что-то комичное.

Пока я боролся с яростным желанием хлопнуть себя по лбу и простонать что-то в духе: «Иисусе...», – Скэриэл продолжал, по моему мнению, ухудшать ситуацию.

– У вас чудесная семья. – Он торопливо уселся за стол. – Я всегда хотел иметь старшего брата и младшую сестрёнку.

Лоу сначала лучезарно, во все тридцать два зуба, улыбнулся Гедеону, а затем повернулся к Габриэлле. Сестра прыснула со смеху и поспешно закрыла рот ладонью, продолжая беззвучно смеяться, как будто Лоу сделал ей забавный комплимент. Гедеон выглядел так, словно собирал всё самообладание в кулак, чтобы не перевернуть одним резким движением стол.

Я уселся на своё место и под столом, незаметно от всех, больно ударил Скэра ступнёй по голени. Тот не издал ни звука и даже бровью не повёл. Гедеон смотрел пренебрежительно и недоверчиво. В это время Фанни наполнила наши стаканы водой, а Кэтрин разлила по тарелкам наваристый суп. Сильвия стояла за спиной Гедеона и смотрела на Скэриэла как на самую большую ошибку в мире. Как будто он одним своим присутствием за столом с чистокровными плюнул ей в душу.

– Очень вкусно пахнет. – Скэриэл продолжил пугать всех своим дружелюбием; теперь он взялся за Кэтрин, которая хотела поставить наполненную тарелку рядом с гостем. Её руки дрогнули от неожиданности, когда он внезапно к ней повернулся.

Когда все получили свои порции, Гедеон первым взял ложку, и мы последовали его примеру. Обычно наша семья после смерти мамы ела молча, за столом чаще всех болтала только Габи, но Скэриэл ничего не

знал о наших семейных ужинах, а трещать как сорока – в этом он был мастак.

Не знаю, как описать этот ужин, но я точно запомнил его на всю жизнь. Никогда ещё мне не доводилось пережить столько эмоций, как за эти полчаса. Когда мы только принялись за еду, меня одновременно охватило волнение, отчаяние, страх и тревога, так что я думал, моя спинномозговая жидкость вскипит, как вода в чайнике. Но это было только начало представления под названием «Скэриэл Лоу на ужине у Гедеона Хитклифа».

Габриэлла по привычке заговорила о балете, подругах и школе, но Лоу уцепился за первую тему и поведал о том, как в детстве с мамой ходил на постановку «Щелкунчик и Мышиный король». Эта была такая прекрасная и добрая история, что я даже расслышал, как Фанни – они с Кэтрин подслушивали нас – охнула от умиления. Габи с большим интересом слушала Скэриэла и задавала вопрос за вопросом, отвечая на которые Лоу умудрялся ещё красочнее расписывать тот далёкий вечер.

Возможно, я бы тоже умилился, если бы не знал, что Скэриэл врёт как дышит, и делает это настолько правдоподобно, что уличить его сейчас во лжи было бы по меньшей мере бесчеловечно с моей стороны.

Если вначале Гедеон готов был окунуть Скэра в кастрюлю с горячим супом, то сейчас, наблюдая, как Габи смеётся и получает удовольствие от общения с ним, брат снисходительно смотрел на всё это. Не знаю, специально ли Лоу выбрал тактику игнорировать меня во время ужина и всё свое внимание посвятить окружающим, но это работало. С Габи он болтал на любые темы, которые она упоминала, пусть даже вскользь. Гедеон ничего не упоминал, сидел, будто воды в рот набрав, но Лоу пару неловких минут восторгался его новой сорочкой, при этом брат выглядел так, будто его от этой лести сейчас стошнит прямо в тарелку. Скэриэл сообщил растерянной Сильвии, что она похожа на знаменитую актрису, недавно получившую Оскар. Когда Фанни наполняла его стакан, он добил её строчками из стихотворения неизвестного мне поэта.

Гедеон выглядел таким изумлённым, словно до последнего был уверен, что Лоу не знает алфавита, а если умеет считать, то только до десяти.

Я думал, что помру прямо здесь, сидя на своём стуле, пока Лоу охмуряет всех вокруг.

Когда Фанни подала свой фирменный яблочный пирог и при этом теперь улыбалась Скэриэлу так, словно он её родной сын, Лоу рассказывал романтическую историю о том, как познакомились его родители. Шёл дождь, мама, ещё тогда молодая девушка, забыла дома зонт, и отец, красивый юноша, предложил проводить её до остановки. Так они поделили большой красный зонт тем осенним днём, а через два года стали семьёй. А потом настал тот злосчастный день, когда они попали в автокатастрофу. Казалось, что сейчас Сильвия, Кэтрин, Фанни и Габи утопят нас в слезах, подобно Алисе из Страны чудес.

Ужин подошёл к концу, и я был рад поскорее очутиться в своей комнате, но Скэриэл вызвался помочь прислуге. Он схватил все стаканы и понёс их на кухню под одобрительный смех Кэтрин и Фанни. Когда Скэриэл вернулся в мою комнату, я сидел на кровати всё в том же одеянии. Я был слишком вымотан, чтобы найти силы для переодевания.

– «Щелкунчик и Мышиный король»? – скептически спросил я.

– Приврал немного, – с лукавой улыбкой ответил Лоу, заваливаясь рядом. Он выглядел таким же уставшим.

Приврал немного? Скорее, основательно заврался.

– Что по поводу первой встречи родителей?

– Увидел эту сцену в каком-то старом фильме, кажется, шестидесятых годов. Я по правде не знаю, как познакомились мои родители.

– Ты болтал без умолку.

– Один из моих непревзойдённых талантов, – гордо объявил Лоу, – я, как Демосфен, мастер в ораторском искусстве.

– Скорее, мастерски пускаешь пыль в глаза.

– Этим тоже можно гордиться, – улыбнулся мне Лоу. У меня не осталось сил с ним спорить. Я просто был чертовски рад, что эта попытка под названием семейный ужин закончилась.

В дверь постучали, когда мы только сели играть в Resident Evil, и я услышал голос Сильвии:

– Господин Готье, не могли бы вы заглянуть в кабинет, вас ожидает господин Гедеон?

– Да, хорошо... Спасибо!

Я испуганно переглянулся со Скэриэлом.

– Он не будет тебя убивать при таком количестве свидетелей в доме, – шутливо проговорил Лоу. Я ударил его локтем в бок, он

сгорбился и зашипел от внезапной вспышки боли. – Козёл...

– Не одному же мне страдать, – пошутил я. Покидая комнату, я угрюмо посмотрел на Скэриэла. Тот делал вид, что плачет, махал мне рукой, как будто я отправлялся на войну. В ответ я показал ему средний палец и хлопнул дверью.

Гедеон сидел в одном из глубоких кресел и при виде меня даже не пошевелился. Я нерешительно встал у двери, на всякий случай готовя пути к отступлению. Но брат незаметным движением головы указал мне на второе кресло. Я скованно сел на самый край.

Наступила пронзительная тишина.

С прямой спиной, чуть расслабленный, он сидел, закинув ногу на ногу. Брат медленно приподнял правую руку и опёрся на неё головой. Настоящий аристократ в раздумьях. Он смотрел на меня долгим, выжидающим взглядом, как будто я должен был в чём-то сознаться.

– Ты, скорее всего, не представляешь, какую кашу заварил, верно? – раздался спокойный голос, но я легко различил металлические нотки. Гедеон был зол на меня, но по крайней мере сейчас контролировал свой гнев.

– Я не хотел...

– Оставь эти оправдания для кого-нибудь другого, – перебил он и потянулся к столу за сиди-диском. – Знаешь, что это?

Я помотал головой.

– Видео с камер клуба. Выкупил сегодня у них. – Гедеон надавил на диск и быстрым движением расколол его. – Запросили бешеные деньги за получасовые кадры, где тебя обрабатывают полукровка и низший.

Билли была полукровкой, но низший? О ком он говорит... Видимо, по моему лицу было ясно, что я ничего не понимаю.

– Девушка отвлекала, а парень за спиной подкинул таблетку в твой сок. Стандартная схема. К счастью, твой дружок вовремя появился.

Я должен увековечить этот день. День, когда Гедеон похвалил Скэриэла.

– Сегодня он может переночевать у нас, Сильвия приготовила ему спальню для гостей. Но я хочу, чтобы он не попадался мне на глаза. Моя благодарность не вечна.

Я кивнул.

– На этом всё, ступай. – В такие минуты Гедеон был точной копией отца. Поднявшись, я направился к выходу, но запнулся на полпути. В моей голове с космической скоростью проносились вопросы. Что произошло с Оскаром? Где он сейчас? Что было в полицейском участке? Почему Оскар бросил меня в клубе?

Гедеон заметил моё замешательство и раздражённо спросил:

– Ну, что ещё?

– А... хм... – Я мялся и не решался задать вопрос. – А что с Оскаром?

Кажется, я опрометчиво вытащил красную тряпку рядом с разъярённым быком. Гедеон стремительно поднялся, на его лице появился хищный оскал, и он быстрым шагом настиг меня. Под его напором я, испуганный и растерянный, отскочил назад и спиной ударился о дверь.

– Волнуешься за него? Или ты с радостью ещё раз поскакал бы с ним в «Яму»? – Гедеон исходил ядом. Он припёр меня к двери, подошёл вплотную. Я только сейчас обратил внимание на его еле заметные светлые веснушки на носу и щеках. Почти такие, как у Габи.

– Конечно, нет! – яростно начал отрицать его нападки, словно от этого зависела моя жизнь. Но, кажется, так оно и было.

– Если я ещё раз увижу тебя в компании Оскара, вы окажетесь в больнице на соседних койках. – Он проговорил это медленно и чётко, как будто я был несмышлёным трёхлеткой и не понимал нормальную речь. – Уяснил?

– Да, да, – закивал я.

– А теперь проваливай, – процедил он, смотря на меня пронизывающим взглядом. По телу пошёл холодок. Я никогда не чувствовал себя настолько ничтожным, как сейчас.

Гедеон развернулся на пятках и отошёл. Он весь клокотал от ярости. Я слепо пошарил рукой, дотянулся до ручки, приоткрыл дверь и пулей вылетел из кабинета. Когда я ввалился в свою комнату, дыхание перехватило, я был словно загнанный зверёк, что бился в силках. Скэриэл подскочил ко мне.

– Что... Что случилось? – Он испуганно вытаращился на меня.

Ноги меня не держали. Я упал на ковёр прямо к нему в руки. Всегда сдерживая себя, я даже не проронил ни слезинки на маминых похоронах, но сегодня всё пошло не по плану. Мне стало так обидно

и больно от всего, что наговорил Гедеон. Почему он себя так ведёт, словно я враг номер один? Что я ему сделал? В чём провинился? Я не виноват, что родился в этой семье и стал его младшим братом!

Пытался скрыть лицо от Скэриэла, но прерывистое дыхание, хлюпающий нос и красные глаза, которые я тёр, говорили сами за себя. Ненавидел сейчас себя за эмоции. Ненавидел Гедеона за то, что он мой брат. Ненавидел Скэриэла за то, что он стал свидетелем этой ужасной сцены.

– Готи, ну что ты, – проскулил Лоу над моим ухом. Я чувствовал его горячую ладонь на своей спине. Он успокаивающе гладил меня.

К счастью, я недолго размазывал сопли. Успокоившись, вытер лицо рукавом рубашки и замолчал. Мне не хотелось говорить. Нужно просто побыть в тишине со своими мыслями. Скэриэл это знал, и я был ему благодарен. Он сидел рядом, я чувствовал его плечо, он молчал, уткнувшись в книгу, но не читал её: сидел над одним и тем же разворотом минут двадцать.

Сильвия постучала в дверь, когда мы оба отошли от этой сцены и вернулись к Resident Evil, при этом не обсуждая случившееся.

– Мистер Лоу, пожалуйста, пройдите за мной, я покажу вам вашу спальню на сегодня.

Скэриэл прыснул на «мистер Лоу».

На часах было около одиннадцати вечера. Я успел умыться, почистить зубы и теперь готовился ко сну. На ходу скинул рубашку и брюки, скомкал их и бросил в сторону.

Сон не шёл. Наверное, я слишком перенервничал и теперь не мог заснуть, как после выматывающей спортивной тренировки.

В полночь в дверь тихо постучали. Я поднялся и открыл, уже зная, кто меня там поджидает.

Скэриэл вошёл посвежевший после душа, в пижаме (наверное, Сильвия дала), с подушкой и одеялом. Уверен, что Сильвия выдала ему и тапочки, но он как обычно пришёл босой.

– Не могу заснуть, – прошептал он.

– Я тоже.

Мы улеглись на моей кровати, каждый под своим одеялом. Это было очень кстати, потому что часто он утягивал общее одеяло, и я замерзал ночью.

– Спокойной ночи, – вскоре проговорил Скэриэл и зевнул.

– Ночи.

Пока Скэриэл сладко сопел, я битый час не мог уснуть. Меня не отпускали события последних двух дней. Я чувствовал, что Гедеон несправедливо на меня злится, ведь в этой ситуации я был жертвой. Всё, что мне сейчас хотелось, это узнать от Оскара, зачем он так поступил? Специально ли он отвёз меня в клуб, чтобы рассорить с братом, и тогда я бы мог выбрать его в наставники? Звучало как третьесортная чушь. Меня волновало, было ли это всё спланированной акцией или неудачным стечением обстоятельств?

– Скэр? – шёпотом позвал я.

Тишина.

Он спал ко мне спиной. Я слабо потрепал его по плечу.

– Мгм? – сонно промычал он. – Что?

– Спишь?

– Нет, не видишь, в шахматы рублюсь. – Он снова зевнул. – А ты?

– Не могу заснуть.

– Ну давай вместе... – Лоу, кажется, снова засыпал.

– Я хочу встретиться и поговорить с Оскаром.

– Что-о-о? – Скэр перевернулся ко мне лицом. – Нехило тебя брат приложил.

– Он меня не бил.

– Что Гедеон тебе сказал? – Лоу тёр глаза, пытаясь проснуться. Он посмотрел на электронные часы на столе. Два часа ночи.

– Чтобы я держался подальше от Вотермила.

– А ты что задумал?

– Э-э... поговорить с ним.

Я не видел лица Скэра в темноте, но догадывался, что он думает о моих умственных способностях.

– Зачем? – жёстко спросил Лоу после небольшой паузы.

– Ну... просто... – Я не знал, как объяснить. – Хочу понять, почему он так поступил.

Скэриэл приподнялся на локте. Его голос зазвучал над моей головой.

– Потому что он мудака.

– Это не объяснение. Я хочу понять его мотивы. Иначе я не успокоюсь.

– Чистокровные все такие ранимые пташки или только ты? – с иронией спросил Лоу.

– Да пошёл ты. – Я отвернулся от него.

Скэриэл улёгся и выдохнул, как будто разговор со мной был выше его понимания.

– У меня есть связи в этом клубе, я могу поспрашивать про Оскара, – тихо проговорил Лоу, когда я решил, что он уже дрыхнет без задних ног.

– Получится? – с сомнением спросил я. – Это не опасно?

– Ну... Гедеон мне жопу не надерёт, как тебе. – Я услышал тихий смех за спиной.

– Спасибо. – Я снова повернулся к нему лицом.

– Спасибо будешь Фанни говорить. А мне ты обещал день в македонском стиле.

– Боги, ты всё ещё это помнишь, – простонал я в подушку.

– Да, Искандер, филэ помнит все твои обещания.

– Твою ж мать...

Скэриэл громко рассмеялся. Я шикнул, зажимая ему рот рукой.

– Давай спать, – успокоившись, предложил Скэр. – Я, считай, глаз не сомкнул прошлой ночью.

– Спи.

– А ты представляй Оливию и засыпай, – подленько захихикал Лоу. Только представлять мне и оставалось.

– Просто заткнись, Скэр. – Я толкнул его с кровати. Падая, он потянул за собой наши одеяла.

– Не мёрзни там наверху, – сквозь смех услышал я откуда-то с пола Лоу. – Ты влюблён в Оливию уже год. И как продвинулись ваши отношения? Она хоть знает о твоём существовании?

– Наши родители дружат, и мы с ней в одном классе. Конечно, она знает обо мне, придурок, – прошипел я, затем взял подушку, замахнулся и бросил в него.

– Ой, – издал он от внезапного удара. – Да она даже твоего имени не знает. Помнит, небось, только что ты сын мистера Хитклифа. Они с братом как приклеенные ходят. Это вообще нормально?

– Они близнецы. У нас нет близнецов, мы не можем осуждать их связь.

– Оки-доки, правильный ты наш. – Лоу залез обратно в кровать. – А теперь спать.

– Поставь будильник на восемь утра. Ты должен успеть перебежать в свою спальню до прихода Сильвии. Завтрак в десять.

– Я помню, – сонно пробубнил Скэриэл. – Не впервые у тебя ночую.

– Зато впервые со своей кроватью.

– Что толку от неё, я всё равно здесь.

– Я тебя тут не держу, – сонно ухмыльнулся я. Кажется, и меня уже клонило в сон.

– Ты же знаешь, я не могу заснуть один. – Скэриэл по горло укрылся одеялом и через минуту засопел.

Засыпая, я подумал о том, что мне нужно будет тайно достать номер телефона Оскара и связаться с ним. Я боялся Гедеона как огня, но мне казалось, что от меня что-то скрывают. И впервые в жизни я не захотел прятать голову в песок.

VIII

В понедельник утром Кевин повёз меня в лицей. Немного сонный, я сидел на заднем сиденье автомобиля и переживал по поводу того, что сегодня в обед отец возвращается из командировки. Он прилетит, когда я буду на занятиях, и вечером мы всей семьёй усядемся ужинать. Я был уверен, что Сильвия и Гедеон доложили ему о последних событиях.

По случаю его приезда Сильвия предложила после обеда встретиться у магазина мужской одежды и подобрать мне новые рубашки. У меня не было никакого желания тратить свободное время в примерочной, сменяя рубашку за рубашкой, а если ей ещё вздумается присмотреть мне новые брюки, то мы точно могли застрять там часа на три. Я не любил хождение по магазинам и оттягивал эти поездки, как мог. В отличие от меня, Сильвия получала большое удовольствие от того, что руководила консультантами – они кружились вокруг неё, как рабочие пчёлки вокруг главной матки, – подбирала мне костюмы, трогала ткани, уточняла размеры. Она носила с собой сантиметровую ленту и постоянно снимала с меня мерки, словно личный портной, приговаривая: «Господин Готье, вы слишком быстро растёте», продолжая обсуждать с консультантами бренды, тренды, принт, крой и фасон. Пока я торчал в примерочной, механически застёгивая и расстёгивая пуговицы и раздражаясь, почему в моду никак не войдут рубашки на молнии, Сильвия умудрялась подружиться со всеми работниками магазинчиков в радиусе ста метров. Возможно, поменяйся мы с ней местами, я бы тоже любил ходить за покупками, если большую часть времени мне нужно было бы сидеть на мягком диванчике, попивать хороший кофе или коктейль и говорить: «Ой, нет, господин Готье, это не ваш цвет», «Эта рубашка вас полнит», «Может, подойдёт на размер поменьше...» или «Давайте взглянем на рубашку пастельного оттенка».

Я тяжело вздохнул, и Кевин улыбнулся мне в зеркале заднего вида. В ответ я натянул вымученную улыбку.

– Господин Готье, у меня всё не было случая с вами поговорить и извиниться, – нерешительно произнёс он. Продолжая думать о ненавистном походе по магазинам, который мне предстоял, я не сразу понял, что он сказал.

– За что? – Если мне не изменяла память, у Кевина не было поводов чувствовать за собой вину, тем более передо мной.

– Вы позвонили тогда утром, и я собирался за вами ехать, но господин Гедеон сказал, что вас заберёт.

– Пустяки. – Я искренне улыбнулся ему. – Ты ни в чём не виноват.

Кевин с облегчением посмотрел на меня и вернулся к дороге. Он был полукровкой, как и все работники в нашем доме. Мне было лет десять, когда Кевин устроился моим водителем. Помню, в первые дни я с интересом разглядывал его рыжие волосы. Они так отличались от того, что я привык видеть. В то время я стеснялся с Кевином заговорить (да что там заговорить, я стеснялся показаться ему на глаза), поэтому ходил за ним по пятам, сохраняя, как мне казалось, безопасную дистанцию, смотрел исподтишка, с любопытством изучая рыжего незнакомца.

Однажды он завернул за угол, направляясь в домик, где мы хранили всякую всячину, вроде лестниц, старых велосипедов, садовых ножниц, грабель и лопат. Я ринулся за ним, боясь упустить. Мне нравилось играть в шпиона и следить за ним, так что я упустил, что Кевин давно заметил меня и бессмысленно наматывал круги вокруг дома, чтобы развлечься. Когда я завернул за угол, он внезапно появился перед мной.

– Бу! – крикнул он и рассмеялся громко, заразительно. От испуга я вскрикнул и упал. Кевин протянул мне руку и, посмеиваясь, сказал: – Господин Готье, я с удовольствием поиграю с вами, но вам пора на обед.

Со мной учился в одном классе Леон Кагер. Из всех папиных друзей, чьи дети могли стать моими потенциальными товарищами по шалостям, Леон был наиболее подходящей кандидатурой. С виду худой, словно его кормили в последний раз в прошлом месяце, Леон был выносливым и сильным. Он занимался балетом с пяти лет. Его обманчивая хрупкость не раз играла с ним злую шутку. Раньше Леон часто становился жертвой насмешек со стороны старшеклассников, но никогда не жаловался и не подавал виду, что его это как-то задевает. Старшеклассники толкали его в коридоре, пинали рюкзак, а в столовой нелепо изображали балетные па, как только Леон появлялся с подносом. Иногда он отсутствовал на занятиях из-за ежедневных

тренировок, репетиций своих партий и выступлений. В силу забитого графика и отличной физической формы его освободили от всех спортивных занятий и мероприятий в лицее. Из-за этого я очень ему завидовал.

Впервые я увидел его на сцене, когда мистер Кагер, его дядя, пригласил всех в Королевский театр. Мама с Габриэлой были в таком восторге, что мы приехали аж за час до начала. На первом этаже театра открылась выставка фотографий истории балета, которую с большим энтузиазмом рассматривала мама, утянув за собой Гедона. Габи попросилась за кулисы, я не знал, осуществима ли её прихоть, но когда сестра чего-то хотела, она была очень настойчива. Мы с ней отправились блуждать по зданию.

Прошло полчаса, прежде чем мы увидели артистов театра. Габи открыла рот от восхищения. Девушки в ярких костюмах поправляли макияж, щебетали, смеялись, повторяли движения. Почти все были чистокровными. Повсюду витал запах духов и лака для волос. Они нас не замечали и были увлечены подготовкой к выступлению. Мне пришлось приложить усилия, чтобы оттащить Габриэлу оттуда.

Мы прошли дальше, и в одной из комнат внезапно раздался громкий треск, словно что-то вдребезги разбилось. Габриэлла испуганно прижалась ко мне. Полукровки-работники подскочили и ринулись к приоткрытой двери.

– Мистер Кагер, пожалуйста, успокойтесь.

– Нет, нет, нет. – Леон, мой одноклассник, вырывался из чужих рук. Он был в костюме и сегодня должен был исполнять сольную партию в постановке. – Мне нечем дышать...

Кажется, он опрокинул большое зеркало. Повсюду валялись осколки.

– Воды! – крикнула девушка, отталкивая нас. – У кого-нибудь есть бумажный пакет?

Я взял Габи за руку, и быстрым шагом мы покинули это место. Габриэлла очень переживала за Леона, но, к нашему облегчению, он прекрасно выступил и сиял на сцене. Чуть позже я узнал, что у него бывали панические атаки перед выступлениями.

Когда прозвенел звонок, в класс вместе с преподавателем вошёл Леон. Он опустил голову, словно провинившийся мальчишка,

и выглядел бледным, как полотно. Светлые волосы упали на лицо, но я даже со своего места видел тёмные круги под глазами. Его шея была обвязана медицинским бинтом. Преподаватель что-то шепнул ему на ухо, и Леон, не поднимая головы, прошёл и уселся на своё место рядом со мной. У нас были отдельные парты.

Время на химии мучительно тянулось. Я то и дело смотрел на свои наручные часы, мысленно подгоняя минутную стрелку. Леон завожился сбоку, и, когда преподаватель отвернулся, выписывая очередные непонятные формулы, на мою парту приземлился сложенный лист бумаги. От скуки мы, бывало, переписывались на уроках.

Я тихо развернул записку. У Леона был аккуратный («девчачий», сказал бы Скэриэл) почерк.

«Это правда, что Гедеон избил Оскара?»

Я посмотрел на Леона, но тот с усердием решал химическое уравнение в тетради.

«Откуда ты узнал?» – зачеркал я в ответ. Мой почерк сильно клонился вправо, буквы как будто тянулись к краю листа.

Я положил лист на его парту.

Ответ пришёл молниеносно, я даже не успел переписать с доски ни строчки.

«Бернард растрепал».

Бернард жил по соседству с Оскаром, поэтому всегда был в курсе событий жизни семейства Вотермил. Я не хотел продолжать этот разговор и сменил тему, зная, что Леон не любит обсуждать свои травмы.

«Что с твоей шеей?»

«Ничего серьёзного, плохо растянулся на тренировках».

«Ок».

Как я и думал, Леон не продолжил нашу переписку.

На истории мы работали в парах и обсуждали упадок Франции, революции и предпосылки к появлению Наполеона во главе страны. Леон был сегодня непривычно тихим. Мы больше не переписывались, и единственным утешением на занятиях оставалась Оливия, сидевшая за первой партой.

После того случая, когда Мартин, мой тупой как пробка одноклассник с соседнего ряда, поймал меня за любованием Оливией Брум, я старался меньше на неё пялиться или делать это не так

открыто. Сегодня её волосы были заплетены в косу и украшены бирюзовой лентой. У них с братом тонкие вздёрнутые носики и большие синие глаза. Оливер, как обычно, сидел рядом. Он был выше её сантиметров на десять и немного крупнее, но, думаю, если переодеть его в женскую форму и накинуть парик, разницу почти не заметишь. Моя одержимость Оливией иногда казалась мне такой ненормальной, что, глядя на Оливера, я видел в нём её черты и даже задумывался о том, что он тоже в моём вкусе. В такие минуты я всё больше сомневался в своей ориентации.

В конце урока учитель, мистер Крон, сообщил о том, что мы должны объединиться в группы по четыре человека и подготовить проект. Я ненавидел групповые задания и работу в коллективе так же, как практические занятия по тёмной материи.

– Давай вместе? – шепнул мне Леон.

Я повернулся и кивнул ему. Осталось найти ещё двоих. Я избегал взглядом Мартина, что сидел с другой от меня стороны. Помимо того, что он был туп, Мартин также был грубым и надоедливый, и являлся последним человеком, с которым я бы хотел работать над проектом. Когда занятия закончились, я вспомнил, что меня поджидает Сильвия, и настроение упало до нуля. Я шёл к выходу с Леоном, по большей части молча, в то время как Кагер, кажется, прибодрился и рассказывал мне о том, как провёл выходные.

– Можно с вами поговорить? – Кто-то тронул меня за плечо и остановил. Я повернулся и не смог скрыть удивления; Оливер смущённо улыбался мне, за его спиной стояла Оливия. – Не хотите вместе делать проект?

– Давайте, – первым отозвался Леон. – Мы как раз думали над тем, кого пригласить.

Ага, как же. Он рассказывал о том, что два дня лежал с температурой и умирал в своей кровати, отсюда и бледный вид, и мешки под глазами.

– Хорошо, тогда давайте обменяемся номерами телефонов, чтобы быть на связи и решить, когда начнём. – Голос у Оливера звучал мелодично и приятно.

– Мы вам напишем, – сказала Оливия, когда все номера были сохранены и мы неловко стояли в холле лица. – Пока.

Она улыбнулась мне (ладно, мне и Леону), и я чуть не растаял. Её голос был нежнее, чем у брата.

Оливер помахал нам рукой, и они с сестрой первыми направились к выходу.

– Не думай, что я хочу тебя обидеть или что-то типа того, но ты не мог бы подтереть свои слюни, а то другие поскользнутся, – посмеиваясь, тихо проговорил Леон.

– Так заметно? – Я огляделся по сторонам.

– Да, – улыбнулся Леон. – Идём.

Мы вышли во двор и направились к главным воротам. За мной должен был заехать Кевин, а за Леоном – его водитель. Не знаю почему, но водители у Кагера стабильно менялись раз в полгода.

Когда я увидел Кевина, то удивился. Рядом с ним стоял Скэриэл. Они увлеченно болтали. Рыжий Кевин давно притягивал взгляды всех чистокровных в лицее, но со временем волна любопытства спала, а вот Скэриэл со своими чёрными как ночь волосами, прямым с Запретных земель, шокировал сегодня многих. Я огляделся. Десятки светловолосых учеников из разных классов украдкой бросали любопытные взгляды на эту яркую парочку. Мало того, что Скэриэл впервые приехал в мой лицей, так вдобавок громко смеялся, притягивая ещё больше внимания.

– Готьё! – Скэриэл увидел меня и замахал. Он не стал меня ждать, а ринулся навстречу. – Чего ты так долго?

– Уроки только закончились, – ответил я, поворачиваясь к Леону. – Это мой одноклассник, Леон Кагер, а это...

– Скэриэл Лоу. – Скэр перебил меня и протянул руку для приветствия, но Леон с ужасом посмотрел сначала на него, затем на протянутую руку, как будто Скэриэл был каким-то прокажённым и мог заразить Леона смертельным заболеванием.

– Мне... мне пора, приятно было познакомиться, – проговорил он, торопливо поправляя лямку рюкзака, и быстрым шагом направился в другую сторону.

– Что это с ним? – спросил Скэриэл.

Поведение Леона удивило и меня.

– Я кое-что достал. – Скэр потянул меня за руку. – Идём, в машине покажу. Тут слишком много людей.

Мы уселись на заднее сиденье машины; Кевин закурил, оставшись снаружи.

– Я поспрашивал знакомых в клубе, пришлось подёргать там за ниточки, но узнал, что делает Оскар, помимо того, что напивается. – Скэриэл, словно важный султан, гордо оперся на кожаную спинку и продолжил: – Он ворует алкоголь отца и поставляет его в клуб по заниженной цене.

– Что? Ворует у отца?

– Ага. Зарабатывает так. Мне сказали, что отец лишил его содержания, поэтому он ввязался в такой бизнес.

– А мистер Вотермил знает? – спросил я и сразу понял, что ляпнул глупость.

– Вряд ли. – Скэр достал сложенное вдвое фото. – А вот это тебя разочарует, – проговорил он и протянул мне снимок.

Фото выглядело как зернистый кадр с камеры видеонаблюдения. Внизу значилась дата и время. Это был вечер среды. На фотографии, улыбаясь, Оскар протягивал конверт Билли.

– Что это?

– Я думаю, Оскар заказал тебя. Ну, чтобы та девушка тебя обработала. Может, хотел подставить... – неуверенно предположил Скэриэл.

У меня задрожали руки. Я мигом разорвал фотографию и протянул ему обрывки.

– Сожги их у себя. Если Гедеон увидит это фото, то убьёт нас всех.

[Днём ранее]

– Не знаю, что ты задумал, Джером, но так уж и быть, – скептически произнесла Вэл, пряча купюру в карман, затем громко проговорила, обращаясь к мимо пробегающей девушке: – Билли, тебя заказали в тринадцатую комнату!

– Что? Сейчас? Но я брала выходной на сегодня! – возмущённо выдала Билли, остановившись. – Я говорила об этом.

– Клиент сказал, что только на полчаса. – Вэл поправила очки. Это была полная женщина лет сорока пяти, заправлявшая основным персоналом в «Глубокой яме».

Я с интересом наблюдал за их перепалкой, выкуривая очередную сигарету. Вообще Вэл запрещала курить у стойки, но мы с ней были давними знакомыми, и по этой причине я пользовался некоторыми привилегиями. Помимо этого, она также позволяла мне пить сколько угодно кофе из кофемашины в подсобном помещении, в то время как если кто-то другой притрагивался к её кофе, то мог вылететь с работы.

– В тринадцатой комнате не бывает на полчаса, – продолжала настаивать Билли. Она подошла ближе, облокотившись на стойку, сложила руки в мольбе. – Вэл, но я же предупреждала. У моего сына сегодня день рождения, ему исполняется три года. Я не могу задерживаться. Мне ещё за тортом надо зайти и свечки поискать.

Это было бессмысленно. Вэл никогда не жалела девочек.

– Билли, я всё понимаю, но клиент заплатил двойную цену за тебя и сказал, что ему нужно только полчаса. Мы не можем ему отказать. – Она деловито сложила руки на груди.

Билли раздражённо вздохнула. Она резко повернулась и направилась к лестнице, тихо прошипев «старая сука». Уверен, Вэл услышала это, потому что в следующую секунду бросила мне недовольно:

– Тварь, да? Сын у неё там. – Она кивнула в сторону уходящей девушки. – Джером, иди за ней.

Я знал, что никто из девочек «Глубокой ямы» не любит тринадцатую комнату. Она находилась дальше всех, и там не было кнопки вызова охраны на случай, если клиент разойдётся. Я понимал возмущение Билли, но работа есть работа.

Я последовал за ней. Перед комнатой она достала из сумочки компактное зеркальце и помаду и торопливо подправила макияж, затем оглянулась и бросила на меня безразличный взгляд. Постучав, Билли вошла. Я поспешил к ней, но дверь закрылась прямо перед моим носом. Я прождал десять секунд, размышляя, правильно ли я выполнил все указания, и вошёл следом.

– Вы меня заказали... Вы здесь? – с опаской спросила девушка в темноте. Она обернулась ко мне. – Это ты меня заказал? – недовольно переспросила она.

– Зайди и прикрой дверь, – раздался голос, отчего Билли удивилась. Я выполнил приказ. Теперь мы остались в крошечной темноте.

– Вы хотите тройничок? – спросила она. – Я на это не подписывалась, мальчики.

– Прежде чем я включу свет, обещай выслушать меня. Я не задержу тебя.

– Хорошо, – с раздражением выдохнула она.

В мягком слабом свете вспыхнувшей прикроватной лампы она увидела сегодняшнего клиента. Скэриэл холодно прошёлся по ней взглядом. Я подпёр спиной дверь, стараясь не привлекать много внимания.

– Я тебя помню! Ты тот ублюдок, что на днях забрал у меня из-под носа чистокровного. – Негодованию Билли не было предела.

Скэриэл кивнул, соглашаясь с её словами.

– У меня к тебе одно дело.

– Иди к чёрту, маленький ублюдок. – Она повернулась, но я встал на её пути, и в эту секунду что-то тёмное сильно толкнуло девушку в стену. Она шмякнулась на пол с глухим стуком. Потрясённая, в испуге она взглянула на Скэриэла. Тот не сдвинулся с места. Я знал, что он владеет тёмной материей, но только сегодня сам в этом убедился. И я был напуган не меньше Билли.

– ЧТО ЭТО, МАТЬ ТВОЮ, БЫЛО?!

– Выслушай меня, – устало проговорил он.

– КАК ТЫ ЭТО СДЕЛАЛ? Я СЕЙЧАС ЖЕ ДОЛОЖУ О ТЕБЕ В ПОЛИЦИЮ!

Тёмная материя появилась из его рук и молниеносным порывом пригвоздила Билли к стене. Она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Что-то тёмное и тяжёлое удерживало её. Я не мог поверить своим глазам. Скэриэл, будучи полукровкой, владел тёмной материей, словно самый настоящий чистокровный. Я вытаращился на него, и по коже побежали мурашки. Прodelывал ли он подобное с Ноэлем? Обернёт ли когда-нибудь Скэриэл свой гнев против меня?

Скэриэл подошёл ближе и поднес к лицу Билли фотографию. Сегодня утром он лично доверил мне обработку снимка, чтобы обмануть среднего сына семьи Хитклиф. На фото Билли и незнакомый чистокровный общались. Чистокровный в руках держал белый конверт и передавал ей. Фикция чистой воды.

– Что это? – прохрипела Билли. Тёмная материя сковывала её движения. Я видел, как ей тяжело дышать, словно что-то сдавливало

шею.

– Ты и ещё один парень. Это подделка. – Скэриэл убрал фотографию в карман. – Помнишь чистокровного, которого ты хотела увести? – Он дождался, пока Билли утвердительно прохрипит. – Если он придёт, а он может прийти за информацией, скажи ему, что этот парень с фотографии дал тебе деньги, чтобы ты его охмурила.

Билли едва заметно кивнула. Челюсть её была напряжена, и девушка смотрела на Скэриэла со смесью страха и ненависти.

Скэриэл взмахнул рукой, и тёмная материя растворилась. Билли упала, протяжно скуля под его ногами. Я не мог отвести взгляда от этой сцены.

– За свою маленькую ложь ты получишь пять тысяч золотых. – Лоу повернулся и отошёл, когда Билли попыталась приподняться. – купишь хороший подарок сыну. Сколько ему сегодня исполняется? Три года?

Я крикнул «Стой!», увидев, как Билли схватила светильник с прикроватной тумбочки и замахнулась на Лоу, но тот увернулся.

– Опрометчиво, – разочарованно проговорил Скэриэл. – Всё, что тебе нужно было, это соврать и взять деньги.

Он поднял руку – тёмный сгусток припечатал Билли к полу. Она не могла сделать вдоха, что-то тяжёлое снова давило ей на шею. Скэриэл опустил на одно колено перед ней. Теперь я в ужасе наблюдал за тем, как она задыхается.

– Вот поэтому чистокровные правят. Они умеют слушать и договариваться. Они знают, что такое соглашение, уступки, компромисс. А есть такие, как ты, отбросы, которые живут ради удовлетворения прихотей чистокровных, – с досадой произнёс он, нежно глядя её по волосам. Билли испуганно смотрела на него снизу вверх, не в силах отвести взгляд. – Но ничего, это недолго будет продолжаться.

Он поднялся, и она смогла вздохнуть, но всё тело было парализовано тёмной материей. Я только сейчас понял, что от страха непроизвольно задержал дыхание.

– Если он придёт, скажешь ему, что этот парень, Оскар, тебя нанял. За своё плохое поведение не получишь ни гроша. А если проболтаешься кому-нибудь обо мне, то будь готова к тому, что с твоим сыном может что-то случиться. Но помни, тебе всё равно никто не

поверит. Полукровка с тёмной материей? Не смей меня. Только чистокровные владеют силой. Ведь так?

Он направился ко мне, и я торопливо открыл дверь. Скэриэл довольно улыбнулся мне, затем повернулся к девушке.

– С днём рождения сына, Билли.

И вышел, аккуратно прикрыв дверь.

IX

С большой долей вероятности могу утверждать, что у ада не девять кругов. Ещё один круг точно выглядит как нескончаемый поток одежды, которую надо примерить в магазине, но ничего из имеющегося не подходит. И ты переодеваешься и переодеваешься, натягиваешь очередную неудачную рубашку, путаешься в пуговицах, меняешь на другую и повторяешь эту процедуру бесконечное число раз. Как в замкнутом круге, словно у тебя вечный День сурка. Нескончаемая примерка в поиске той самой, идеальной рубашки. Но вот в чём загвоздка: такой рубашки попросту не существует.

Если при одной мысли о походе за покупками с Сильвией моё настроение стремительно портилось, то информация об Оскаре вызвала потрясение, словно кто-то несправедливо отвесил мне пощёчину. Но сегодня это даже пошло мне на пользу. Я постоянно крутил в голове то, что сказал мне Скэриэл, и даже не мог должным образом реагировать на десятки брюк, рубашек и костюмов, которые подобрала мне воодушевлённая Сильвия.

Сегодня Сильвия была в ударе, чего нельзя сказать обо мне. Оскар Вотермил остался без денег отца, что совсем не удивительно, учитывая его прошлые заслуги. Но тот факт, что он воровал у мистера Вотермила под носом, да ещё в таких количествах, приводил меня в ужас. Хотя это дело их семьи, и они должны решить всё сами. Впрочем, если мистер Вотермил об этом узнает, он, может, даже не станет заявлять на родного сына. Я знал много случаев, когда в семьях чистокровных октавианцев происходило что-то в таком духе, но конечно, никто не хотел выносить сор из избы.

Меня больше волновало то, что Оскар был запечатлён на фотографии с Билли. Сомнений не оставалось: он передал ей конверт с деньгами. Фотографии датированы прошлой средой, а внезапная наша поездка в клуб случилась в пятницу. Тут и гением быть не надо, чтобы понять, что Оскар тот ещё подонок.

Я был как в тумане. Стоя в примерочной, машинально переодевался, выходил к Сильвии и её группе поддержки в лице менеджеров магазина, затем возвращался обратно и снова переодевался. Мы не были близки с Оскаром, но я чувствовал себя

обманутым. А ещё грязным, словно меня окунули в ведро с помоями. И содрогался от одной мысли, что Скэр мог не успеть меня забрать.

Оскар у даже не нужно было стараться, чтобы обвести меня вокруг пальца. Я без раздумий согласился на его приглашение в ресторан, затем в клуб. Представляю, с какой лёгкостью он проворачивал свой план. Всё, что ему нужно было, это заплатить Билли и привести меня в «Яму». А дальше меня ждали сплошные приключения. Не знаю, отделался бы я одним шантажом или у него были на мой счёт более далеко идущие планы.

Когда мы садились в машину я, скорее всего, выглядел рассерженным, так что Сильвия принялась оправдываться.

– Ради этих чудесных костюмов стоило немного потерпеть.

– Что? – Занимаясь самоистязанием, я не сразу понял, о чём она; мне не было никакого дела до костюмов.

– Вы злитесь на меня? – в лоб спросила Сильвия. Она была не в том возрасте, чтобы ходить вокруг да около.

– Нет. – Я удивлённо уставился на неё, потом оглянулся и только после этого понял, что мы едем в машине. Кевин за рулем выглядел очень напряжённым.

– Господин Готье, с вами всё в порядке?

– Да, в полном.

– Уверены? Может, нам заехать к мистеру Дону в больницу?

– Нет, всё хорошо, – замотал головой я, но Сильвия продолжала с подозрением на меня смотреть. – Что?

– Ничего. – Она посмотрела в сторону, затем снова на меня. – Просто вы в магазине три раза переодевались в одну и ту же рубашку и даже не заметили этого.

Отец был дома. Все были здесь, кроме мамы. Прошло два года, а я всё ещё надеялся, что она приедет вместе с отцом с вокзала или из аэропорта. Габриэлла носилась по комнатам с новыми игрушками. На кухне вовсю орудовали Кэтрин и Фанни. В воздухе витал чудесный запах абрикосового пирога. Сильвия попросила Лору отнести пакеты в мою комнату, а сама направилась в кабинет, чтобы поприветствовать хозяина дома. Мне следовало поступить так же, но я хотел поскорее принять душ, словно это хоть немного помогло бы мне очистить голову от дурных мыслей и воспоминаний.

Освежившись и переодевшись в домашнее, я направился в кабинет отца. И подходя, у самой двери услышал голос Гедеона. Кажется, они уже успели всё обсудить, и он собирался покинуть кабинет. В такой напряжённый день не хотелось усугублять положение и попадаться брату на глаза до ужина. Я отпрянул от двери и пронёсся по коридору. Когда Гедеон скрылся на лестнице, я выбрался из своего укрытия.

– Присаживайся, – недовольно произнёс отец. – Гедеон мне доложил о том, что случилось. Нужно ещё раз извиниться перед Оскаром. Не знаю, как вас троих угораздило отправиться на Запретные земли, но Гедеон будет наказан по всей строгости.

Я хотел было открыть рот и воскликнуть резонное «ЧТО?», но вовремя прикусил язык. Не знаю, что там наплёл Гедеон, но если он врёт отцу, то обязан был и меня ввести в курс дела, точнее, в лживую версию произошедшего. Я ещё мог понять извинения Оскару: Гедеон неслабо отпинал его на нашем дворе. Но я не понимал, почему виноватым оказался брат. Разве не Оскар по своей инициативе отвёз меня в клуб, да ещё и бросил там? Я ничего не понимал.

– Как ты в моё отсутствие? Есть какие-нибудь новости? – участливо спросил отец.

Да вот в клубе на Запретных землях побывал, мне таблетки в сок подбросили, я словил неплохие, но дешёвые, по мнению Скэриэла, галлюцинации, он, кстати, сказал, что может достать покруче. Ещё узнал, где живет Скэр и что он курит. Поругался с братом, и он меня до истерики довёл. А вот Оскар хотел меня подставить. Да в принципе всё.

– Никаких, – неуверенно ответил я.

– Ясно. – Отец улыбнулся, что делал крайне редко после похорон мамы, и проговорил: – В твоей комнате подарок. Иди сходи – посмотри.

Он редко делал мне или Гедеону подарки, другое дело – Габриэлла. На Рождество просто отстёгивал нам по кругленькой сумме, чтобы мы сами выбрали что-то по душе.

Я вошёл в свою комнату и замер. На столе возвышалась широкая и высокая птичья клетка в старинном стиле с медными завитками. И тут я увидел жёлтый пернатый комочек, который при виде меня торопливо перелетел с жёрдочки на жёрдочку.

Канарейка.

Мама очень любила рыб и канареек. Не собак и не кошек, хотя они тоже вызывали у неё умиление. Когда ей ещё было не так плохо, как

в последние месяцы болезни, мы могли вместе сидеть в гостиной и беседовать. В основном говорила она, а я внимательно слушал. Мама говорила о том, что хочет поскорее выздороветь и завести канарейку. Птица будет притягивать внимание своим ярким оперением и петь для нас. Ей нравилось представлять, что в гостиной стоит клетка, которую мы сможем иногда открывать, и канарейка будет летать по комнате.

– И как бы ты её назвала? – спросил я как-то.

– Не знаю, – вдруг загрустила мама, – жить в клетке сложно. Со всех сторон птицу сковывают прутья. Но позволь ей вылететь, и она будет радоваться и любить тебя ещё больше. Я бы назвала канарейку Килли.

– Это от Киллиана?

Она посмотрела на меня долгим грустным взглядом и кивнула. Я подумал, что за этим именем прячется что-то очень печальное. Она прослезилась, а я поспешил за салфетками.

– Спасибо, – поблагодарила она, когда я протянул ей парочку. – Прости. В последнее время я чересчур эмоционально ко всему отношусь.

Через полгода её не стало.

Конечно, я назвал канарейку Килли и даже не стал уточнять, какого птица пола.

После семейного ужина я поднялся к себе в комнату. За столом спиной ко мне сидел Скэриэл и рассматривал птицу в клетке. Та забила на самую высокую жёрдочку, словно это могло спасти её от любопытного полукровки.

– Она классная, только почему-то не поёт, – тихо произнёс Лоу, когда повернулся ко мне. Сегодня он был одет в чёрную водолазку с высоким горлом и тёмные потёртые джинсы.

– Отец её только сегодня привёз, наверное, стресс, вот и не поёт. Ей надо дать время, чтобы привыкнуть.

– И как зовут нашего мистера птичку? – спросил Лоу, поворачиваясь обратно к клетке.

Я забрался с ногами на кровать. До моего прихода Скэриэл сидел в темноте, и я тоже не стал включать свет.

– Его зовут Килли, – ответил я, уставившись на канарейку. – Мама так хотела.

– Понятно, – протянул Скэр. – Твой отец что-нибудь сказал про Оскара?

– Гедеон ему соврал, но я не знаю зачем. – Я пожал плечами, но Лоу на меня не смотрел. Он наблюдал за птицей.

– Что именно он сказал?

– Без понятия. Останешься сегодня?

– Нет. Эдвард приезжает ночью. Я занёс тебе Тургенева.

На улице стемнело, и включились фонари. Свет из окна падал на клетку и на Скэриэла. Тень от медных прутьев ложилась на его лицо, словно он был за решёткой. Мне не понравилось это видение; я улёгся на кровать и прикрыл глаза.

– И как тебе?

– Не думаешь, что жизнь крестьян в восемнадцатом веке похожа на жизнь низших в Октавии сейчас? – Голос Скэриэла прозвучал буднично, но я понимал, что он долго думал над этим. – Даже в нашей столице ничего не поменялось.

– Да, я согласен.

– Вы проходили историю России в лицее? – Скэриэл повернулся в мою сторону.

– Не углублённо. Но у нас любят русскую литературу.

– Александр II отменил крепостное право, освободил крестьян...

– И был убит ими, – закончил я.

– Да. Он поступил тупо, – тихонько рассмеялся Лоу.

– Ты так считаешь? Он ведь освободил... – Я чуть было не сказал «низших».

– А что толку от такого освобождения? Миллион необразованных безработных людей получил свободу. Они сразу начали отмечать это дело. Пили, гуляли, тратили последние накопленные деньги. Этого и следовало ожидать. Представь, да? Страна в хаосе. Повсюду пьянь и разборки. Это напоминает Китай под опиумом. Никто ничего не может сделать, потому что большая часть населения в опьянении. – Скэриэл говорил горячо и взволнованно. – Вот он и поплатился жизнью.

– Россия всегда на несколько веков отставала от других стран. В Англии ещё в семнадцатом веке произошла буржуазная революция. Во Франции – в восемнадцатом.

— А теперь вспомни Октавию. Чем она лучше? Двадцать первый век. Во многих странах полукровки и низшие уже обрели права, мало чем отличающиеся от прав чистокровных. Они могут ходить в любую школу или лицей. Поступить в любой университет. Даже низшие могут выучиться и занять должность директора какого-нибудь завода. Чёрт, я уже не говорю о полукровках!

— Скэр, потише...

— Прости. Понимаешь... просто... Я не могу смотреть фильмы, где в главных ролях снимаются бездарные чистокровные. Мне хочется запустить пультом в экран, когда я понимаю, что талантливым актёрам-полукровкам приходится играть проходных героев, потому что у нас им никогда не дадут главных ролей. Я уже молчу про низших. Их никто на работу не берёт. Слышал, что недавно сказал один из чистокровных? Режиссёр известный. Говорит, что предпочитает работать только с чистокровными, им типа доверия больше. Какое, к чёрту, доверие? Морда у него — как будто кирпичом проехали пару раз. Я бы не доверил ему и в сортире рядом поссать.

— Я знаю, что есть такие снобы-чистокровные. Они ограниченные люди, Скэр.

Лоу тяжело вздохнул.

— Меня злит дискриминация, которая сохранилась здесь. Тебе не понять, Готи, и я не виню тебя. Знаешь Нельсона Манделу? Он двадцать семь лет отсидел за права афроамериканцев, а когда вышел, ты только представь, он простил всех, кто все эти годы держал его в заточении, так ещё просил афроамериканцев о прощении. Я бы так не смог.

— Сказать честно, до знакомства с тобой я тоже был полон предубеждений. Нам с детства твердят о том, что полукровки созданы, только чтобы работать, а низшие — это... хм... отбросы общества. И в первую встречу с тобой я жутко испугался. Ты помнишь того репортёра? Я сначала чуть не получил инфаркт из-за него, и потом, в машине — когда понял, что сижу с незнакомым полукровкой.

Лоу рассмеялся.

— Так вот, — продолжил я, — ты оказался совсем не таким. Ты... такой же, как и я, или, не знаю, как Леон? Или Оливер? Они пока не знакомы с тобой лично, поэтому немного боятся, — я вспомнил недавнюю реакцию Кагера в лицее, — но уверяю, ты им понравишься.

– Спасибо, – с теплом отозвался Скэриэл, – ты тоже совсем не такой, как другие чистокровные.

Наступило молчание. Каждый из нас обдумывал этот разговор. Мы оба засмущались от интимной концовки. В этот момент, когда каждый пребывал в своих мыслях, мы совсем не ожидали, что Килли запоёт. Нежно, тихонько, он делал первые попытки в пении. Я медленно приподнялся, боясь спугнуть птицу. Скэриэл с восторгом смотрел на канарейку.

Вскоре Скэриэл засобирался.

– Есть что-нибудь из Толстого? Или Диккенса?

– Ты близко к сердцу принял Тургенева, я бы не советовал тебе ещё и Толстого.

– Боишься, что начитаюсь и устрою бунт низших, – захихикал Лоу.

– Будешь много переживать. Сделай перерыв в русской классике. – Я подошёл к книжным полкам.

– Ну и что тогда предлагаешь?

– Подожди, сейчас найду. – Я переставлял книги в поиске нужной. – Нашёл. «Трое в лодке, не считая собаки». Английский юмор тебе сейчас самое то.

– Ладно, но потом дашь мне Толстого. – Лоу взял книгу и направился к окну.

– Подожди. – Я ударил себя по лбу; неожиданно вспомнил, о чем говорил с Леоном днём. – У тебя есть планы на завтра? Леон Кагер завтра вечером выступает в театре. Он дал мне три билета, но Гедеон за ужином сказал, что не сможет. Не хочешь со мной?

– Балет? А Гедеон или твой Кагер не будут против?

– А тебе не плевать? – Я заговорщически улыбнулся ему.

– Ой, Готи, я плохо на тебя влияю, – усмехнулся Лоу. – Ты ступил на скользкую дорожку. Сначала билеты в театр, а потом что? Будешь мне книжки из библиотеки выносить? Опасный ты тип.

– Да пошёл ты, – засмеялся я так громко, что даже Лоу шикнул и закрыл мне рот ладонью.

– Фу, ты меня лизнул, что ли? Вся рука в твоих слюнях! – Он принялся вытирать об меня ладонь, из-за чего я ещё сильнее рассмеялся и никак не мог остановиться.

– Как ты доберёшься до дома? – спросил я, когда успокоился.

– Закажу такси с телефона. Двадцать первый век всё-таки. И пусть у нас в университетах имеют право учиться только чистокровные, зато полукровка всегда найдёт работу водителем такси.

– Мне жаль.

– Да брось ты. Это не твоя вина. Как хоть балет называется?

– «Жизель».

– О чём это? – спросил Лоу, отодвигая в сторону клетку.

– Я знаю о балете не больше твоего. Вот завтра и посмотрим.

– А я рассчитывал, что ты меня введёшь в курс дела. Приобщишь к прекрасному. Я ничего не знаю о балете.

– Леон приобщит. Он помешан на этом.

– Ага, он увидит меня в зале и грохнется со сцены, – с улыбкой произнёс Скэр.

– Я предупрежу его утром.

– Договорились.

Лоу с книгой под мышкой вылез из моего окна и пропал в темноте. Я слышал, как он пробирается по бордюру со стороны окон Габриэллы, чтобы там с помощью дерева ловко спуститься вниз.

Я достал телефон и написал эсэмэс через пару минут, когда убедился, что Скэр оказался на земле. Не хотелось под утро найти его тело со свёрнутой шеей под окнами Габи только потому, что он на ходу ответил мне на сообщение.

«Забыл сказать, завтра нужно прийти в смокинге».

«да ты чокнулся, хитклиф!!!».

Я ничего не ответил, и вскоре пришло ещё одно сообщение.

«ты же пошутил, да? где я достану тебе долбаный смокинг???»

Признаюсь, я получал истинное удовольствие от того, как сейчас вёл себя Скэриэл.

«Вот ты паникер. Будет тебе смокинг, я устрою. Снов», – ответил я.

«снов тебе и мистеру птичке».

«Его зовут Килли».

«ЕгО зОвУт КиЛлИ».

«иди в жопу».

«ИдИ в ЖоПу».

«Придурок».

«сАм пРиДуРок».

«Ща блокну твой номер». – Обычно эта угроза всегда срабатывала.

«Снов Килли:))))»

Леон посмотрел на меня так, словно не верил своим ушам. Как будто я ляпнул что-то, что выходило за рамки дозволенного в светской беседе. Я стушевался под его ошарашенным взглядом. Что, если я, забывшись и уйдя в свои мысли, как это часто бывало, предложил ему что-то запретное?

Но нет, я просто спросил, можно ли Лоу посмотреть его выступление сегодня вечером.

– Тот... полукровка? – промямлил Кагер. На его лице отразился ужас, как будто мы заговорили о Сатане. Моя богатая фантазия сразу подкинула образ Скэриэла с острыми рожками и в красном плаще.

– Его зовут Скэриэл Лоу. Гедеон не сможет пойти, и отец тоже. Я надеялся, что ты не будешь против Скэра, – отчеканил я заранее заготовленную речь.

– Но... – запнулся Кагер. Я видел, как он пытался подобрать слова, скорее всего, чтобы не обидеть меня. – Но он полукровка... ему это будет интересно?

– Он с удовольствием посмотрит твоё выступление. – Мой голос прозвучал увереннее некуда, но Леон недоверчиво смотрел на меня. Как будто я торжественно заявил, что в театр приду с пони на верёвочке и не потерплю никаких возражений.

– Даже не знаю. – Он нерешительно встал у окна и, с минуту растерянно помолчав, добавил: – Ну, если ты этого хочешь, то пусть приходит.

Большой перерыв в лицее длился сорок пять минут. Мы только закончили обедать и направились на лекцию по истории.

Я долго не решался спросить Леона насчет Лоу, но тянуть дальше уже было нельзя. Оставалась последняя лекция, и потом мне нужно было по дороге подобрать Скэриэла и отправиться в магазин за смокингом. Я предупредил Кевина, и в назначенное время он должен был ждать меня у лица.

– Он хочет больше узнать о балете. – Я уселся на широкий подоконник и пристроил рядом рюкзак. До пары оставалось ещё добрых десять минут. Жестом я предложил сесть и Леону, но он мягко

помотал головой. Подперев спиной стену, он посмотрел в сторону от меня и махнул кому-то из знакомых рукой.

– Почему?

– Он любопытный, – хмыкнул я, садясь полубоком. – Любит историю, литературу, немного интересуется искусством.

В очередной раз Леон уставился на меня, словно я говорил о вещах, которые просто не укладывались в его голове.

– Знаешь, ты только не обижайся, – замялся он. – Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка. Я думал, что он так шутит.

Я мигом вспыхнул. Бернард – то ещё трепло. Он мне не нравился, и я был рад, что он не учится в нашем лицее. Не знаю, как бы я выдерживал его постоянное присутствие и болтовню. Иногда, правда, он был ничего, если только не вел себя как пуп земли.

– Скэриэл мой друг, и если у тебя или у кого-то ещё с этим проблемы, то говори сразу. – Мой серьёзный тон мигом напугал собеседника. Я заткнулся и почувствовал себя конченным тупицей. Сорвался на Леоне без причины, ведь знал же, что он неохотно идёт на контакт с полукровками. Одно дело, когда они работают на тебя, там практически нет личного общения. Всё в пределах установки «начальник – подчинённый». Но другое дело – дружить с полукровкой. Для Леона это было чем-то за гранью.

– Никаких, Готье. – Кагер посмотрел на меня, затем вспыхнул и опустил голову. Я повернулся назад и увидел то, что его так задело за моей спиной.

На другом конце коридора в окружении друзей с нагловатым видом подпирал стенку парень из параллельного класса. Я не знал, как точно его зовут, может, Клив или Клайв. Он толкал щёку с внутренней стороны языком и поступательными движениями рукой имитировал минет. Добившись нужной реакции от Леона, он громко засмеялся. Окружавшие его друзья подхватили гогот.

– Ты не должен ему позволять так издеваться.

Леон выглядел как человек, давно смилившийся со своей участью.

– Всё нормально. Это же Клив. Я уже привык.

Я показал этому засранцу средний палец. Он рассмеялся ещё громче.

– Вот мудака. – Я мотнул головой в сторону Клива.

Леон с лёгкой улыбкой посмотрел на меня.

– Кажется, ты перенял что-то у своего друга, – после недолгой паузы произнёс он.

Я пожал плечами в ответ.

– Леон, где твоё пидорское трико?! – крикнул нам Клив. Со всех сторон раздался смех.

Я хотел было сказать ему пару ласковых, но Кагер молниеносно схватил меня за руку.

– Пожалуйста, не надо. Не лезь, – прошептал он с мольбой.

Я потерял дар речи. Почему Леон Кагер позволяет к себе так относиться? Он с лёгкостью мог разделаться с Кливом при помощи тёмной материи. Леон был одним из первых учеников по этой дисциплине. Его уровень владения телом заметно выше, чем у других, благодаря постоянным тренировкам. Даже если Леон не хотел применять тёмную материю, его дядя всё ещё оставался главным начальником полиции в Центральном районе Ромуса. Кто в здравом уме станет приставать к детям из полицейских семей? Только такие безмозглые типы, как Клив.

– Если этот убогий ещё раз что-то вякнет, я натравлю на него Скэриэла.

– Или Гедеола, – шутливо добавил Леон.

– Эй, не будь так жесток! Я хочу поколотить его, а не убивать.

Мы захохотали.

К счастью, Клив и его банда ушли раньше нас. Клив был не первым, кто мучил Леона, но делал он это с завидной регулярностью. Насколько я знал, Клив Маккинзи не входил в число успешных учеников. Возможно, кто-то и мог оценить, с каким усердием он мучил Леона, но я сдерживался из последних сил, чтобы не размазать его по стенке. Сдерживался в первую очередь из-за Леона, который каждый раз умолял меня остановиться. Ещё я опасался реакции отца и брата.

Мы медленно побрели в свой кабинет, обсуждая сегодняшнюю постановку Леона, как вдруг мимо нас пронеслись близнецы Брум. Они тоже направлялись на лекцию по истории.

– Не хочу! – недовольно проговорил Оливер, отдернув руку, когда сестра попыталась схватить его. Они остановились посреди коридора.

– Но так надо, – не унималась Оливия.

– Я никому ничего не должен, даже ему! – Он посмотрел на сестру, грозно сдвинув брови. Оливия опешила. Они были так похожи, что

казалось, у меня в глазах двоится.

Оливия резко развернулась, её волосы волной взметнулись вверх, как в рекламе дорогого шампуня.

– Оливия! – раздался недовольный голос брата, когда она пронеслась мимо нас и скрылась за углом. Он стремительно последовал за ней, не обратив на нас никакого внимания.

– Ух ты, – спустя мгновение проговорил Кагер. – А я думал, они никогда не ругаются.

Я завис на пару минут. Даже споря, близнецы были прекрасны. Кажется, рядом с ними я терял голову и вёл себя как последний придурок.

– Земля вызывает Хитклифа, приём, – лукаво шепнул Кагер мне на ухо.

Я помотал головой.

– Ничего не говори, – простонал я, закатывая глаза. – Идём на историю.

– Конечно-конечно, – миролюбиво выдал Леон. Моя влюблённость его явно веселила.

– Как думаешь, о ком они говорили? – спросил я.

Мы подходили к нужному кабинету.

– Не знаю, но, видимо, о ком-то, кого Оливер на дух не переносит, – тихо предположил Леон.

Я курил вторую сигарету за последние полчаса. Никак не мог унять дрожь в руках. Вчера я видел Ноэля. Если в том, что с ним произошло, виноват Скэриэл, должен ли я остерегаться его?

У меня нет своего дома. Нет работы. Нет семьи. До недавней встречи со Скэриэлом я практически жил на улице и умирал от голода. Но сейчас сижу в его пустом особняке в центре, нет, вы только поглядите, я умыт, одет, от меня не несет за сотню миль, и я даже плотно позавтракал утром. Не знаю, в каких мы отношениях с ним, но ясно, что я завишу от него.

– Джером. – Скэриэл вошёл на кухню и уселся напротив меня; в растянутой толстовке и широких спортивных штанах, которые будто вот-вот должны были слететь с его худощавых бёдер, он выглядел

безобидным. Кто бы мог подумать, что Скэриэл умело плетёт интриги. Он потянулся к моей пачке сигарет и достал одну – я отвернулся, рассматривая сахарницу у окна, – Скэриэл глубоко затянулся. – Поедешь в Запретные земли. Держи.

Он протянул мне чёрную папку. Его рука выглядела слишком тонкой и длинной в этом широком рукаве. Как будто он натянул на себя мешок. Волосы торчали в разные стороны, да и в целом он был похож на воробья, успевшего подраться за хлебные крошки. Судя по выражению лица, бой этот Скэриэл проделал по всем фронтам.

Надпись на первой странице сообщала о покупке дома на имя Эдварда Лоу где-то на отшибе Запретных земель. В такой глуши и я бы побоялся ходить. Там живут отбросы даже по меркам низших.

– Что это?

– Мой новый дом. – Он выпустил клуб сигаретного дыма. – Штаб для полукровок и низших. – На этих словах он улыбнулся. – Займёшься им. Эдвард поможет.

– Твой дом? В документах указано, что он принадлежит Эдварду, – недоверчиво продолжил я.

– Ой, не тупи. – Скэриэл посмотрел на меня как на умалишённого. Он заёрзал на месте, усаживаясь удобнее: одну ногу вытянул на соседний стул, вторую прижал к груди. – Я несовершеннолетний. Конечно, по документам он принадлежит не мне.

– И что мне, блин, делать там? Наводить порядок, готовить ужин и ждать тебя с работы? – огрызнулся я в ответ.

– Ха, если бы ты всё это умел. – Он повеселел от моей шутки. – Наймёшь людей, человек пять, не больше. Лучше бери полукровок. На первом этаже устроим центр помощи, например, каждый вторник и пятницу – или сам выбери дни, мне не принципиально – будешь кормить детей и подростков с улицы. Горячие обеды и ужины. Готовить будут полукровки, а то своей стряпнёй ты отравишь полрайона. Чистокровные, конечно, будут тебе благодарны. – Он оскалился. – Деньги передам через Эдварда. Он тоже будет проверять тебя.

– Зачем всё это? – Я знал, что Скэриэл не изверг, но и меценатом его назвать язык не поворачивался. Он во всём искал выгоду, думал на пять ходов вперёд, но я не понимал, какую цель он преследует. Сейчас всё это выглядело просто бессмысленной тратой денег, времени и сил.

Конечно, отказаться я не мог. Он кормил меня, дал крышу над головой и помог с документами, так что я был у него в долгу.

– Мне нужна будет поддержка низших и полукровок. Пропаганда лучше всего усваивается детскими умами. Мы их накормим, объясним, как устроен мир, разрешим войти в наши ряды, и они сами не успеют опомниться, как уже будут верить мне, – моментально отозвался Скэриэл.

– Ты готовишь собственную армию? – Я хотел пошутить, но Скэриэл хитро улыбнулся и промолчал, словно я попал в точку.

Он театрально поднял руку и, размахивая в такт, громко запел:

Идём, сыны страны Родные!
День славы взрезывает мрак.
На нас поднялась тирания,
Взнесён окровавленный стяг.

Затянувшись, он продолжил:

Allons enfants de la Patrie,
Le jour de gloire est arriv é!

– Французская песня. Слышал что-нибудь о якобинцах? – внезапно начал он, уставившись на меня с интересом.

– Нет, – честно ответил я. «Якобинцы» звучало как название экзотической породы собак.

– Полезно будет почитать про Французскую революцию, – бросил Скэриэл, потеряв ко мне всякий интерес.

Я знал Скэриэла с семи лет – моя мама спилась, и мне пришлось переехать в интернат. Ему тогда было около шести, и он почти ни с кем не дружил.

Скэриэл жил в этом интернате с рождения. Мне рассказывали, что его нашли младенцем на городской свалке. Собака сторожа слышала плач, несущийся из гор мусора. Таких историй у нас была масса. Непутёвые мамы вечно бросали своих детей в Запретных землях. Ещё пуповина не зажила, а ребёнка уже можно найти под ближайшим

кустом. Денег на воспитание детей, как и на контрацептивы, ни у кого не было.

Никто уже не помнил, как Скэриэл получил своё имя. Быть может, его так назвала нянечка, которая первой взяла младенца на руки. Фамилии брошенным младенцам в интернате не давали до выпуска, а Скэриэл сбежал оттуда после меня, поэтому я удивился, когда он показал свои новые документы, где было указано, что теперь он – Лоу.

Но удивительнее всего было то, что у него водились деньги. Не просто деньги, а большие суммы, которые я только во сне мог увидеть.

Он подделал документы, купил дом в центре, сдружился с чистокровным, а теперь вот решил открыть центр пропаганды, но для чего, я так и не понял.

– Хорошо. – Я затушил сигарету в пепельнице и произнёс после недолгой паузы: – А что с Ноэлем делать?

Ноэль Джонс вечно доставал его в интернате. Ходил за ним по пятам, толкал, бил, обзывался, воровал его еду и вещи. Ноэль был ходячей катастрофой для Лоу. Скэриэл постоянно ходил с синяками по всему телу. Я не знаю, что потом произошло с этими двумя, потому что сбежал из интерната, когда мне было двенадцать лет. В этом возрасте у нас многие сбегали.

Знал бы я, что на улице совсем не весело, что мне придётся таскать еду, залезать в сумочки и карманы зазевавшихся прохожих, – остался бы в интернате. Всё же это лучше, чем мёрзнуть на улице. Зимы в Запретных землях беспощадны. Многие мои уличные друзья замерзали по ночам, когда не спасал ни огонь, ни два или три слоя одежды. Утром они уже не просыпались.

– Тебе какая разница? – Скэриэл настороженно посмотрел на меня. Любой разговор о Ноэле Джонсе сбивал с него всю спесь. Возможно, Ноэль был его больной темой, о которой он предпочитал ни с кем не говорить.

– Просто любопытно.

– Любопытство сгубило кошку.

Я промолчал.

Ноэль жил в маленькой деревне на юге Октавии. Всё, что я знал, это что за Ноэлем был организован постоянный уход на деньги Скэриэла. Ноэль абсолютно ничего не умел. Его развитие остановилось на уровне шестилетки, когда ему шёл шестнадцатый год.

Когда он меня увидел, то обрадовался, начал пританцовывать и тянуть руки для объятий. Я был в ужасе. Что с ним случилось и как это произошло, конечно, никто там не знал. Скэриэл агрессивно давал понять, что не намерен прояснять что-либо, связанное с Ноэлем. Но я готов поклясться, что, когда видел его в последний раз в интернете, ему было одиннадцать и он ничем не отличался от остальных.

Скэриэл ревностно следил за условиями его проживания: менял ему место жительства, если соседские дети начинали обижать; менял сиделок, стоило нам передать просьбу Ноэля; каждую неделю отправлял в деревню Эдварда, чтобы передать деньги. Но сам Скэриэл так ни разу за всё это время не съездил навестить Ноэля. Он как будто боялся увидеть его в таком состоянии.

Ноэль постоянно говорил о Скэриэле. Спрашивал, когда он придет или когда позвонит, словно Лоу был его отцом или потерянным братом. «Скэриэл то, Скэриэл сё». Я слышал эти разговоры Ноэля сутки напролёт, пока находился рядом. Какой Скэриэл хороший, а когда он придет? Завтра? Послезавтра? Позвонит сегодня? Да, конечно. Мне было тошно, словно я вру наивному ребёнку.

Ещё мне не нравился чистокровный, Готье Хитклиф, с которым сдружился Скэриэл. Я не мог взять в толк, о чём вообще можно разговаривать с чистокровными. Они, помешанные на себе и своих эгоистичных запросах, относились к нам, как к грязи на подошве своих ботинок.

Лоу постоянно ошивался в доме этого чистокровного, ел там, ночевал. Порой я не видел его неделями. Всё это время я слонялся здесь или в Запретных землях без дела, ожидая, когда снова понадобится ему. Недавно Скэриэл умудрился привезти чистокровного домой. Тот был в отключке, поэтому нам пришлось вдвоём затаскивать его на второй этаж. Мне не понравилось, что Скэриэл уложил его в свою кровать. Эдвард как раз ночевал в доме у Ноэля, и мне пришлось прятаться в его комнате. Скэриэл строго-настрого запретил показываться утром на глаза чистокровному.

— Готи, подними руки. — Скэриэл ласково разговаривал с ним. Тот был под кайфом и безропотно слушался. Я помог стянуть с него рубашку. Его кожа была мягкой на ощупь, а руки — нежными и ухоженными, как у девушек. Руки, которым никогда прежде не приходилось заниматься тяжёлым трудом. Тогда я впервые задумался

о разнице между нами, даже в таких мелочах: мои руки были в мозолях, с грязными, обломанными ногтями.

– Зачем ты его раздеваешь? – шёпотом спросил я, поддерживая чистокровного, пока Скэриэл осторожно снимал с него брюки.

– Он не любит спать в одежде.

Какая, к чёрту, разница, как он любит спать?!

Увидев на моём лице недовольство, Скэриэл раздражённо выдохнул и произнёс:

– Выйди.

– Но... – растерялся я.

– Джером. Выйди, – прошипел Скэриэл.

Позже я зашёл ещё раз глянуть на чистокровного. Он действительно спал без одежды. У меня глаза на лоб полезли, когда я понял, что Скэриэл собственноручно сложил его одежду.

Иногда я занимался уборкой в доме: хотел быть полезным в те дни, когда Скэриэл ничего мне не поручал, но давал деньги на личные расходы. Я складывал его вещи, мыл посуду и полы, протирал пыль. Собирал разбросанные по углам книги. Скэриэл абсолютно не следил за своими вещами. Я находил его книги даже в ванной. Они были мокрые или с пожелтевшими страницами. Он не держался за вещи, мог отдать любую футболку или рубашку и ничего не имел против того, чтобы самому ходить в чужой одежде. В первое время я стеснялся пользоваться его гардеробом. Всё ещё помнил времена, когда в интернате каждый трясся над своими пожитками и, чуть что, устраивались целые боины за перчатку или шапку. Но Скэриэл мог без спроса взять что-то из моего скудного гардероба, который я берёг как зеницу ока. Со временем я понял, что в этом доме я могу надеть всё что захочу, и Лоу не прогонит меня метлой за порог.

В то утро я тихо вышел из комнаты Эдварда, когда они болтали на кухне. Они шутили, хихикали, обменивались непонятными мне словами, скорее всего, из литературы или истории. Это был не тот Скэриэл, которого я знал. Он так легко и непринуждённо вёл с чистокровным беседу, что меня затопила чёрная зависть.

Скэриэл наслаждался разговором. Меня это поразило, ведь в самом начале он как-то обмолвился, что чистокровный ему нужен для дела. Ничего личного, только далеко идущие планы. Но я уже сомневался в этом. Быть может, Скэриэл попал в собственную ловушку. Или он

мастерски играл роль лучшего друга, да так искренне, что даже я поверил в его дружбу с чистокровным.

Ради этого Хитклифа мне пришлось следить за работницей клуба, Билли. И за чистокровным Оскаром Вотермилом. Эдвард по требованию Скэриэла сделал мне поддельные документы, подтверждающие, что я полукровка, но я всё равно трясся от страха, когда мимо проезжала полицейская машина. Я ненавидел чистокровных, ненавидел центр и ненавидел полицейских. У них было оружие, и они владели тёмной материей. Никто даже не пикнет, если они убьют меня и вывезут тело в Запретные земли.

На часах было около трёх, когда в дверь позвонили.

— План Б, — подмигнул Скэриэл и пошёл в холл, на ходу приглаживая волосы.

Я достал с верхней полки начатую бутылку виски и немного отпил из горлышка. Терпкий вкус алкоголя взбодрил меня. Я налил немного на ладонь и щедро брызнул на лицо. Вернув бутылку на место, я с разбега плюхнулся на диван.

Мне нужно было сыграть пьяного перед Хитклифом.

Дверь мне открыл Скэриэл. Он выглядел взволнованным, словно я вломился в неудачное время. Но я предупреждал, что заеду за ним после лица, и поэтому сам удивился и, уставившись на него, нерешительно замер в дверях. Он слабо улыбнулся, впуская меня в дом.

– Скэр. – Я вошёл в холл и нервно затараторил: – Леон не против. Я приехал с Кевином. Давай съездим за смокингом?

– Готи. – Лоу замялся. – У меня тут друг.

Он указал в глубь комнаты. Огромный коричневый диван был повёрнут к нам спинкой, но я разглядел торчащую руку и чьи-то ноги в старых потрёпанных ботинках.

– Серьёзно? – Я осторожно подошёл ближе. Может, это Ноэль?

– Его зовут Джером, и вчера его уволили с работы, вот и напился. Ты только не пугайся, но он – низший.

Мы подошли к дивану, и мне в нос ударил сильный запах алкоголя. Парень, по виду крупнее Скэриэла, сопел в диванную подушку.

– Уволили с работы? Сколько ему? – шёпотом спросил я и перевёл удивлённый взгляд на Лоу.

– Восемнадцать, – тихо ответил он.

Я в недоумении посмотрел на Лоу, требуя подробностей. В Октавии возраст совершеннолетия наступал с девятнадцати лет.

– В Запретных землях работают с ранних лет, чтобы выжить.

Парень на диване поморщился, открыл глаза и недовольно посмотрел на нас.

– Чего столпились? – грубо спросил он, глядя на нас снизу вверх.

У него были тёмно-каштановые волосы; длинная чёлка закрывала пол-лица. Он хмуро посмотрел на меня и пятернёй откинул чёлку в сторону, но это не помогло – волосы лезли ему в глаза.

– Джером, как ты себя чувствуешь? Может, стакан воды? Аспирин нужен? – Скэриэл заботливо наклонился ниже.

– Это кто? – спросил он, указывая на меня.

– Привет, меня зовут Готье Хитклиф. – Я постарался быть вежливым. Низший не оценил мои манеры.

– Хитклиф? Тот самый? Твоя семья владеет банком? – Кажется, с каждым вопросом его голос становился всё агрессивнее.

– Джером, прекра... – начал было Лоу, но тот его перебил.

– Скэриэл, ты дружишь с человеком, из-за которого мы голодаем на Запретных землях? – Он поднялся во весь рост. Выше меня как минимум на голову и крупнее, хотя объективно в таком впечатлении виноват свитер, который был ему велик.

– Послушай, Джером, он тут ни при чём. Ты пьян и не думаешь, что говоришь. – Скэриэл встал между нами. Мне пришлось сделать шаг назад, потому что низший выглядел так, словно готов был напасть на меня. Если он всё же полезет на меня с кулаками, придётся применить тёмную материю – хотя мои познания были слабы, но отбить удар я всё же мог.

Он сделал ещё один шаг в мою сторону, а я, синхронно, – шаг от него. Скэриэл упёрся руками Джерому в грудь.

– Ты хочешь сказать, что не из-за его папочки мы все умираем с голоду?! – Он гневно указал на меня рукой и посмотрел на Лоу. – Разве не его отец директор центрального банка? Он входит в Совет старейшин и придумывает идиотские законы, которые запрещают нам учиться, работать и жить?!

– О чём ты?! – выкрикнул я, делая шаг вперёд. – Что он такое говорит, Скэр? При чём тут мой отец?

Скэриэл повернулся боком и слегка надавил рукой мне на грудь, приговаривая: «Да успокойтесь вы оба».

– Слушай сюда, маленький сукин сын, меня выгнали с работы, потому что завод закрылся из-за твоего отца. Старейшины хотят истребить низших, как каких-то чумных крыс. Мы не можем закончить школу, потому что у нас нет денег на учебники! Многие школы на Запретных землях закрываются. У нас нет возможности сходить к врачу, потому что за один чёртов приём требуют столько, как будто тебе нужна пересадка органов! У нас нет ни работы, ни денег. Всё, что остаётся, это жить на улице и умирать от голода.

Последние слова он практически прошипел мне в лицо, несмотря на то, что Скэриэл всячески пытался нас растащить, правда, делал это неумело.

– Что?.. – Я стоял напротив него, не замечая Скэриэла, пытавшегося меня отвлечь, но в голове застряло: «Всё из-за твоего отца». Я в панике хватал ртом воздух.

От Джерома исходил запах алкоголя, как, бывало, от Вотермила, его речь была эмоциональной, но низший говорил чисто и связно, словно давно жаждал высказаться. Он оттолкнул Скэриэла, обошёл диван и с шумом плюхнулся на него, продолжая ругаться.

– Идём. – Скэриэл потащил меня через гостиную в глубь дома, и я увидел неприметную дверь, которая вела в полупустую широкую комнату со стеклянными дверями во всю стену. За грязным стеклом находился неухоженный, заросший маленький двор. Высокий забор отделял дом от соседей. К растущему в центре двора огромному дереву был прислонён старый велосипед Скэриэла. Мы встали под раскинутыми толстыми ветвями.

– Может, воды?

Я помотал головой.

– Не принимай всё близко к сердцу, – нерешительно начал Скэриэл. – Джером пьян и не знает, что несёт.

– Он, – я мотнул головой в сторону дома, – говорит правду?

Скэриэл нагнулся, сорвал травинку и зажал её между губ, не торопясь с ответом.

– Скэр?

– Да, всё это правда, – не глядя на меня, проговорил он.

Я разочарованно выдохнул.

– Почему ты не говорил?

– Сложно всё это объяснить, да и зачем? Ты должен увидеть это сам. До того, как переехать в центр, я жил в Запретных землях. Долгие годы мои родители бедствовали. – Он выкинул травинку и уставился на свои незашнурованные армейские ботинки, надетые на босу ногу. Как он ещё не споткнулся и не свернул себе шею, одному богу известно. – Они ничего не могли себе позволить. Снимали маленькую комнату, туалет и душ были общие на весь этаж. Отец не мог найти работу. Её просто не было. Нужно было платить за комнату, есть что-то, тогда ещё мама забеременела мной. Эдвард помогал нам, как мог. Это он потом рассказал, как тяжело было раньше, да и сейчас ничего не изменилось.

– Но почему?

– Ты – чистокровный, – усмехнулся он. – Тебя не касаются все эти проблемы. Ты даже не представляешь, чего стоит мне или Джерому пересечь границу между районами. Чтобы выехать или заехать в центр Ромуса, нужно пройти контрольно-пропускной пункт, предъявить

документы, оставить отпечаток пальца, а если умеешь расписываться, то поставить подпись, если потребуется. Тебя проверяют на наличие тёмной материи. Если на границе ловят низшего без документов и без разрешения на перемещение с Запретных земель в столицу, то могут посадить в тюрьму. А оттуда уже не выбираются.

– Но нас с Оскаром не проверяли на контрольных постах, – проговорил я потрясённо.

– Чистокровным это не нужно. – Он указал на мои светлые волосы. – Вас легко идентифицировать. Да и Оскар, наверное, завсегдатай Запретных земель, может, постовые его уже хорошо знают и сразу пропускают. Я думаю, семью Вотермилов, как и твою, все знают.

У меня заболела голова от воспоминаний о папарацци, днями и ночами пытавшихся выманить меня или Габриэllu из дома. Тогда фотографии нашей семьи часто мелькали на первых полосах.

– Я знал, что попасть сюда низшим сложно, но мне казалось, что им и в Запретных землях хорошо живётся. – От моих слов Скэриэл тихо хмыкнул. – Ты сказал, что Джером – низший. У него есть документы и разрешение?

– А ты быстро схватываешь, – улыбнулся Лоу. – У него нет разрешения. Он нелегально тут. Я встретил его недавно в Запретных землях. Он жил на улице.

– Ты приютил его?

– У меня не было выбора. Я купил ему поддельные документы, где говорилось, что он полукровка. Пусть все думают, что он мой двоюродный брат.

– Это... – Скэриэл опустил голову, и волосы упали ему на лицо, он весь сторбился и как будто визуально уменьшился. Я продолжил: – Хороший поступок. Ты помог ему.

– Но десятки тысяч таких, как он, остались в Запретных землях. Когда я думаю о том, что скоро наступят холода и по утрам окоченевшие трупы будут свозить к крематорию, у меня кровь стынет в жилах, – тихо, но твёрдо проговорил Лоу.

– Но им всем невозможно подделать документы и перевести к нам...

– Да, это было бы нереально осуществить. Во-первых, это будет подозрительно и нас быстро раскроют. Меня, Эдварда и Джерома

бросят в тюрьму. Да им места не хватит в центре Ромуса. Во-вторых, мы не должны бежать с Запретных земель. Это не та политика, которой нам следует придерживаться. Старейшины должны перестать уничтожать Запретные земли и дать нам права, которых мы заслуживаем. Меня бесит, что до сих пор наша Октавия живёт по принципу «низшие – недостойные». В других странах они уже обрели равные с полукровками и чистокровными права. Ты знаешь, почему мы отстаём в политическом и экономическом плане? Потому что во главе у нас всегда только чистокровные, которые живут в Ромусе и не видели жизни за пределами центра. Так зачем им думать о низших?

– И что ты предлагаешь? Я поддерживаю, если это будет разумным решением.

– Пока не знаю. Но я думаю над этим, будь уверен. – Скэриэл улыбнулся мне, и я не смог сдержать ответной улыбки. Я чувствовал, что этот разговор был важным для нас обоих.

– Тогда у меня две просьбы к тебе, – продолжил я.

– Я весь внимание, мистер Хитклиф. Внемлю каждому вашему слову. – Лоу заметно повеселел.

– Я хочу, чтобы ты провёл меня в Запретные земли и показал всё, о чём говорил. Я хочу увидеть это своими глазами.

– Ха! Это как увидеть Париж и умереть. Только в твоём случае «увидеть ещё раз Запретные земли и умереть от руки старшего брата».

– Ох... – Я скривился при упоминании Гедеона. – Забыл о нём.

– Забыл, что термоядерная бомба живёт у тебя за стеной? – рассмеялся Скэриэл. – Слушай, я вот что подумал недавно... Он тебя когда-нибудь бил? Хоть раз ударил? Просто он такой пугающий, что мне стрёмно даже смотреть на него. Тогда за ужином я думал, меня инфаркт хватит.

Заразительный смех Лоу поднял мне настроение.

– Ты так уверенно заливал всем про себя, что по твоему виду и не сказать было, что ты мог отдать концы.

– Знаю-знаю, мне нужно было поступать в театральный. – Скэриэл выразительно провёл ладонью по волосам, комично изображая диву.

Пару секунд мы смотрели друг на друга в нелепом молчании, а затем расхохотались.

Успокоившись, я оторвал травинку и принялся жевать кончик, как заправский фермер.

- Давно Джером у тебя живёт?
- Может, месяц, может, больше, – расплывчато ответил Лоу.
- А где он был в пятницу, когда я ночевал у тебя?
- С Эдвардом уезжал по делам.
- Его уволили?
- Он так сказал, когда вчера пришёл ко мне злой. Я не задавал вопросов, даже не знаю, где он точно работал.
- Значит, мой отец причастен к этому.
- Готи, возможно, твой отец не знал... – неуверенно начал Лоу.
- Ага, конечно, всё он знал, – ответил я возмущённо. – Он с падения императорской семьи входит в Совет старейшин.
- Так долго? Почти шестнадцать лет, – присвистнул Скэриэл.
- Да, наша фамилия даже есть в учебнике по истории. «Одним из первых членом Совета старейшин стал Уильям Хитклиф». На меня сразу весь класс пялится, как будто мы не проходили падение Октавианской империи. Ненавижу учебник истории в лицее, – честно признался я.
- Почему? Я думал, ты любишь историю. – Скэриэл непонимающе взглянул на меня.
- Историю да, а посыл, который несёт наш учебник, нет. Как будто императорская семья Бёрко была исчадием ада и заслужила расстрел, а святые старейшины возродили страну из пепла.
- Знаешь, что мне это напомнило?
- Романовых? – спросил я.
- Блин, да! Я даже не задумывался, что истории настолько похожи. Их тоже расстреляли, а им на смену пришла коммунистическая партия. В нашей стране это старейшины.
- Это называется исторический циклизм. Но это не очень популярная теория.
- Ладно. – Скэриэл потянулся, разминаясь. – Устрою тебе экскурсию по Запретным землям, но нужно это делать, когда ни твоего отца, ни брата не будет дома. Что там ещё за вторая просьба?
- Я замер, вспомнив о причине моего внезапного появления в доме Лоу.
- Чёрт! Я и забыл, мы же сегодня идём на «Жизель» Леона. Я хотел поторопить тебя, нам нужно за смокингом.
- Леон не против?

– Не, всё в порядке. Джером останется у тебя сегодня?

– Наверное. – Лоу пожал плечами.

Мы вошли в дом. Джером спал на диване.

– Я могу как-то помочь ему с поиском работы? – шёпотом спросил я, когда мы поднимались по лестнице. Скэриэлу нужно было переодеться, прежде чем поехать за смокингом.

– Не знаю, может, да. Я поговорю с ним. Пусть сначала проспится. – Он скрылся в своей комнате, и до меня донеслось: – Я быстро!

Я набрал Кевина, предупреждая о том, что через пару минут мы выйдем.

– Готово. – Скэриэл появился в дверном проёме в чёрной водолазке, брюках и кедах. – Так пойдёт?

– Да, вполне, всё равно мы сейчас будем подбирать новый костюм. Я серьёзно посмотрел на Лоу.

– Хочу кое-что сказать насчёт Леона. Это должно остаться между нами.

– Не томи. – Он оперся спиной о стену и с любопытством уставился на меня.

– Он не любит прикосновения, не знаю, с чем это связано, просто не прикасайся к нему и слишком близко не подходи, если он первым не приблизится. Я, кстати, иногда сам забываю об этом.

– Это типа нервное? – спросил Скэриэл.

– Не знаю, просто говорю как есть.

– Но разве в балете он не делает все эти поддержки? Там полно прикосновений.

– Я думал об этом, но лично не спрашивал. Может, он разделяет балет и остальную жизнь, – неуверенно предположил я. – Ещё у него бывают панические атаки.

– Да ему нужен хороший психиатр или психолог, кто там лечит такое?

– Не знаю, – выдохнул я. – Это всё, что я хотел сказать тебе.

– Какой он в лице? У него там бывают панические атаки? – шёпотом спросил Скэриэл, спускаясь по лестнице.

– Он там тихий как мышь. Я не видел панических атак в лице, но он держится молодцом. Причин для паники на учёбе у него хватает, – ответил я тихо, когда мы уже были в холле.

– Плохо учиться?

– Нет. Его достают все, кому не лень.

– Серьёзно? Я думал, что чистокровных не трогают, – проговорил Скэриэл. – Разве вы не дети самых богатых и влиятельных семей? У вас в принципе не бывает проблем.

Мы вышли и направились к припаркованной у дома машине. Скэриэл радостно помахал рукой Кевину, сидевшему за рулем, и тот ответил широкой улыбкой.

– Я многого не знаю о жизни в Запретных землях, а вот ты не знаешь, какие страсти кипят в жизнях чистокровных октавианцев. – Мы почти подошли к машине, когда я повернулся и сказал ему тихо, чтобы Кевин не услышал: – Да, мы не страдаем от голода и у нас есть деньги и возможности, только это не залог хорошей жизни.

– Это залог жизни в принципе, – съязвил Лоу, – легче страдать с набитым животом и в тёплой постели.

– Не спорю. Просто прошу тебя не судить всех чистокровных только потому, что тебе кажется, что мы прекрасно живём. Иногда у Леона появляется такой затравленный взгляд, что я начинаю думать, что он скрывает что-то кошмарное в своей жизни. Но он танцор балета, а они ведь артисты. Он хороший актёр.

– И кто же обижает Кагера? – спросил Скэриэл.

– Другие чистокровные.

XII

Я наотрез отказался заезжать в магазин, в котором так любила мучить меня Сильвия. Кевин довёз нас до маленького и уютного ателье у самой границы Центрального района; здесь работал его двоюродный брат. Портной по имени Томас, как две капли воды похожий на Кевина, только чуть старше, с пышной рыжей бородой и широкой тёплой улыбкой, встретил нас в дверях и с энтузиазмом закидал вопросами: «С какой целью приобретаете костюм?», «Это для премьеры “Жизель”?», «Какой предпочитаете цвет: чёрный или тёмно-синий?», «Какой формы лацкан?», «Пуговицы или запонки?», «Итальянский или английский стиль?» «Галстук или бабочка?», «Лакированная или кожаная обувь?»

– Эээ... – произнёс я, борясь с диким желанием спрятаться за широкой спиной Кевина. Скэриэл выглядел таким же сбитым с толку и поэтому мало чем мог мне помочь.

– Том, полегче, – рассмеялся Кевин, удобно устроившись на высоком стуле у входа. – Им всего лишь нужен костюм на вечер.

– На вечер?! – Том расстроено посмотрел сначала на брата, затем на нас. – Но костюм шьётся не менее четырёх недель. Три недели, если всё делать в спешке. Мне нужно снять мерки, создать лекала, раскроить ткань, а крою я вручную! Это вам не бездушный автомат. А ещё всё сшить... Не меньше трёх недель.

В конечном счёте мы потратили час на поиски подходящего смокинга для Скэриэла, и большую часть времени Томас мучил нас лекцией по истории создания костюма. Под конец его поучительных речей мы уже могли похвастаться тем, что понимали разницу между пикообразным и прямоугольным лацканом, были осведомлены о том, что белые смокинги лучше для летнего периода, а значит, сейчас уже неактуальны, и если руки растут из жопы, то бабочка-самовяз – этодохлый номер.

Когда мы с облегчением сели в машину, то, глядя на Скэриэла, любой мог решить, что он истинный ценитель моды. Мы купили чёрный смокинг в итальянском стиле с шалевыми лацканами, белоснежную рубашку с запонками, чёрную бабочку-самовяз (потому что у Кевина руки растут из нужного места, и он вызвался нам помочь), лакированную обувь без лишних элементов и белый шёлковый платок-

паше, показавшийся нам со Скэриэлом абсолютно бессмысленным клочком ткани.

– Моя голова забита всеми этими терминами, но я уверен, к завтрашнему утру не вспомню ничего из того, о чём рассказывал Том, – поделился со мной Скэриэл, и я с ним горячо согласился.

Последние пятнадцать минут в ателье мы спорили, кто будет платить за покупки. Я считал, что должен оплатить их сам, потому что пригласил Скэриэла на выступление Леона и в ответе за эти непредвиденные расходы. Смокинг со всеми вытекающими дополнениями обошёлся в кругленькую сумму, ателье, пусть и на границе Центрального района, всё равно оказалось местом дорогим, и я был против того, чтобы Скэриэл взваливал на себя такие траты. Тем более первоначально я думал, что мы закажем смокинг по его меркам, а это как минимум утраивало стоимость покупки. Кто ж знал, что заказывать одежду в ателье нужно заблаговременно. Всем этим обычно занималась Сильвия.

В свою очередь, Скэриэл парировал, что покупки для него, а следовательно, он должен оплатить их из своего кармана. По мнению Лоу, я и так много на него трачу – что, конечно же, являлось абсурдным утверждением, – и ему неудобно сидеть у меня на шее. От последней фразы я чуть было не оскорбился.

Так бы мы и спорили как два упёртых барана, ведь каждый считал своим долгом взять расходы на себя, но Кевину и Томасу, видимо, надоел наш детский спор; они взяли всё в свои руки. Кевин отвёл Скэриэла разговорами о Запретных землях, а Томас в это время подвёл меня к кассе, где я молниеносно воспользовался своей банковской карточкой. Конечно, Лоу негодовал, но быстро сменил гнев на милость.

– Спасибо, – тихо проговорил он, когда мы подъезжали к его дому. – Но тебе не нужно было этого делать.

– Это того стоило, – улыбнулся я. – Мы с Габриэлкой заедем через час. По дороге купим букет. – На этих словах мы попрощались.

Стоя в главном холле Малого театра, мы, как полагается, оставили верхнюю одежду в гардеробе. Оба в смокингах; мой сшит на заказ два месяца назад – всё благодаря предусмотрительной Сильвии; тёмно-синий итальянский смокинг с заострёнными лацканами, классическая шелковая сорочка с воротником-стойкой с уголками и шейный платок. Если бабочка-самовяз казалась жестокой насмешкой над нашими

кривыми руками, то для того, чтобы повязать шейный платок в красивый узел, нужно было по меньшей мере продать душу дьяволу.

В нашей семье шейные платки больше всех обожал Гедеон. Он с лёгкостью отличал аскот или пластрон от классического фуляра, как заклинатель змей виртуозно управлялся с этим аксессуаром и мог за долю секунды сотворить изысканный узел. Но, к счастью, Сильвия тоже владела этим талантом. Боюсь, попроси я помощи у Гедеона, он бы меня удавил.

Габриэлла в пышном белом платье вприпрыжку наматывала пятый круг вокруг нас. Иногда она замирала и вытягивала одну ногу назад, при этом вставая опорной на полупальцах. Я знал, что это называется арабеском, потому что Габриэлла последние два дня только и делала, что говорила о Жизель и пыталась станцевать её партии. Все мои познания в балете сводились к трём словам, которые я был ещё в силах выговорить: арабеск, аллегро и адажио. Хоть французский я изучал, но бросаться балетными терминами не решался.

У меня в руках был увесистый букет красных роз, который я планировал послать в гримёрку Леону.

– Что это? – спросил Скэриэл, держа в руках тонкий белый конверт, протянутый мной минуту назад. Он поднёс его к лицу и уловил цветочные нотки. – Ты его надушил? – Он удивлённо выгнул левую бровь.

– Это открытка Леону, – ответил я запоздало, пытаюсь удержать букет и проверить наши места на билетах. – В цветочном салоне намудрили. Я сказал, что букет нужен для балетной постановки, и забыл уточнить, что подарю не девушке.

– Можно прочесть? – хитро улыбнулся Лоу.

– Валяй. Там ничего такого, – пожал я плечами. – Надо будет букет с конвертом передать в гримёрку.

– Мы не будем дарить лично? – спросил Скэриэл, доставая открытку.

«Леон,
Мы с радостью насладимся твоим выступлением,
Готье, Габриэлла и Скэриэл

P.S. Не знал, какие цветы ты любишь, поэтому решил по классике выбрать розы»

– Я не хочу его тревожить перед выступлением. – Вспоминая панические атаки Леона в тот день, я не желал добавлять ему ещё больше стресса появлением с Лоу. – В зал цветы нельзя проносить. Наилучший вариант будет передать через капельдинера.

– А капельдинер это?.. – прищурившись, спросил Скэриэл.

– Работник в театре, билеты проверяет и за порядком следит.

– А меня точно пропустят? – остановилась и взволнованно проговорила Габриэлла. – Мне нет десяти лет.

– О чём это она? – спросил Скэриэл, с удивлением уставившись на меня.

– На вечерние спектакли не допускаются дети до десяти лет, – ответил я, взглянув на наручные часы. До начала оставалось ещё полчаса.

– Биби, но тебе ведь восемь! Идёшь против закона? Ай-яй-яй, – принялся дразнить её Лоу.

– Готьё! – Габриэлла театрально захныкала.

– У нас места в ложе, успокойтесь. Я думаю, Леон предупредил.

– Прямо как в «Анне Карениной»? – радостно спросил Лоу.

– Ага, – кивнул я и направился в сторону лестниц. – Только предупреждаю, это не прямо лучшие места. Пойдёмте.

– Буду представлять себя офицером русской кавалерии, – восторженно продолжил Скэриэл.

– Да хоть светской дамой, – усмехнулся я в ответ.

– А когда начнётся «Жизель»? – спросила Габриэлла, перепрыгивая через ступеньки.

– Биби, ты не знала? – Лоу изобразил такое глубокое удивление, что даже я обернулся. – Кевин сейчас заберёт тебя домой. Тебе же нет десяти лет.

Я выдохнул и продолжил свой путь наверх.

– Не-е-е-ет, – проныла Габриэлла за моей спиной.

– Габи, не слушай его, идём, – не оборачиваясь, проговорил я. – Тебя впустят. Скэр просто дурачится.

После того как Габриэлла победоносно уселась на своё место и показала Скэриэлу язык, я обратился к капельдинеру с просьбой передать букет Леону. Но не прошло и десяти минут, как к нам, чуть скрываясь, вошёл сам Кагер.

– Привет. – Он скромно улыбнулся мне, но при виде Лоу сделал шаг назад. – Рад, что вы пришли. Спасибо за цветы.

Он предстал перед нами в белом трико, рубашке с пышными рукавами и балетных туфлях, стилизованных под охотничьи сапоги из диснеевских мультфильмов. Светлые пряди были уложены назад, а лицо светилось белизной от пудры. Голубые глаза Кагер аккуратно подвёл плотным чёрным карандашом. Я готов был поклясться, что даже его губы сейчас были ярко-алого цвета. Он выглядел так, словно решил нарядиться вампиром на вечеринку по случаю Хел-лоуина.

– Это такой яркий макияж, просто на сцене всё равно плохо будет видно, – принялся оправдываться Леон из-за того, что мы долго и неловко рассматривали его.

Габи подбежала к Кагеру, обняла его и восторженно проговорила:

– Ты похож на принца!

– А ты будешь моей принцессой? – радостно спросил он, поднимая её на руки.

Мне хотелось растащить их по углам. Габриэлле было только восемь, но я уже предвидел, как буду похлеще разъярённого бульдога отгонять от неё всех кавалеров.

– Привет, Леон. – Лоу первым влез в их сказочную идиллию. – Отлично выглядишь. Значит, ты у нас граф Альберт?

– А? – Леон посмотрел на Скэриэла в замешательстве, как будто не ожидал, что полукровка умеет разговаривать. – Да, верно.

Он растерянно отпустил Габи. Было видно, что его поразила полукровка в смокинге.

– Я посмотрел постановку на «Ютьюбе» и теперь в предвкушении. – Лоу старался быть вежливым, даже руки убрал за спину.

– Надеюсь, не разочарую, – смущённо проговорил Кагер.

– Не принижай себя, – добавил я. – Ты прекрасно танцуешь.

– Спасибо, – улыбнулся мне Леон, – и за цветы ещё раз спасибо. Я люблю розы.

– Кто твой любимый танцор? – Кажется, Скэриэл настойчиво хотел пообщаться с Леоном. – Нижинский, Ле Риш, Нуреев, Барышников или Полунин?

Совру, если не скажу, что в ошеломлении уставился на Лоу. Я говорил Леону, что Скэриэл ничего не знает о балете, а он умудрился

завести разговоры о танцорах.

– Вацлав Нижинский, – тихо ответил Кагер и с недоумением посмотрел на меня, как бы спрашивая: «Это шутка такая?».

– Он прекрасный танцовщик, жаль, что с ним не сохранились видеозаписи, которые показали бы его невероятный талант в полной мере.

– Да, верно, – невпопад согласился Леон. – Дягилев запрещал съемки.

– Потому что считал, что балет – слишком сложный вид искусства, чтобы смотреть с экрана, – ответил Скэриэл с такой интонацией, что я почувствовал себя лишним на этом празднике жизни.

Внизу партер уже был полон. Я подумал о том, что Леону пора уходить, ведь скоро начало представления.

Еще чуть-чуть, и Леон найдёт в Скэриэле потерянную родственную душу, что, конечно же, будет самой большой бессмыслицей в мире. Да у ворона с письменным столом больше общего, чем у Скэриэла с Леоном!

– Кажется, тебе нужно идти, – сказал я, привлекая их внимание. Леон как будто очнулся ото сна и огляделся по сторонам. Габриэлла держала его за руку и пританцовывала, представляя себя Жизелью.

– Да, точно, – неловко добавил Кагер, осторожно выпутываясь из цепких рук. – Был рад с вами повидаться до начала. Пожалуйста, не ждите меня после окончания. Меня домой заберёт дядя.

– Мистер Кагер? – спросил я, разглядывая огромный зал. – Он здесь?

– Обещал скоро приехать. До встречи. – Леон помахал рукой и внезапно испарился, так же неожиданно, как и появился.

Нахмурившись, я посмотрел на Скэриэла.

– Что? – спросил он, кося под дурачка, как будто это я сейчас чуть не довёл Леона до экстаза парочкой фраз о балете.

– Ты не говорил, что разбираешься в балете.

– Ночью немного подготовился, – пожал он плечами.

Мы уселись на свои места. Музыканты в полном составе ждали дирижёра в оркестровой яме: с левой стороны – группа первых скрипок, справа – вторых. Виолончели и альты в середине ямы.

– Есть какие-нибудь негласные правила, которые я могу здесь не знать? – шёпотом спросил Лоу.

– Не хлопать до конца второго действия, – тихо ответил я, а про себя подумал, что уже не уверен в познаниях Скэриэла. Быть может, он больше моего разбирается в театральном этикете и только водит меня за нос.

Вскоре на сцене появился Леон в образе молодого графа Альберта. Он танцевал, притягивая восхищённые взгляды публики. Когда на сцене появилась хрупкая Жизель, Габриэлла восторженно выдохнула. Леон парил по сцене, заигрывая со своей партнёршей. Он лучезарно улыбался, отвлекал её от попыток уйти домой, и вскоре они слились в танце. К концу первого действия произошло непоправимое: Жизель умерла, не в силах вынести предательства графа Альберта.

Когда начался антракт, мы спустились в буфет за водой. Скэриэл убедился, что Габриэлла отошла на достаточно безопасное расстояние и, взяв меня под руку, отвёл в сторону.

– Это... Это было потрясно, – на эмоциях проговорил он. – Как у него это выходит? Он плюнул на законы физики. Гравитация в полёте.

– Леон учился с детства. – Я сделал пару глотков из бутылки с минеральной водой, – это всё годы тренировок.

– Он хороший актёр, – чуть тише добавил Скэриэл. – И это меня немного беспокоит.

– Ты о чём? – непонимающе спросил я.

– Панические атаки, боязнь прикосновений, то, что его травят в лицо, так ещё и Нижинский.

– А что не так с Нижинским? – Я не понимал, к чему клонит Скэриэл.

– Он сказал, что его любимый танцор Вацлав Нижинский. Если ты не знал, полукровка Нижинский всю жизнь страдал, находясь под давлением своего чистокровного любовника, Дягилева. Он не мог пойти против человека со связями и влиянием.

– Где тут связь? Я не понимаю, о чём ты? – недовольно спросил я, мельком взглянув на Габриэllu. Сестра рассматривала выставку фотографий в холле.

– Это только мои мысли, но присмотришься повнимательнее к Кагеру. Вдруг у него где-то есть свой Дягилев, который доводит его, – пошпионски прошептал Скэриэл.

– Доводит до чего?

– До шизофрении, – зловеще объявил он.

– Это как-то всё притянута за уши, Скэр. – Я скептически посмотрел на него. Пытался уловить ехидство в голосе или мимике, признаки попытки подшутить надо мной, но Лоу только тревожно смотрел в ответ.

Когда на занятиях разрешалось выбрать любую тему, Леон часто брал рефераты, эссе и проекты про искусство и балет. Из его выступлений я помнил, что у Нижинского была неустойчивая психика, ему поставили диагноз «шизофрения».

– У меня был знакомый, которого в семье мучили так, что он повесился, – безэмоционально произнёс Скэр.

– Боже, – выдохнул я. – Ты серьёзно?

Да, Скэриэл был сейчас сама серьёзность. Его нахмуренные брови и губы, сжатые в тонкую линию, говорили сами за себя. Мне абсолютно не нравилось, в какое русло свернула наша беседа. Я отказывался воспринимать слова Лоу. Да, у Леона целый ворох проблем, но он не жалуется.

Родители Кагера погибли во время падения Октавианской империи. Тогда в нашей стране начались смутные времена, никому нельзя было верить, и никто не знал, что сулит завтрашний день. Произошла трагедия – внезапно скончался император династии Бёрко. Страна впала в хаос в поисках следующего императора, ведь сын – Паскаль Бёрко – был несовершеннолетним, а трон передавался только по мужской линии. Низшие, внезапно почувствовавшие свободу, напали на императорскую семью и убили всех: императрицу и двух детей: старшую дочь, Паулину, и маленького сына, Паскаля. Ходили слухи, что выжил ещё один сын, совсем младенец, только родившийся у императрицы, её беременность держали в тайне, но слухи так и остались слухами, которые поддерживали последователи Бёрко.

Главные чистокровные семьи, приближённые императора, объединились и создали Совет старейшин ради поддержания мира в стране. После этого кровавого периода, когда чистокровные семьи погибали от рук низших и примкнувших к ним полукровок, прошло шестнадцать спокойных лет.

Прозвенел звонок, предупреждающий о скором начале второго действия.

– Мы можем встретить мистера Кагера. Это его родной дядя. Он начальник полиции в Центральном районе Ромуса, – прошептал я Скэриэлу, спустившись на пару ступенек, и подошёл к Габриэлле. – Габи, идём. Скоро начало. – Я протянул ей руку, но сестра не отреагировала.

– Смотри, – она указала на фотографию. – Это Леон.

Я пригляделся; Леон в образе комичной перчаточной куклы стоял на носочках, высоко подняв руки в нелепых чёрных рукавицах. Чёрно-белое фото выглядело устрашающим. Леон олицетворял собой жалкую и слабую куклу, чувства которой безжалостно растоптали. Надпись гласила: «Леон Кагер, шестнадцать лет. Балет “Петрушка” Вацлава Нижинского. Композитор: И. Ф. Стравинский».

Я взял Габи за руку, и мы вернулись на свои места. Теперь мне всё труднее было сосредоточиться на постановке «Жизель», когда я видел Леона на сцене. Он страдал, оплакивая смерть своей любимой, метался по сцене, самозабвенно упрашивал вилис пощадить его, но был уже обречён.

Речи Скэриэла заронили зерно сомнения. Сначала я холодно воспринял то, чем он поделился со мной во время антракта, но теперь, обдумывая ситуацию и взглянув на Кагера с другой стороны, пришёл к страшному выводу: быть может, Скэриэл прав. Может, что-то печальное происходит с Леоном, поэтому ему так удаются драматические персонажи. Он, как Винсент Ван Гог, мастерски переносил свою боль в искусство.

Неужели я был так слеп? Только взглянув на Леона, Скэриэл уже дал понять, что самое время присмотреться к нему, в то время как я, учась с ним бок о бок четыре года, не видел ничего дальше своего носа.

– Ты в порядке? – шёпотом спросил Скэриэл, наблюдая за моими внутренними терзаниями.

– Да.

Не мог же я сейчас сознаться в том, что был ужасным другом.

– Хочешь выйти? – не унимался Лоу. – Прогуляемся в холле.

Я кивнул; повернувшись, шепнул Габриэлле, что нам нужно выйти в уборную – коллективный поход в туалет ещё никогда не был таким мучительным для меня, – и попросил её не уходить без нас. Но увлечённая балетом Габи даже не расслышала мои слова.

В холле было прохладно, пусто и тихо. Я уверенными шагами прошёл вдоль коридора в сторону больших окон. Скэриэл в полном молчании последовал за мной. У окна я остановился, осмотрелся и юркнул за плотные шторы.

– Что ты делаешь? – Скэриэл отодвинул тёмную ткань и вопросительно посмотрел на меня.

– Хочу от всех скрыться.

– Мы можем просто уйти.

– Хм... прости, – выдохнул я после недолгой паузы. – Не знаю, что на меня нашло. Иди досмотри постановку, я здесь немного посижу и вернусь.

– Шутишь? – обиженно бросил Лоу и юркнул за штору следом. – Если совершать глупые поступки, то вместе.

Мы помолчали. Скэриэл смотрел в окно, разглядывая вечерний город. А я уставился на свои ботинки.

– Возможно, ты прав насчёт Леона, – спустя время тихо проговорил я.

– С чего ты взял? У меня богатая фантазия, не стоит верить моим словам, – весёлым тоном ответил Скэриэл, желая скорее разрядить гнетущую атмосферу.

– Я уже не знаю, чему верить. – Я устало присел на широкий подоконник.

– Послушай, Готи. – Скэриэл повернулся ко мне; волосы, уложенные назад, обнажали лицо с ярко выраженными скулами. Чёрный смокинг выгодно подчёркивал широкие плечи, тонкую талию и длинные ноги. Он наклонился и проговорил, обдав меня своим дыханием: – Ты не должен ни в чём себя винить.

– Я не... – хотел было оправдаться, но Лоу меня перебил:

– Последние полчаса ты только и делал, что испуганно смотрел на Леона, словно он обвинил тебя во всех смертных грехах. Хватит, Готи. Если твоему другу правда нужна помощь, давай ему поможем.

– А если ничего такого с Леоном не происходит и мы просто накрутили себя? – Мой голос дрогнул.

– Тогда это будет наилучшим исходом для всех нас. – Скэриэл улыбнулся и присел рядом. – Я бы хотел, чтобы всё плохое, что я замечаю, оставалось только плодом моего больного воображения.

XIII

– Что, если они догадаются? – шёпотом спросил я у Эдварда, сидящего за рулём.

Каждый раз пересечение границы Центрального района вводило меня в такой ужас, что сердце готово было выпрыгнуть из груди. Мы стояли в небольшой пробке на узкой дороге. Впереди маячили чистокровные в чёрных кителях – пограничники контрольно-пропускного поста. Чистокровные в униформе болотного цвета стояли с собаками для проверки машин на наличие запрещённого груза.

– Если будешь так трястись, то даже слепой заподозрит, – спокойно ответил Эдвард.

Мы проехали ещё пару метров и встали. Впереди пограничник жестом потребовал водителя выйти из машины. Я с ужасом ждал проверки на наличие тёмной материи.

– Что, если в этот раз не получится? – не унимался я. – Что мне делать?

– Мы тренировались несколько месяцев. Просто следуй плану.

Полукровка-водитель предъявил свои документы, пограничник мельком взглянул на них, грубо вернул и в резкой форме потребовал продемонстрировать сгусток тёмной материи. Полукровка приподнял руку ладонью вверх. Ни тёмного огонька, ни искринки, абсолютное беспросветное ничего. Пошли решающие секунды. Бдительный чистокровный протянул руку к пистолету в кобуре на поясе. В этот момент полукровка запаниковал, сжал руку в кулак и снова раскрыл. Ничего.

Пограничник торопливо направил на него пистолет. Все вокруг насторожились. Собаки оживились, с любопытством следя за происходящим. Полукровка в панике принялся размахивать руками. До нас донеслись его крики. Я оглянулся и увидел, как люди в автомобиле за нами растерянно начали переглядываться.

– Я не низший! Клянусь вам!

Двое чистокровных в военной форме заломили ему руки. Арестованный громко кричал и вырывался. Пограничник резким ударом рукояти пистолета вырубил его. Чистокровные дотащили безвольное тело до ближайшего здания и пропали из виду. Другой

пограничник молниеносно сел в машину и отъехал в сторону, пропуская следующих к проверке.

– Приготовься, – тихо проговорил Эдвард, подъезжая.

– Добрый день, – мимоходом бросил тот самый пограничник. – Статус, имя, фамилия, цель выезда?

– Добрый день, уважаемый, – спокойно ответил Эдвард. – Полукровка, Эдвард Лоу, едем отдохнуть.

– По какой причине находились в Центральном районе?

– Живём здесь.

– Оба выйдите из машины с документами.

Эдвард повернулся ко мне, прошептал: «Не нервничай» – и вышел. У меня руки тряслись, когда я пытался открыть дверь. Ко мне направился ещё один пограничник, моложе коллеги.

– Предъявите документы. Статус, имя, фамилия, цель выезда?

Я неуверенно протянул документы. Пограничник через пару секунд вернул паспорт и раздражённо повторил: «Статус, имя, фамилия, цель выезда?»

– Полу... Полукровка. Джером Батлер, едем на отдых.

Я посмотрел на Эдварда. Тот держался непринуждённо, показывая тёмную материю; на его ладони появился небольшой сгусток.

– Продемонстрируйте тёмную материю, – рявкнул мне в ухо чистокровный в униформе.

Эдварда отпустили, он повернулся в мою сторону и улыбнулся. Я протянул дрожащую ладонь и сконцентрировался, как будто от этого действительно зависело появление материи. Прошло секунд десять. Чистокровный потянулся к кобуре. По моему виску скатилась капля пота.

Маленькая искра тёмной материи появилась на ладони.

– Проезжайте, – бросил чистокровный, отходя.

Мы торопливо сели в машину. Я смог облегчённо выдохнуть, только когда контрольно-пропускной пост остался далеко позади.

– Скэриэл – чёртов гений, – взволнованно проговорил я, уставившись на свои руки. Я с самого начала не верил, что этот трюк сработает.

– Что есть, то есть, – довольно ответил Эдвард.

Мы днями и ночами тренировались в Запретных землях. Скэриэл утверждал, что это может получиться, если долго концентрироваться.

Эдвард должен был научиться извлекать тёмную материю, тот маленький чёрный сгусток, не из своих рук, а на расстоянии.

– Это нереально, – выдохнул как-то Эдвард в сотый раз.

– Продолжай, – требовал Скэриэл. – Представь, как твоя материя появляется из рук Джерома, напряги мозг, вообрази это, собери всю энергию.

– Да не выйдет, – буркнул я.

– Замолчите оба и старайтесь! Это сработает.

Не знаю, как это вышло, но Скэриэл оказался прав. Эдвард стоял в противоположном углу и смотрел на мою вытянутую руку. Сначала появилась тёмная искра, согревшая мне руку. Я так испугался, что чуть не вскрикнул.

– Ещё раз! – воодушевлённо воскликнул Скэриэл, наблюдавший за нашими тренировками.

Вскоре Эдвард смог извлечь тёмный сгусток из моей ладони. Это работало, только если он внимательно смотрел на меня.

Я оглянулся. Мы покидали территорию ненавистного мне Центрального района Ромуса.

Добрались к новому дому мы только в обед. Сегодня Эдварду предстояло принять около десяти человек и провести собеседование, чтобы выбрать пять подходящих. Изначально эту работу доверили мне, но Эдвард изъявил желание помочь, а я был только рад избавиться от необходимости общаться с другими полукровками. Мне ещё нужно было убраться на верхнем этаже и купить краску для стен.

Старый дом состоял из восьми комнат и кухни на первом этаже и девяти комнат на втором. В центре огромного двора находился маленький засохший пруд, весь поросший камышом. Из окна верхнего этажа он больше походил на высохшее болото. По брошенным тут и там мятым документам и порванным плакатам можно было сделать вывод, что лет шестнадцать назад, во времена императора Бёрко, здесь располагался Дом культуры.

К вечеру, когда всех людей приняли и я успел закупиться краской – как оказалось, выбрав не тот оттенок, – к дому подъехало такси.

– Супер, – радостно проговорил Скэриэл, обходя комнаты. – Здесь будут кинозалы! А тут библиотека. В этой комнате сделаем учебный

класс. Она самая большая, поместится много людей. – Он повернулся к Эдварду, шедшему за ним по пятам. – Ты отобрал работников?

– Да, вот самые подходящие. – Он указал на папки, которые держал в руках.

– Хорошо, я посмотрю позже. – Скэриэл остановился и взглянул на меня. – Эдвард, будь добр, оставь нас. Мне нужно поговорить с Джеромом.

Скэриэл указал мне на старую потрёпанную кушетку. Я послушно опустился на неё, он сел рядом и повернулся в мою сторону, так что наши колени почти соприкасались. Я был уверен, что он сделал это намеренно.

– Джером, грядут большие перемены. Ты уже понял, что у меня есть план, но я держал детали в тайне. Сегодня я расскажу тебе, отвечу на все вопросы, но... – Он внимательно посмотрел на меня, словно пытался увидеть сомнение на моём лице. – Но мне надо быть уверенным, что ты на моей стороне. Я доверяю тебе. Ты мне как брат. – Он потянулся и осторожно накрыл тёплой ладонью мою холодную руку; мне захотелось одновременно отдёрнуть руку и крепче ухватиться за него. – Вопрос только в том, доверишь ли ты мне?

– Да, дове... – нерешительно начал я и запнулся. – Доверяю...

– Я счастлив. – Его лицо озарила самая тёплая улыбка, которую мне только доводилось видеть. – Джером, я хочу защитить тебя. Защитить остальных низших и полукровок. Но я не справлюсь без тебя, – горько покачал головой он. – Мы с тобой стали почти семьёй. Мы прошли через один интернат, оба жили на улице, мы держимся вместе, и поэтому нам ничего не страшно.

Я улыбнулся в ответ. От его слов в груди потеплело. Мне давно не приходилось слышать, что я кому-то нужен, и это было приятно. Поколебавшись, я крепче сжал его ладонь в своих руках. Он придвинулся ближе.

– Я верю в тебя, Джером. Веришь ли и ты в меня?

– Да, верю, Скэриэл, – поспешно ответил я.

– Я так боюсь, что меня предадут, – грустно сказал он. – Ты знаешь, моя мама бросила меня. Меня предали с самого рождения. Я никому не доверяю, кроме тебя. Ты единственный, кто знает про моё детство.

– Я не предаю, клянусь, – горячо добавил я. По коже пробежали мурашки. Я был слишком тронут словами Скэриэла.

– Брат. – Он улыбнулся и обнял меня, затем прошептал на ухо: – Единственный брат в моей жизни. Пойдёшь ли ты за мной?

– Да, – прошептал я в ответ и крепче сжал Скэриэла в объятиях. Меня не обнимали с самого детства. Как же я тосковал по прикосновениям! Казалось, в этот момент я мог даже отправиться под суд и взять вину на себя, если бы он попросил.

– До конца?

– Да.

– Дашь ли ты клятву на крови, что не предашь меня? – проникновенно прошептал он, не выпуская из объятий.

Клятва на крови! Я испуганно вынырнул из кольца его рук.

– Разве это не запрещённый ритуал? Тебя приговорят к смерти, если узнают.

Родители рассказывали, что эта клятва олицетворяет слияние двух любящих душ, но действие ритуала со временем усиливается, что приводит к смерти возлюбленных. Около трёхсот лет назад этот ритуал был запрещён во всём мире из-за того, что многие использовали его во вред.

Клятва на материи для чистокровных и полукровок означала, что человек должен слиться тёмной материей с тем, кому даёт обещание. Клятва на крови предназначалась для низших, не владеющих тёмной материей. Человек, не сдержавший обещание, со временем сходил с ума от одолевающих его негативных мыслей. Но спастись можно было, если другой искренне простит предательство. Сложность клятвы заключалась в том, что оба должны добровольно дать её.

– Да, я знаю, но я готов пойти на этот риск. Я готов на всё, лишь бы не быть преданным.

– Но я никогда не предаю тебя!

– Так докажи, Джером... – Он вынул из кармана перочинный нож, и острый клинок показался из рукояти. – Если веришь в меня. До конца.

Скэриэл медленно разрезал свою левую ладонь и протянул мне нож окровавленным клинком к себе. В испачканном лезвии отражалось моё испуганное лицо. Из неглубокого пореза стекала кровь, крупными каплями падая на пол. Металлический запах ударил мне в нос.

Я взял нож и застыл в нерешительности. Другой рукой Скэриэл взял меня за левую ладонь и раскрыл её, направляя.

– Я могу тебе доверять, брат? – почти шёпотом проговорил он.

– Да, – ответил я, быстрым движением оставляя порез на ладони. У меня больше никого нет, кроме Скэриэла. Глубоко в душе я не хотел его разочаровывать.

– Джером Батлер, ты даёшь клятву, что не предашь меня? – спросил он твёрдым голосом.

– Да.

– Повтори мои слова.

– Я, Джером Батлер, даю клятву, что не предаю тебя.

– Ты не сдашь меня ни полиции, ни властям – никому, пока я сам не разрешу тебе.

– Я не сдам тебя ни полиции, ни властям – никому, пока ты не разрешишь мне.

– Я, Скэриэл Лоу, даю клятву, что не оставлю тебя, буду всегда рядом.

Скэриэл приподнял окровавленную ладонь так, чтобы кровь стекала на мой порез, затем опустил руку и крепко сжал мою ладонь. Наша кровь перемешалась. Порез болезненно пульсировал, и я почувствовал, что левая рука словно нагрелась.

– Я, Скэриэл Лоу, добровольно даю клятву на крови.

– Я, Джером Батлер, добровольно даю клятву на крови.

Мы медленно разъединили перепачканные ладони. Между ними образовались кровавые нити, которые мигом исчезли, просачиваясь в нас.

– Всё, – довольно проговорил Скэриэл. – Я позову Эдварда, пусть достанет нам полотенца или салфетки.

Он поднялся и лёгким шагом вышел из комнаты, словно мы не клятву друг другу дали, а сыграли в крестики-нолики.

Порез быстро заживал, пока я медленно обдумывал случившееся. Почему-то я почувствовал себя обманутым.

Клятва на крови, подумать только! Как я вообще согласился? Если я предаю Скэриэла, то сойду с ума. Я добровольно подписал себе смертный приговор. Теперь мы связаны с ним одной кровью. Сдай я его, он сразу же узнает об этом, просто почувствовав моё предательство. Я нервно жевал губу, когда в комнату вернулся Скэриэл.

– Не думай над этим слишком много, – весело проговорил он, протягивая мне салфетки. – Эдвард тоже дал клятву. Теперь мы втроём повязаны.

– Когда? – удивлённо спросил я, вытирая руку.

– До твоего появления. Он мне был должен. – Скэриэл подмигнул и вальяжно уселся на кушетку. – Но Эдвард верит в мой план, поэтому согласился на клятву.

– Ты обещал рассказать свой план и ответить на все вопросы, – обиженно добавил я. То, что Эдвард тоже дал клятву, никак меня не успокоило. Наоборот, я почувствовал себя ещё более обманутым, ведь считал, что Скэриэл принёс клятву только мне. В итоге я оказался вторым.

– Да запросто. Мой план заключается в том, что я взойду на престол.

– Что? – Я изумлённо уставился на него.

– Звучит нереально, но всё получится. Вспомни наш трюк с тёмной материей. Вы с Эдвардом тоже сначала не верили.

– Допустим... – с сомнением кивнул я. – Но как ты это сделаешь?

– Сначала я поступлю в Академию Святых и Великих...

Я скорчил недовольную гримасу. Господи, что он несёт...

– Ха-ха. – Скэриэл рассмеялся мне в лицо. – Вижу, ты считаешь, что я рехнулся, но обещаю тебе, что поступлю в следующем году вместе с Готье.

– Готье, – гневно прошипел я в ответ. – Опять он?

– Не ревнуй, – продолжал хохотать он.

Я встал и направился к двери.

– Стой, – бросил он. – Вернись. Я расскажу всё. – Скэриэл дождался, пока я вновь сяду, и продолжил: – Готье Хитклиф нужен мне для поступления и для дальнейшего плана. Он – одно из ключевых лиц.

– Что именно он должен сделать?

– Просто дружить со мной и поддерживать. – Скэриэл поднялся и продолжил уже серьёзным тоном: – Знаешь, почему полукровкам и низшим не дают равных с чистокровными знаний? Почему нам запрещено учиться в академиях, университетах, почему наш предел – это школа?

Я помотал головой, и Скэриэл наклонился так, чтобы наши лица оказались на одном уровне.

– Потому что образованный полукровка или низший, знающий свои права, – враг для чистокровного.

Он положил руки мне на плечи и сжал их.

– Все уверены, что поступить в Академию Святых и Великих могут только чистокровные, но я знаю правила, которые не оглашают. Полукровка имеет возможность поступить, если сдаст вступительный экзамен на уровень тёмной материи, если заплатит за обучение и если трое чистокровных, не связанных с ним родственными узами, напишут рекомендательное письмо. Готье Хитклиф, Леон Кагер и кто-нибудь из близнецов Брум подойдут для этой роли.

Я не знал, что добавить. Трое чистокровных, тёмная материя. Как он всего этого добьётся?

– Ты на достаточном для поступления уровне владеешь тёмной материей? Не думаешь ли ты, что наш трюк с Эдвардом поможет тебе? – проговорил я, когда собрался с мыслями.

– Владею, Джером, – медленно кивнул он. – Я сдам экзамен, заплачу за обучение и получу рекомендации.

– А что потом?

– Академия готовит будущих политиков. Я выучусь на факультете политологии, освою тёмную материю на высоком уровне, заручусь поддержкой других чистокровных, с которыми буду учиться, и совершу революцию в стране.

Я хотел что-то добавить, но Скэриэл перебил:

– Я хочу основать студенческое братство, тайный союз в стенах Академии. Такие союзы есть в известных университетах типа Кэмбриджа или Оксфорда. Толкин, учась в школе, основал ЧКБО^[2], это был полусекретный кружок.

– Зачем тебе это?

– Тайные организации помогают сплотиться и выстроить прочные отношения. Когда я устрою революцию, мне нужна будет поддержка всех слоёв населения. Полукровки и низшие берут численностью. В этом здании мы устроим тайную организацию для них. Но мне нужны чистокровные, у них власть и знания.

– Как ты всё это провернёшь? – Я перешёл на шёпот.

– Оглянись вокруг. – Он выпрямился и раскинул руки. – Учиться в Академии пять лет. За эти пять лет ты поможешь мне заручиться поддержкой в Запретных землях. Ты мои глаза и уши, Джером.

– Если чистокровные узнают...

– Тогда я бы предпочёл гильотину, – усмехнулся Скэриэл. – Как казнили революционера Робеспьера.

– Мы сгниём заживо в тюрьме, или нас расстреляют, – выдохнул я в ответ.

Скэриэл молниеносно нагнулся и с силой вцепился в мои плечи.

– Ты дал клятву, Джером. Ты не предашь меня, слышишь? – тихо, но твёрдо проговорил он. – Ты хочешь умереть на улице, как тысячи других низших? Или ты хочешь жить как чистокровный? Тебе нравится проходить эти унижительные проверки на границе? Чистокровное отродье решает за нас, как нам жить, кем работать. Они отняли у нас право выбора, они изгоняют нас из хороших районов в Запретные земли. Они пугают нами своих детей. Ты хочешь жить и умереть как проклятый низший? Или жить ради революции и, если потребуется, погибнуть героем на глазах у чистокровных? Они должны знать, что есть низшие и полукровки, которые могут дать им отпор. Ты со мной, Джером. Я устрою революцию, а когда мы уничтожим старейшин, то будем править новой империей.

– Ты и я? – повторил я шёпотом. Моё лицо пылало. Скэриэл так близко, он возбуждён своими словами, он верил в них, и я тоже хотел верить.

– Да, Джером. – Он взглядом прошёлся по моим приоткрытым губам. – Ты и я.

Я потянулся к нему и поцеловал. Мне показалось, что этим поцелуем я окончательно подписал себе смертный приговор. Для меня клятва на крови не имела такого значения, как то, что Скэриэл ответил на поцелуй.

Сегодня я решил, что пойду за ним до конца. Через пять лет Скэриэл Лоу, возможно, взойдёт на престол и изменит всё. Но так же возможно, что его расстреляют чистокровные, если поймают... Я буду с ним сейчас, и я буду с ним через пять, десять или двадцать лет, если судьба позволит мне избежать смерти.

Мне хотелось верить, что он целует, испытывая что-то ко мне. Что-то большее, чем те чувства, которые он испытывает к Хитклифу. Да, я ревновал его всё это время, но теперь честно признавался прежде всего себе.

Даже если Скэриэл использовал меня, я был согласен и на это. Я хотел ему верить. Скэриэл обладал природным магнетизмом. Он был опасен, и всё же я не мог покинуть его.

XIV

Прошло чуть больше недели с нашего похода на «Жизель». Я каждый день видел Леона в лицее, но дальше привычных разговоров об уроках и обменов шутками не заходило. Не мог же я в лоб сказать: «Знаешь, Леон, мы со Скэриэлом, конечно, не любители покопаться в чужом грязном белье, но ты, случайно, не скрываешь что-то трагичное? Если да, то ты это, звякни нам – поможем».

Я мысленно давал себе затрепину каждый раз, когда болтал с Кагером и в голове всплывали подобные сцены. Кроме того, что Скэриэл открыл мне глаза на происходящее, больше ничего не поменялось за это время. Клив всё так же донимал Леона, а тот продолжал игнорировать приставания. Три дня назад Кагер пришёл в школу с забинтованной рукой, но отшутился, что грации у него не больше, чем у слона в посудной лавке, вот и ударился на репетиции. Я неохотно проглотил эту нелепую ложь. Теперь я начал замечать, что Леон слишком часто получал синяки, приходил невыспавшимся, измученным и ослабленным.

В дверь постучались, и раздался тихий голос Лоры.

– Господин Готье, мистер Кагер прибыл.

– Спасибо, сейчас спущусь.

Я ещё раз оглядел комнату, удостоверился, что нигде нет вещей, способных смутить меня, например, разбросанных несвежих носков под кроватью или нижнего белья, торчащего из приоткрытого шкафа. Сегодня был день икс, ради которого человечество существовало около трёх миллионов лет. День, когда Оливия Брум сделает маленький шагок в мою комнату, но большой шаг в моё сердце. В общем, сегодня Оливия, Оливер и Леон приедут ко мне обсуждать проект по Французской революции.

Сказать, что я волновался, – значит не сказать ничего. Я боялся, что мои ватные ноги предадут меня, я могу запнуться о ковёр и буквально пасть к ногам Оливии. Боялся, что не смогу нормально соображать при ней и буду выглядеть как последний олух, который двух слов связать не может.

В гостиной Леон неловко переминался с ноги на ногу у камина, не зная, куда деть руки – то ли запихнуть их в карманы лёгкого пиджака,

то ли взять оставленную на столике книгу, чтобы хоть чем-то скрасить ожидание.

– Привет, – негромко проговорил я. – Не хочешь сока или чая?

– Привет, – с улыбкой ответил Леон. – Нет, спасибо.

– Сейчас приедут близнецы. – И я присоединился к нему в неловкой позе, мало чем отличающейся от его собственной. Стояли мы как два истукана, ещё не хватало начать обсуждать погоду или последний футбольный матч в этом сезоне. Нам было привычнее общаться в стенах лица.

– У тебя появилась канарейка? – Леон успешно нашёл тему для разговора, и я выдохнул.

Он указал на массивную клетку, стоящую у дальней стены. Обычно птица жила в моей комнате, но сегодня было решено, что канарейка временно переедет в гостиную, чтобы не отвлекать нас от проекта.

– Ага, отец подарил. Его зовут Килли.

– Красивая, – ответил Леон, подойдя ближе и рассматривая птицу.

Раздался звонок, от которого мы вздрогнули, словно никого не ждали. Лора торопливо прошла мимо нас, направляясь в холл. Я набрал в лёгкие побольше воздуха, как перед прыжком в воду.

– Не нервничай, – тихо поддержал Леон.

Через долгие минуты, показавшиеся мне вечностью, в гостиной появились близнецы Брум. Оливер шёл первым, радостно улыбаясь нам. На нём тоже был пиджак, но нараспашку, в отличие от Леона. Волосы выбились из укладки. Оливер выглядел так, словно его только что известили о том, что он должен быть у меня дома.

– Привет! Простите за опоздание, – проговорил Оливер, заправляя прядь светлых волос за ухо.

– Ничего, – ответил я, но замолчал, увидев Оливию.

Она была в зелёном платье до колен, распущенные волосы украшали аккуратно вплетенные зеленые ленты.

«Лесная нимфа», – пронеслось в голове.

– Всем добрый день, – кивнула Оливия.

Леон незаметно толкнул меня в бок.

– Добрый, – кивнул я в ответ, затем откашлялся и предложил: – Чай, кофе, может, сок?

Лора стояла поодаль в ожидании указаний.

– Нет, спасибо, – ответил Оливер.

– Если можно, стакан воды. – Оливия повернулась к Лоре, отчего та смутилась и уставилась в пол.

Мы поднялись наверх в полной тишине. Из меня вышел ужасный хозяин дома, я не знал, как развлечь гостей и о чём с ними говорить. Чувствовал себя полным профаном. Обычно в таких делах всем заправляла мама. Она умело развлекала гостей, могла разговорить любого, искренне улыбалась и живо отвечала даже на самые скучные вопросы, словно весь вечер только и ждала их. Гедеон тоже держался свободно и, если ему нравился собеседник, то вёл он себя по-хозяйски дружелюбно.

Я ничего не знал о личной жизни Гедеона. Была ли у него когда-нибудь девушка? Нравился ли ему кто-нибудь? Брат не реагировал на флирт представительниц прекрасного пола, словно тех и вовсе не существовало. Всё, что я понял, наблюдая за ним на многочисленных банкетах, это то, что Гедеону больше нравится общаться с друзьями отца, с теми, чьё мнение он уважает. Он с уважением относился ко всем, но мог уйти от разговора и первым покинуть собеседника, если чувствовал, что тот переходит черту. Я часто видел, как он жёстко отвечал одноклассникам, если те начинали обсуждать Совет старейшин или политику. У Гедеона были чётко сформированные политические взгляды, и он всегда яростно их отстаивал.

Иногда к нему подходил Бернард Дон с недовольной миной, держа в руках стакан с соком. Чаще всего они обсуждали Академию. Но беседа быстро прерывалась появлением Оскара.

Как я уже говорил, мне не известно, что такого совершил Оскар, что вынудило брата вычеркнуть его из списка друзей, но можно только восхищаться тем, с каким рвением и упорством Вотермил все эти годы пытался заговорить с Гедеоном. Правда, пока безуспешно.

На званых ужинах я всегда прятался за чужими спинами и неумело поддерживал разговоры, отвечая так, будто меня впервые вывели в свет.

– Чувствуйте себя как дома, – проговорил я, пропуская одноклассников в комнату.

– Тут мило, – отозвался Леон, с интересом рассматривая книжные полки. – Смотрю, ты больше по русской классике.

– По классике в принципе, – пожал плечами я.

– Могу я присесть? – спросила Оливия, указывая на мой стул у письменного стола.

– Конечно, присаживайтесь, где вам удобно.

В дополнение к привычной обстановке в виде шкафов, кровати, телевизора – который я использовал только для игр на PlayStation – и письменного стола у окна я позаимствовал из соседних комнат ещё три стула с расписными спинками и круглый стол.

Первые пять минут мы потратили на неловкое блуждание по моей комнате: рассматривали книжные полки, причём Леон оценил книги по искусству, Оливия – английскую классику, а Оливер присвистнул при виде Толкина.

В дверь постучали, и вошла Лора с подносом, на котором стоял высокий стакан воды и лежали салфетки. Она подошла к столу, осторожно обходя Оливера, но тот, к моему удивлению, скорчил недовольную гримасу и отошёл на пять шагов в сторону, словно само присутствие Лоры в комнате оскорбляло его. Я оглянулся и заметил, что Леон выглядит не менее растерянным, чем я. Оливия потянулась за стаканом и вежливо поблагодарила Лору.

Когда мы уселись, каждый взял себе по листу бумаги и ручке, и мы устроили мозговой штурм.

– Как насчёт того, чтобы рассказать о Людовике XVI? – спросил Леон без малейшего интереса.

– Он скучный, – ответил Оливер.

– Почему? – Леон принялся рисовать цветы на листе.

– Ну, как тебе сказать. Мне не нравится Людовик XVI, он трус, который сначала не мог усмирить своих приближённых, а когда запахло жареным, попытался сбежать от народа.

– То, что он тебе не нравится как личность, не значит, что он скучный, – вставил я. Леон улыбнулся мне в знак благодарности.

– Я рассчитывал, что мы возьмём кого-нибудь поинтереснее: Марата или Робеспьера.

– Как тебе Мария-Антуанетта? – ехидно спросила Оливия у брата.

– Пожалуйста, никаких королев, Ви.

Я бросил быстрый взгляд на близнецов и уткнулся в свой лист бумаги. Впервые услышал, чтобы Оливер так называл сестру. Наверное, это семейное прозвище, так же как, например, я называл Габриэllu «Габи», а Скэриэл звал её «Биби».

– Может, проект сделать о Дантоне? – нерешительно предложил я.

– Дантон? – Оливер задумчиво уставился на меня. – «Разве можно унести Родину на подошвах своих башмаков?» Давайте про Дантона, он интересный.

– Дантон так Дантон. Мне не принципиально, – откликнулся Леон. – Я не очень люблю политику.

– Я не против, – согласилась Оливия. – Всё равно они все закончили одинаково – на эшафоте.

– Если умирать, то с достоинством. – Оливер повернулся к сестре и улыбнулся. – Дантон показал хороший пример.

– Но было бы лучше не умирать и продолжить революцию. Его все предупреждали о кознях, которые строили за его спиной. Что на это говорил Тибодо? «Он позволил себя арестовать, как ребёнка, и зарезать, как барана», – торопливо ответила Оливия.

– Одни живут ярко и умирают рано, другие долго живут серой массой, а в историю входят те, кто больше всего успел за жизнь. Я думаю, лучше оставить след в истории, чем всю жизнь прожить в тени других. Дантон был известной личностью, он вёл революцию, его любили, уважали и боялись. Смерть – это только смерть. Вспомни Ахиллеса. Одиссей ему сказал, что есть выбор: доживать свои дни в углу, а после смерти люди спросят: «А кто это умер?» – или увековечить своё имя в истории. Выбор очевиден.

– Честолюбие, не более, – отозвалась она.

– Каждый герой в душе честолюбивый мальчишка, – довольно проговорил Оливер, – да и не только герой. Так что я бы предпочёл добиться чего-то и умереть молодым, чем всю жизнь прозябать на задних рядах.

И мы принялись обсуждать честолюбивых героев, исторических личностей, говорить обо всём и ни о чём. Я вспомнил Александра Македонского, чьё честолюбие и гордость заставили его превзойти сначала отца, а затем и Геракла. Оливер напомнил про комплексы Гитлера, несостоявшегося художника, но тщеславного диктатора. Леон поделился историей про Нуриева, который после побега из СССР выступал по всей Европе.

– Давайте вернёмся к проекту, – спустя час предложил Леон. – О!

Кагер удивлённо посмотрел в сторону открытого окна, и я мысленно уже представил, что могло его удивить, точнее, кто.

Довольный Скэриэл наблюдал за нами.

– Мисс, позвольте войти? – вежливо спросил он у Оливии, сидевшей ближе к окну. Она издала испуганный писк и отскочила к брату.

Лоу, не смущаясь, влез в комнату в напряжённой тишине. Мои одноклассники ошарашенно переглядывались.

– Скэриэл не жалуется двери, – проговорил я, когда тот предстал перед нами во всей красе.

– Всем привет, у вас тут собрание юных чистокровных? Привет, Леон, – кивнул он Кагеру, и тот кивнул в ответ, заливаясь румянцем.

– Это Скэриэл Лоу, он мой друг, – начал я и, повернувшись к нему, добавил: – Прости, я забыл тебе сказать, что сегодня работаю над проектом.

– Привет, я Оливер Брум, а это моя сестра Оливия. – Не растерявшись, Оливер подошёл и протянул руку. Скэриэл с довольным видом принял рукопожатие.

– Очень приятно.

– Взаимно, – ответила Оливия.

– А как ты забрался? – спросил Оливер.

– Хочешь, покажу?

– Давай. – Они со Скэриэлом подошли ближе к окну.

– Оливер иногда ведёт себя как маленький ребенок, – тепло улыбнулась Оливия, наблюдая за тем, как ее брат и Скэриэл выглядывают из окна, при этом Скэриэл активно жестикулировал, объясняя весь процесс таинственного попадания в мою комнату.

– Кто из вас старше? – спросил Леон, стоя рядом.

– Я старше на восемь минут.

В это время Скэриэл вылез из окна, и, к нашему удивлению, Оливер последовал за ним.

– Ты куда? – испуганно крикнула Оливия.

– Он говорит, что это безопасно, хочу проверить. Давай с нами?

– Я в платье, – нерешительно возразила она.

– Тогда в другой раз. Готье, ты уже так поднимался?

– Не было необходимости. К себе домой я могу попасть и через дверь.

– Но так веселее, – парировал Оливер. – Леон, ты с нами?

– Нет, спасибо, мне и тут хорошо, – улыбнулся Кагер.

– Мы вернёмся минут через пять, – крикнул он и скрылся из виду. – Ви, жди меня!

Мы втроём бросились к окну и наблюдали за тем, как Скэриэл проворно спустился вниз и по пути объяснял Оливеру, куда ставить ногу и за что цепляться рукой.

– Сумасшедшие, – вздохнула Оливия. – Ему лишь бы довести меня до нервного срыва.

– Тут не так высоко, не волнуйся, – заботливо сказал я. – Скэриэл следит за тем, чтобы он не упал.

– Вы так дружны? – Она посмотрела на меня, и моё сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Оливия была слишком близко. Её духи – смесь чего-то сладкого и весеннего с тонким ароматом цитрусовых.

Я попытался сосредоточиться на её словах.

– Прости, что?

– Я про Скэриэла. С виду вы очень близки.

– Да, он мой друг.

В это время Оливер очутился на земле и победоносно улыбнулся нам. Оливия помахала ему рукой. Леон показал большой палец.

Когда Скэриэл и Оливер взбирались на второй этаж, подъехал автомобиль Кевина. Сегодня я планировал весь день пробыть дома, и Кевин вызвался отвезти Сильвию за покупками.

– Мистер Брум! Что происходит? – испуганно раздалось снизу. Сильвия в спешке выбралась из салона.

Уверен, ей открылась прекрасная картина: любимый сын мистера Брума на пару с полукровкой, от которого Сильвия, мягко говоря, не в восторге, покоряют окна второго этажа.

– Всё в порядке! – крикнул я, когда Оливер последним влез в окно. – Всё под контролем!

Растерянная Сильвия не сдвинулась с места и даже не потрудилась закрыть дверцу автомобиля. Кевин стоял позади и сдержанно улыбался.

Очутившись в комнате, Оливер расхохотался, а Скэриэл довольно посмеивался, словно оба по меньшей мере покорили Эверест. Им оставалось только победоносно поразмахивать флагом, а затем водрузить его на моей кровати.

– Давайте обсудим проект, – предложила Оливия, когда мы все уселись на свои места. Скэриэл отошёл к книжным полкам.

– Что ты ищешь? – спросил я.

– Не знаю, может, возьму «Финансиста» Драйзера. – Он вытянул книгу и пролистал её.

– Ты читаешь? – недоверчиво спросил Оливер. – Каких писателей предпочитаешь?

– Толстой, Достоевский, – не оборачиваясь, ответил Скэриэл, – Гюго.

– Значит, Дантон. Предлагаю выступить с его речью и обыграть казнь, – начал Леон. – Оливия, не хочешь мне помочь подготовить эскизы костюмов?

– Конечно, – улыбнулась та. – Готье, сможешь сыграть Дантона?

– Я? Не знаю, – неловко проговорил я, смутившись тем, что Оливия предложила мне главную роль.

– Я сыграю палача. – Оливер поднял руку. – И могу сыграть Робеспьера.

– У вас Французская революция? – У Скэриэла загорелись глаза.

– Знаешь что-нибудь об этом? – спросил Оливер.

– Обожаю «Марсельезу». Очень вдохновляет. Готов только ради неё учить французский, – торопливо ответил Лоу.

– Читаешь классику, знаешь историю, – с сомнением в голосе протянул Оливер, заинтересованно рассматривая Скэриэла. – Может, и в античной культуре разбираешься?

– Немного... Мне нравится Македонская империя.

– И что же думаешь об индийских походах Александра? – не унимался Оливер, словно хотел подловить Лоу на лжи.

– Оливер, остынь, – проговорила Оливия.

– Я просто спросил. – Тот поднял руки на уровне груди, показывая, что ничего плохого не замышляет.

– Я думаю, что основной причиной неудачи Александра Македонского было то, что он не знал особенностей природы и географического положения страны, да и индусы храбро бились. Одни слоны чего стоили. Это показывает, как неосведомлённость рушит героические планы. Иногда нельзя лезть напролом, – отчеканил Скэриэл.

– Ты считаешь, что после покорения персов Александру жизненно необходимо было тащить всю армию в Индию? – понизил голос Оливер.

– Достаточно, – жёстко произнес я. Меня начинало раздражать то, с каким рвением Оливер пытался загнать Скэриэла в угол.

– Всё нормально, Готи, – с улыбкой ответил мне Скэриэл – при упоминании этой формы имени близнецы Брум удивлённо уставились на меня – и повернулся к Оливеру. – Он покори́л персов, но индийская сатрапия входила в Персидскую державу. Ему нужно было укрепиться на индийских землях как завоевателю Персии. Поэтому, конечно, он должен был идти с походом в Индию.

– О'кей, – примирительно ответил Оливер, хотя секунду назад выглядел так, словно готов был прыгнуть на Лоу и растерзать его, – вопросов больше нет. Что там по Дантону?

Весь следующий час мы наконец полностью посвятили французскому революционеру. Скэриэл уселся на мою кровать и с увлечением читал Драйзера, но я знал, что он ловит каждое наше слово.

Одноклассники, вежливо отказавшись от предложения остаться на ужин, начали собираться.

– Простите, но меня ждёт дядя, – виновато произнёс Леон.

– У нас сегодня семейный ужин с родителями, – вторила ему Оливия.

Я проводил их до входной двери. За Кагером приехал новый водитель, на этот раз женщина-полукровка. Оливия помахала мне, и они с братом уселись в автомобиль. Я поднялся в свою комнату, когда машины покинули двор.

– Прости за Оливера, – начал было я. – Он не такой заносчивый, как могло показаться.

– Да всё путём, не парься...

– Останешься сегодня?

– Нет. – Лоу приподнялся на кровати. – Я завтра утром уезжаю, нужно отметиться в школе.

– Ясно, – неловко бросил я.

– Хотел тебе кое-что дать. – Он протянул мне руку, зажимая что-то в кулаке. – Ключ от моего дома.

– Зачем?

– Я с лёгкостью попадаю в твой дом. Теперь у тебя будет возможность приходить, когда захочешь. И я уже предупредил Джерома

и Эдварда. Вы можете собираться у меня и работать над своим проектом.

– Это как-то слишком, – тихо проговорил я, разглядывая ключ.

– Да брось. Так будет справедливо. Я давно хотел сделать тебе дубликат.

Когда мы играли в Resident of Evil, пришло эсэмэс от Оливии. Сердце забилося как бешеное. Я представил, как она приглашает меня погулять, возможно, мы сходим с ней в картинную галерею, слышал, там сейчас интересная выставка. Или можно посетить Музей современного искусства. На худой конец просто сходить в кино. Но моим мечтам не суждено было сбыться:

«Привет. Хотела извиниться за Оливера. Он не всегда такой придурок, и не хотел обидеть Скэриэла. Оливер любит вступать в дискуссии, если ему нравится собеседник. Так что сегодняшняя их небольшая перепалка – это так Оливер показывает свою заинтересованность. Пожалуйста, не говори ему, что я тебе писала. Спасибо».

Больше всего в лицее я ненавидел практические занятия по тёмной материи. Я был готов написать пять эссе и сделать не одну проектную работу, если это позволило бы мне избежать практики.

В нашем мире существует деление на социальные классы по уровню тёмной материи. Каждый год чистокровные в учебных заведениях сдают экзамены, чтобы подтвердить свой уровень. Чистокровный с высоким уровнем может занимать значимые должности, вплоть до управления страной.

Полукровки владеют тёмной материей на ничтожном уровне. У них недостаточно средств, чтобы достигнуть мастерства. Низшие не владеют тёмной материей вовсе. В школах полукровкам и низшим не преподают ни теорию, ни практику: это считается бессмысленным для них занятием.

В одиннадцать лет чистокровные сдают свой первый экзамен – по-другому его называют Церемонией огня. В этом возрасте мы уже способны извлекать большие тёмные сгустки. Но важно не только извлечь, но и направить силу. Вначале тёмная материя – это неконтролируемый сгусток тёмного дыма. Он быстро испаряется и не может причинить вред. В школах и лицеях учат контролировать материю, делать её густой и плотной. В высших учебных заведениях на практических занятиях учат преобразовывать тёмную материю в твёрдый материал. С виду он так и остаётся сгустком тёмного дыма, но причинённый вред от удара возрастает во много раз.

Чего греха таить, мой первый экзамен был кошмарным посмешищем. В то время я абсолютно не умел управлять своей силой. Не то чтобы сейчас я с лёгкостью справлялся, но в первый раз чуть не спалил кабинет. Вспоминать стыдно, а забыть сложно. Хотел бы я стереть позор из своей памяти, но одноклассники из числа тех, с кем я не дружу, любят напоминать мне о том дне.

– Ребята, Хитклиф идёт! У кого огнетушитель?

– Хитклиф, не переживай, в этом кабинете есть пожарные датчики.

– Внимание! Уберите с дороги всё, что легко воспламеняется!

Прошло пять лет, но я помню всё, как будто это было вчера. На экзамен я шёл восемнадцатым, меня жутко трясло от страха. Основным

заданием было погасить три свечи на старинном канделябре с помощью тёмной материи. Пустяковое задание, которое подвластно и восьмилетней Габриэлле, но в тот день, готов поклясться, я мог упасть в обморок просто при виде канделябра. Дети передо мной быстро справлялись, и, к моему ужасу, очередь двигалась с колоссальной скоростью.

Я встал напротив канделябра, метрах в пяти от него. Всё, что мне нужно, – это сконцентрироваться, извлечь тёмную материю и направить сгусток на чёрное пламя. Это не обычный огонь, иначе всё было бы значительно проще. Чёрное пламя олицетворяет собой переход во взрослый мир, где чистокровные учатся умирять тёмную материю. Затушить пламя невозможно, если не сосредоточиться на цели.

Я знал об этом и так сильно перенервничал, что направил сгусток ниже и сбил канделябр. Тот отлетел на добрые два метра в сторону и попал на стол мистера Авреля, нашего преподавателя. Удивительно, но даже в этот момент чёрное пламя не потухло. Так что, могу вас заверить, даже сбив канделябр с подставки, технически я так и не сдал экзамен.

На столе находились таблицы, журнал посещения, прочая документация – одним словом, бумага. Финал ясен: всё это загорелось ярким пламенем. Я в ужасе наблюдал за тем, как горят документы. Дети в панике бросились к выходу, стали раздаваться крики. Мистер Аврель громко призывал к спокойствию, но мы его уже не слышали. Были те, кто с восторгом наблюдал за чёрным огнём: «Вот это да! Yay!» – Я слышал, как кто-то за спиной истерично рассмеялся. Огонь стремительно сжирал бумагу и уже занялся деревянным столом. Я стоял как замороженный, не в силах что-либо сделать. Не каждый день видишь, как возгорается церемониальный огонь. Особенно если это твоих рук дело. Тем временем большинство детей бросилось прочь из кабинета. Мистер Аврель извлёк материю и накрыл огонь плотным тёмным сгустком. Едкий запах гари проник в каждую щель. Я закашлялся и позорно выскочил из кабинета одним из последних.

Стоит ли говорить, что потребовалась не одна неделя, чтобы восстановить утраченные документы. Пересдавал экзамен я через месяц вместе с теми, кто пропустил ранее назначенную дату. Наученный горьким опытом, мистер Аврель поставил канделябр

посреди кабинета, и в радиусе пяти метров не было ни одного клочка бумаги.

Практические занятия проходили два раза в неделю по три часа. Я был в числе отстающих, среди таких, как Мартин Кидж, от этого моя самооценка то и дело пробивала дно Марианской впадины. Наверное, будь я единственным отстающим в классе, переживал бы не так сильно.

Однажды он попытался заговорить с Оливером, что уже звучало как самая провальная затея года, но Оливер даже не одарил его своим вниманием, словно тот был человеком-невидимкой из романа Уэллса. Больше очарованный Оливией, я не всегда обращал внимание на поведение Оливера, хотя они повсюду ходили вместе. Оливия была доброжелательна со всеми, отчасти из-за этого многие юноши верили, что она заинтересована в ком-то из них. Но Оливер другой. Он почти ни с кем не разговаривал, намеренно игнорировал попытки одноклассников сблизиться. Я не раз замечал на его лице скучающую мину, когда Оливия снова оказывалась в центре внимания. Помимо того, что про близнецов ходили грязные слухи, добрая половина девушек в нашем лицее не оставляла попыток покорить сердце Оливера.

– Вот мы опять с тобой здесь, – глумливо проговорил Мартин, тыча в меня острым локтем. Что за ужасная привычка?

– Ага. – Я пребывал в унынии.

В кои-то веки Мартин оказался хоть в чём-то прав. Мы снова с ним завалили практику по тёмной материи. Занятие близилось к концу. Леон, сидевший за первой партой, повернулся и смущённо улыбнулся мне, словно то, что я сидел в конце класса, было его виной. Я улыбнулся в ответ, но, сдаётся мне, оскал на моём лице ещё больше расстроил Леона. Близнецы Брум тоже справились с заданием, но Леон Кагер был лучшим, если дело доходило до тёмной материи. Мне оставалось позорно делить последнее место с Мартином. Это было сильным ударом по самолюбию. В такие моменты я жалел, что близнецы Брум учатся в моём классе. Думается мне, я бы не так переживал за эти унижительные минуты, не будь Оливии в кабинете.

– На сегодня всё! – громко произнёс мистер Аврель. – Пожалуйста, тренируйтесь на территории лицея, но не дома! Это небезопасно. Мой кабинет всегда открыт для дополнительных занятий. Все свободны.

Одноклассники принялись шумно собираться. Практика по тёмной материи была последним уроком. Я не спеша закинул в рюкзак учебники, кивнул на прощание Леону – он показал мне большой палец вверх и прошептал: «У тебя всё получится», – Оливеру и улыбнулся Оливии. Оливер, к моему удивлению, выходя, подмигнул мне. Оливия одарила тёплой улыбкой, от которой меня бросило в жар.

Вскоре кабинет опустел, и я осмелился в который раз подойти к мистеру Аврелю, чтобы ещё раз попробовать сдать практику. Мне был жизненно необходим зачёт. Я планировал поступать в Академию Святых и Великих, где занятия по тёмной материи значились как одни из важнейших.

– О, мистер Хитклиф, – довольно проговорил он, увидев мою одинокую фигуру в пустом кабинете. – Хотите испытать удачу?

– Да, если можно, – ответил я неловко.

– Отчего же нет, я рад, что вы стараетесь. – Он дописал что-то в журнале, поднялся и установил напротив меня два металлических кольца, которые успел убрать под конец занятия.

Я выдохнул, вскинул руки и пристально посмотрел на кольца. Извлечь материю, сформировать лук и стрелу, а затем направить стрелу. Задание будет зачтено, если стрела не потеряет форму и пройдёт сквозь два кольца.

Извлечь материю было самым лёгким из всего вышеперечисленного. Я долго не мог сотворить лук, молчу уже о стреле. У других на это уходило секунд двадцать, Леон же моментально творил фигуры из тёмной материи. В такие минуты у меня бежали мурашки по коже. Мне требовалось минимум тридцать секунд, что считалось довольно слабым показателем.

– Мистер Хитклиф, вы слишком напряжены, думайте только о том, как выглядят стрела и лук, – подсказывал мистер Аврель сзади.

Я вовремя прикусил губу, иначе изо рта могло вырваться что-то не очень лестное. Я не хотел обижать преподавателя: он всегда давал мне второй шанс.

Если то, что получилось, и можно было назвать стрелой, то только с натяжкой. Скорее это нечто походило на бревно. Но других вариантов у меня не было. Стараясь не нервничать – да кого я обманываю, – я произвёл захват и медленно натянул сотворённую тетиву, застыл,

прицелился и выпустил толстое подобие стрелы. Миновав одно кольцо, тёмная материя растворилась в воздухе, не долетев до второго.

– Это лучше, чем было на уроке, – отметил преподаватель.

Стоя к нему спиной, я скорчил рожицу, словно проглотил лимон. На уроке моя «стрела» даже не долетела до первого кольца. Хуже меня был только Мартин. Он не смог натянуть тетиву. Тёмная материя растворилась в его руках. Но Мартин Кидж из тех парней, кто не считает неудачу большой проблемой. В то время как я готов был провалиться сквозь землю, он только рассмеялся вместе с остальными.

Возвращался домой я в отвратительном настроении. По моему лицу было понятно, что я не в духе, и поэтому сообразительный Кевин молча вёл машину. В последнее время мы в дороге часто перебрасывались парой дружеских фраз, да и в целом наши отношения улучшились. Но сегодня я был рад и привычной гробовой тишине салона.

Когда мы подъехали к дому, я торопливо покинул машину и направился к главному входу. В холле меня встретила встревоженная Сильвия. Я понял, что сегодня произошло очередное извержение вулкана по имени Гедеон Хитклиф. Повсюду валялись разбитые вазы, картины, два шкафа были разворочены в щепки – и это только начало хаоса.

В гостиной словно пронёсся ураган. Перевернутый диван оказался в дальнем углу, но не это меня поразило. Диваном Гедеону уже никого не удивить. Моя челюсть готова была встретиться с паркетом, когда я осознал, что Гедеон в порыве гнева вышвырнул кресло в окно. Такое было впервые. Я задавался вопросом, что же его так разозлило?

В полной тишине Кэтрин подметала осколки, Фанни и Лора в дальнем углу собирали упавшие книги. Я огляделся, ища глазами диванный столик. Его остатки покоились в камине. Тут и там валялись осколки маминых фарфоровых фигурок. Я поднял маленькую отколотую белую голову. Кажется, это был фарфоровый скворец. Прежде чем сердце защемило от воспоминаний о маме, я отбросил осколок и огляделся. Гостиная представляла собой жалкое зрелище.

– Я позову Кевина, пусть он поможет с креслом.

– Благодарю вас, господин Готье, но лучше вам подняться к себе. Мы его сами позовём, – ответила занятая Сильвия с тряпкой в руках.

Я ещё раз оглядел разрушенную комнату и порадовался, что вчера перенёс Килли наверх. Дверь в комнату Гедеона была приоткрыта. Я подошёл ближе и долго не решался заглянуть, боясь столкнуться с ним. В комнате было тихо, я уже подумал, что Гедеона нет дома, но кто-то тяжело вздохнул. Уже не пытаясь обуздать любопытство, я сделал ещё шаг и заглянул в проём.

Первым делом мой взгляд упал на Гедеона. Без рубашки, со взлохмаченными волосами, он лежал на кровати, спиной ко мне. Он выглядел обессиленным и одиноким. Худой, сплошные острые углы, бледная кожа. Гедеон, всегда следивший за своей внешностью, предстал сейчас в ужасном виде.

Его комната тоже пережила погром. Весь пол был усыпан осколками, щепками, в порыве гнева Гедеон перевернул стул. Возможно, загляни я дальше, смог бы увидеть перевернутый или сломанный письменный стол. Я хотел убедиться, что с рыбками всё в порядке, но не решался. Кажется, Гедеон услышал меня, потому что в следующую секунду, не поворачиваясь, он взмахнул рукой. Тёмная материя молниеносно пронеслась и захлопнула дверь, которая больно стукнула меня по лбу. Хорошо, я не догадался придержать дверь, а то остался бы без пальцев.

Потирая ушибленное место, я закинул рюкзак в свою комнату, убедился, что с Килли всё в порядке, и спустился вниз. Нужно было улучшить момент и расспросить Лору, выяснить, что именно произошло с братом в моё отсутствие.

Лора выносила пакеты с мусором. Я вышел вместе с ней во двор и дождался, когда она будет возвращаться. У двери я жестом остановил её.

– Не могла бы ты задержаться на пару минут?

– Я? Хорошо, господин Готье, – тихо ответила она, стесняясь смотреть мне в глаза. – Вам что-то принести?

– Расскажи, что случилось с Гедеоном?

– Не уверена, что имею право на это. Вам лучше спросить у старших.

Я вздохнул. Лора была хорошо воспитана и знала, что, будучи младшей из прислуги, могла тактично уйти от ответа. Даже сейчас, работая в моём доме, Лора защищала личную жизнь одного из хозяев. Только Сильвия могла докладывать всё моему отцу.

– Я знаю, что ты не можешь рассказывать, но пойми, он мой брат, – воодушевлённо начал я, сам не ожидав от себя такого порыва. – Я хочу ему помочь.

– Вам лучше спросить у старших, – повторила она, обращаясь больше к асфальту, чем ко мне.

– Гедеон к тебе хорошо относится, – продолжил я. – Он бы помог тебе, поэтому сейчас ты должна помочь ему. Расскажи, пожалуйста, что произошло. Я сейчас был у него, и он так опечален. Молчит, – прошептал я, пытаясь вызвать сострадание, – мучается в своей комнате.

Как один из хозяев дома, я мог не просить, а требовать рассказать мне всё, но тогда произошли бы две вещи, которых я избегал всеми силами: я бы потерял уважение Лоры и, что хуже, перестал бы уважать себя. Лора ничем не отличалась от меня, а я предпочитал относиться к людям так, как хотел бы, чтобы они относились ко мне. В других чистокровных семьях прислугу из числа полукровок могли оскорблять и бить, но это считалось в высшем свете признаком плохого тона.

Лора сцепила руки в замок и закусил губу; я чувствовал, что её выдержка трещит по швам.

– Я не хочу, чтобы господин Гедеон страдал, – произнесла она и затем впервые посмотрела на меня. Мы никогда не общались с ней так близко, лицом к лицу. Она испуганно опустила глаза.

– Лора. – Я впервые назвал её по имени. – Пожалуйста, расскажи, что произошло.

– Днём приезжал молодой человек, незнакомец, чистокровный. – Она нервно теребила подол передника. – Попросил позвать господина Гедеона и сказал, что он его друг детства.

– Гедеон был дома?

– Да, он сразу спустился к гостю. И был очень удивлён. Я бы сказала, шокирован. Потребовал, чтобы вся прислуга ушла из дома.

– Долго они общались?

– Около получаса. Гость уехал на машине. И господин Гедеон впал в отчаяние.

– Ты помнишь, как звали гостя?

– Я не уверена, он произнёс имя быстро.

– Попробуй вспомнить, – настаивал я на своём.

Лора замешкалась, посмотрела на меня и произнесла полушёпотом:

– Кажется, его звали Люмьер.

Поблагодарив, я отпустил её и попросил никому не рассказывать о нашем разговоре.

Люмьер. Это имя ничего мне не говорило. Я надеялся, что, узнав, как звали того таинственного гостя, пойму, почему Гедеон перешёл негласную черту и опять чуть не разрушил дом, но нет, мои надежды не оправдались.

Брат не выходил из комнаты несколько часов, что было обычным явлением после того, как он разносил дом. Я занимался уроками, которых опять задали катастрофически много. Моя голова взрывалась от обилия информации. В этом году я записался на факультатив по латинскому языку. Помимо того, что я давно горел желанием изучать этот мёртвый язык, латинский вполне мог помочь мне набрать недостающие баллы при поступлении в Академию Святых и Великих.

Гедеон с первого курса учил французский и латинский, на третьем можно было взять ещё один язык, и он выбрал арабский. В отличие от меня, брат играючи справлялся с языками. Мне же приходилось усердно и долго заучивать грамматику и лексику, чтобы сказать хоть что-то путное на занятии. Сейчас, сидя с двумя текстами по латинскому, я боролся с посещавшими голову уже не такими радужными мыслями. Быть может, я слишком много на себя взял и мог не потянуть латынь. Пока я находился в этом полубморочном состоянии, мне пришло сообщение, от которого сознание прояснилось, а волосы на голове зашевелились.

«Пожалуйста, давай встретимся и поговорим. Оскар В.».

XVI

Продолжая работать над проектом по Французской революции, мы переместились в дом Скэриэла. Там было просторно, а самое главное, не было ни моего отца, ни брата, ни слуг. Леон воспринял эту весть с тревогой, словно я предложил не сменить обстановку, а устроить в полночь шабаш полуголыми в лесу. Близнецы же находились в предвкушении первого похода к Лоу. Начитавшись Тургенева, они ожидали увидеть маленький непримечательный дом на отшибе района, что-то в духе изб русских крестьян до отмены крепостного права. Вид обычного двухэтажного здания, ничем не отличающегося от других, не оправдал их ожиданий.

В первый наш визит в доме находился только Джером. Хозяин из него, скажу сразу, никудышный. Встретил нас угрюмо, проворчал что-то себе под нос и поднялся на второй этаж. Больше мы его не видели и не слышали. Леон при виде Джерома заметно занервничал, а Оливер с любопытством донимал меня расспросами о низшем, – конечно, я соврал, что Джером – полукровка. Пришлось его разочаровать, ведь я был в дружеских отношениях только со Скэриэлом. Что до Джерома, тот меня, мягко говоря, недолголюбил. Уверен, будь у него возможность закинуть меня в бочку, поджечь и скатить в обрыв, он, не раздумывая, воспользовался бы ею. Учитывая обстоятельства нашего знакомства, я не ожидал другого. Я нейтрально к нему относился, но если бы Джером предпринял хоть малейшую попытку сблизиться, то я бы приложил все усилия для улучшения отношений. Но он не проявлял ко мне ни капли интереса, поэтому и я не лез на рожон.

Сегодня мы собирались у Скэриэла во второй раз. Дома были Джером – снова ускакал на второй этаж, как только мы переступили порог – и мистер Лоу, с которым до этого я ни разу не общался. Это был невысокий мужчина средних лет, с каштановыми выющимися волосами и лёгкой щетиной. В отличие от Джерома, мистер Лоу встретил нас радушно, предложил напитки и даже угостил сэндвичами. Мы обосновались, как и прежде, в гостиной, чтобы не беспокоить домочадцев. Но мистер Лоу вскоре покинул нас, сославшись на то, что у него очень много дел.

Стоя в центре гостиной, я громко декламировал речь Дантона. Оливер уселся на диван и с лицом главного театрального критика тут и там вставлял знаменитое «не верю» Станиславского. Оливия и Леон изображали остальных участников якобинского клуба. После долгих раздумий была выбрана речь Дантона 1791 года про бегство Людовика XVI. Оливер предложил эту речь, потому что она была актуальной и для нас. После падения императора Бёрко жизнь в Октавии улучшилась. А ещё это была одна из коротких его речей. Этот факт радовал меня больше всего, так как запоминание больших текстов не входило в список моих талантов.

Оливер подготовил сценарий, и каждый из нас репетировал свою роль. Оливия поднялась и задала вопрос: «Что будет делать Национальное собрание, если вернётся король?» Леон поднялся следом и торопливо изрёк: «Король всегда остаётся королём. Он неприкосновенен!» Оливер с лицом истинного знатока французской истории одобрительно кивнул. Я расправил плечи и громко, уверенно проговорил: «Человек, носящий звание французского короля, поклялся охранять конституцию – и после этого бежал! И я с удивлением здесь слышу, что он до сих пор не лишён короны»^[3].

– Нет, Готье, больше гнева! – крикнул Оливер, вставая. – «... И после этого бежал!» Разозлись. Ты должен быть в бешенстве от самой мысли, что кто-то ещё поддерживает короля.

– Хватит, Оливер. – Оливия опустила на стул, потирая виски. Даже она не скрывала, что требовательное отношение брата нас всех выводило из себя.

– Из вас троих хорошо справляется со своей задачей только Леон. Не зря он на сцене выступает, – вынес вердикт Оливер.

Я был уже на взводе. Мы репетировали полчаса и дальше этих строчек не заходили, потому что наш новоиспечённый критик вечно был недоволен.

– Благодарите бога, что мы не ставим «Илиаду» Гомера, – устало проговорила Оливия. – Уверена, мы бы все тут даже предварительный кастинг не прошли.

Леон рассмеялся, разбавив напряжённый момент. Я сел рядом с Оливером и выдохнул, стараясь вернуть самообладание и не ляпнуть что-то резкое.

– Просто я хочу хорошо выступить с нашим проектом, – раздражённо проговорил Брум.

– Смею тебя заверить, что это общее желание. – Леон улыбнулся, разминаясь. – Я читал «Илиаду» в детстве, уже не помню всех деталей.

Он был одет в лёгкую бежевую сорочку и тёмные брюки. Повернувшись, Леон поднял руки, и лёгкая ткань приподнялась, открывая полоску бледной кожи.

– Только не это, – внезапно выдала Оливия, поворачиваясь к близнецу. Казалось, упомянуть «Илиаду» и «читать» в одном предложении при брате было всё равно что бросить вызов богам Олимпа.

– Это легко исправить. Давайте перечитаем Гомера и обсудим его? – дружелюбно предложил Оливер, меняясь на глазах. – Я готов говорить об Ахиллесе сутки напролёт.

– Кажется, я открыл ящик Пандоры, – добродушно выдал Леон, с улыбкой наблюдая за ликующим Оливером.

– Прости за сравнение, но ты один в один Скэр, когда дело доходит до Александра Македонского, – посмеиваясь, проговорил я.

– Это неудивительно. Ахиллес и Александр. Да мы со Скэриэлом почти братья. – Оливер поднялся, активно жестикулируя.

– Не вижу связи, – возразил Леон. – Насколько я помню, они жили в разное время.

– О, мой дорогой друг, позволь мне открыть завесу тайны, – театрально продолжил Оливер. – Мать Александра Македонского, Олимпиада, была из славного рода Ахиллеса...

– Пожалуй, я оставлю вас. Я слышала эти истории уже сотню раз. – Оливия поднялась и поправила юбку.

Она подмигнула мне, покидая комнату. Оливер закатил глаза. К нашему с Леоном удивлению, выходя, Оливия повернулась, показала брату язык и скрылась.

– Женщины, – хмыкнул Оливер. – При всей моей любви к сестре, я не сильно жалую противоположный пол.

Леон бросил на меня удивлённый взгляд так, чтобы Брум не заметил. Я решил не лезть с расспросами. Меньше всего мне хотелось сейчас обсуждать личную жизнь кого-то из нас.

– Так вот, Леон. – Оливер поставил стул напротив Кагера и по-хозяйски уселся. – Александр Македонский был родственником

Ахиллеса. В шесть лет его воспитателем назначили Лисимаха. Так себе воспитатель, но он знал наизусть «Илиаду». Это было его главным достоинством. – Оливер понизил голос, побуждая нас слушать внимательнее. – Лисимах называл Александра молодым Ахиллом. Когда Александр вырос, его самой любимой книгой была «Илиада», а любимым героем – Ахиллес.

– А Гефестион стал его Патроклом, – дополнил я.

– О, так ты в курсе! – радостно воскликнул Оливер.

– Скэриэл постоянно об этом болтает.

– Это всё довольно занятно, – с улыбкой ответил Леон, – но давайте закончим с репетицией. – Он посмотрел на наручные часы и добавил: – Мне через час нужно уходить.

После упоминания «Илиады» Оливер стал более сговорчивым, репетиции прошли мирно, и, что самое главное, мы закончили с речью Дантона. Оливия пребывала в хорошем расположении духа: радовалась, что мы наконец осилили сценарий её брата. Собираясь, Оливер цитировал Гомера:

«Радуйся, милый Патрокл, хотя бы в жилищах Аида!

Делаю всё для тебя, что раньше тебе обещал я!»

Леон то и дело лез в свой телефон. Обычно он не был зависим от смартфона, но сегодня не проходило и десяти минут без проверки уведомлений. Я поймал Леона за тем, что он со смущённой улыбкой с кем-то переписывался.

– Когда Скэриэл вернётся? – внезапно спросил Оливер, накидывая пиджак.

– Не знаю, обычно он уезжает на неделю, – пожал плечами я. – Должен через пару дней появиться.

– Я бы с ним обсудил македонского царя, – проговорил он, пропуская сестру вперёд.

Выходя из дома, Оливия повернулась и добавила, смутив близнеца:

– Он часто говорит о Скэриэле, а ещё... – Оливер торопливо зажал ей рот. Она со смехом пробубнила что-то через его ладонь.

– Оливия, врать нехорошо, – поучительным голосом добавил Оливер, мягко подталкивая её вперёд.

Поставив брата в неловкое положение, она хитро улыбалась. Близнецы сели в машину, подъехавшую пару минут назад. Оливия помахала нам с Леоном из окна.

– Кажется, Оливеру понравился Скэриэл, – довольно произнёс Леон рядом. Машина выехала со двора и медленно покинула улицу.

– Ещё бы, там такая связь, – усмехнулся я, очерчивая рукой в воздухе мнимые образы двух героев. – Ахиллес и Александр.

Леон повернулся ко мне.

– Как продвигается твой латинский?

– Не особо. А ты почему не записался? Близнецы тоже ходят на латынь. Оливер ждёт не дожждётся текстов про античную культуру.

– Репетиции занимают много времени. – Он посмотрел вдаль в ожидании машины, которая должна была появиться с минуты на минуту. – Готовим «Щелкунчика» на Рождество. Приглашу вас всех на премьеру.

– Спасибо, – улыбнулся я.

Леон потянулся за телефоном, и при виде нового сообщения на его лице появилось глупое выражение. Он походил на влюблённого. Наверное, так я выглядел со стороны рядом с Оливией. Я впервые видел Леона таким, поэтому не успел вовремя отвернуться и встретился с ним взглядом. Кагер смутился.

– Прости, я просто, – он неловко указал на телефон, – рассказываю Скэриэлу про балет.

Мне даже не могла прийти в голову мысль, что всё это время он переписывался со Скэриэлом, который с самого утра ничего мне не писал. Показалось, что меня предали, но это мимолётное чувство быстро прошло. Мысленно я дал себе оплеуху. Что за драму я тут устраиваю? Они оба мои друзья, поэтому их общение должно меня радовать. Но в итоге всё, что приходило на ум, это: «Когда они обменялись номерами?» и «Когда они успели сдружиться?»

Вечером я планировал съездить в музей, где проводилась выставка картин Питера Пауля Рубенса. Мы ходили на эту выставку со Скэриэлом, поэтому, хоть я и любил творчество фламандского живописца, сегодня целью моего посещения в первую очередь была встреча с Оскаром. Я решил, что встретиться в музее будет самым безопасным вариантом для нас обоих. Никто ничего не заподозрит. Я часто посещаю музеи, картинные галереи и библиотеки, а Кевин предпочитает в это время ждать меня снаружи.

О том, что два года назад на меня у музея напал журналист, я больше не вспоминал. Первое время Кевин всюду меня сопровождал,

боясь, как бы не повторилась та страшная ситуация, но всё было тихо и мирно. В итоге, к нашему общему облегчению – Кевин не мог по достоинству оценить искусство, а я уставал от постоянного нахождения водителя за спиной, – я попросил его снова ждать меня у здания. Мы заранее договаривались, во сколько он меня забирает, так у Кевина появлялось несколько часов свободного времени.

Скэриэлу я ничего не рассказал про встречу с Оскаром. Я давно уже заметил, что Лоу плохо относится к нему, да и пару недель назад Скэриэл ясно дал понять, что считает абсурдным само желание встретиться с Оскаром после того, что произошло в клубе.

Мы условились встретиться на скамейке напротив картины «Охота на львов» в малом зале. Обычно там немного людей, потому что не все доходят до дальних помещений. В назначенное время я приехал к зданию. Через полтора часа выставка должна была закрыться, поэтому посетителей было ещё меньше, чем я предполагал.

Оскар ждал меня на скамейке. Он сгорбился, держал лицо в ладонях, как будто его мучила головная боль. Я остановился шагах в десяти от него, не смея подойти ближе. Оскар был в помятом костюме, на голове – ни следа от укладки. Он выглядел так, словно только что проснулся после знатной попойки, но, когда я подошёл ближе, от него не пахло алкоголем.

– Оскар, – тихо позвал я.

Он вскочил на ноги, как будто я протрубил в рог за его спиной.

– Привет, Готье, – неловко сказал он. – Как ты?

Это была дежурная фраза, на которую я даже не успел ответить, потому что следом он добавил:

– Гедеон всё ещё злится на меня?

Злится? Я не знал, что ответить. Для начала он мог бы извиниться за то, что бросил меня в тот вечер в клубе. Я был в бешенстве. За долю секунды Оскар сумел разозлить меня.

– Да, – всё, что я смог вымолвить.

– Жаль. – Он уселся на скамейку и жестом предложил мне сесть рядом.

Пришлось так и сделать, хотя у меня появилось дикое желание развернуться и оставить его здесь. Повисла напряжённая тишина, разбавляемая шумом редких посетителей малого зала.

– Как ты после... – Я не знал, как закончить фразу. «После того, как мой брат вмазал тебе»?

– Нормально, пришлось полежать в больнице. До сих пор не могу есть твёрдую пищу, – с усмешкой проговорил он. – У Гедеона хорошо поставлен удар. Я был удивлён.

– За что он тебя так?

– За тебя. – Оскар посмотрел на меня всё с той же усмешкой, как будто мы тут обменивались шутками. – Я бы тоже врезал другу, если бы он без разрешения забрал моего младшего брата в клуб.

Ты забыл добавить «и бросил его там». Но это детали.

– Тогда зачем ты позвал меня в «Яму»? – спросил я о том, что мучило меня всё это время.

– Готье, видит Бог, я не замышлял ничего плохого, – ответил Оскар внезапно серьёзным голосом. – Я хотел провести с тобой время, и мне показалось, что мы классно посидели в ресторане. Но в тот день у меня появилось одно неотложное дело в Запретных землях. Я не хотел заканчивать с тобой вечер, ведь было здорово. Гедеон в этом плане зануда. Он не любит Запретные земли и никогда бы не повёл младшего брата туда. Мне просто хотелось развлечь тебя. Ведь вначале было весело, правда?

– Ну да, – нерешительно ответил я, пытаясь вспомнить первые минуты в клубе.

– Но потом меня задержали, и, когда я вернулся, тебя уже и след простыл. Я был в панике. Искал тебя повсюду. Где ты был?

– У друга.

– Понятно, – кивнул он и продолжил: – Ну, а дальше ты всё видел. Я в крови, «Скорая». Не самое моё приятное утро.

– Гедеон запретил мне к тебе приближаться.

– Он имеет полное право требовать такое. Но вот ты здесь, – восторженно проговорил он, указывая на меня. – Знаешь, все считают тебя послушным сыном и примером для подражания, но ты дружишь с полукровкой, слышал, он приходит к тебе по ночам. И ты уже был в клубе в Запретных землях.

О таком я даже и не думал. Мне представилась возможность взглянуть на себя со стороны. Я – всегда считал, что хорошо справляюсь с ролью сына, брата, ученика. К слову, много чего Оскар не знал: я не сдавал Джерома, который был незаконным низшим в нашем

районе, а значит, я считался его пособником. И я планировал ещё раз отправиться в Запретные земли со Скэриэлом. Не самые достойные поступки для внесения в личное дело.

Был ещё один вопрос, который не давал мне покоя.

– Прости, но почему вы поссорились с Гедеоном?

– Хотел бы и я знать, в чём виноват.

– Это как? – удивился я.

– Мы напились. – Оскар рассмеялся при виде моего поражённого лица. – Да, твой брат не такой уж святой, каким хочет казаться. Напились сильно, настолько, что я ничего не помню, что говорил и творил. Но не настолько, чтобы Гедеон не помнил. После той попойки он смотрит на меня как на врага народа. И он даже не даёт мне возможности объясниться!

Оскар громко произнёс последнюю фразу, привлекая внимание посетителей.

– Это странно, – только и мог я сказать.

– Не то слово. Поэтому я хотел бы попросить тебя помирить нас. – Оскар наклонился ко мне чуть ближе.

– Не думаю, что это в моих силах, – неуверенно ответил я, отстраняясь. – В последнее время он ходит мрачнее тучи.

– Что случилось? – серьёзно спросил Оскар.

Эта резкая перемена меня озадачила. Секунду назад Вотермил выглядел так, словно готов броситься на колени и просить о помощи, но, услышав о том, что у Гедеона, возможно, проблемы, мигом превратился в грозное оружие, способное прорваться сквозь все преграды, чтобы защитить моего брата.

Тут меня осенила идея. Оскар и Гедеон были друзьями детства. Возможно, Оскар знал Люмьера.

– Его друг детства – Люмьер.

– Уолдин? Люмьер Уолдин в городе? – удивлённо спросил Оскар.

– Наверное... Я знаю только это имя. Он был у нас в гостях.

Оскар поднялся и застыл.

– Мне нужно поговорить с Гедеоном, – бросил он и стремительно зашагал к выходу.

– Что? – После секундного промедления я бросился за ним. – Зачем?

Оскар внезапно повернулся ко мне, так что я чуть не врезался в него.

– Где сейчас Гедеон?

– Не знаю, – недовольно выдал я. Хотелось ещё бросить: «Какого чёрта ты решил, что он вообще мне докладывает о своём местонахождении?»

– Иди домой, Готье. – Он положил тяжёлые ладони мне на плечи. – Спасибо, что пришёл, – сказав это, Оскар развернулся и торопливо направился к выходу.

Я медленно вернулся к скамейке, сел и посмотрел на висящую на стене картину. Рабочий день музея подходил к концу. Я остался один в малом зале. Только я и большая картина Рубенса. Мне не хотелось домой. Я беспокоился, что упоминание Люмьера было лишним и теперь это повлечет ещё больше проблем. Я не стал писать Кевину, чтобы он забрал меня. Молча вышел из здания музея и пошёл по улице. Бесцельно бродить, как полукровка – когда ещё удастся такое провернуть. Шёл, не разбирая дороги. Прошло несколько минут или полчаса, я не знал. В голове настойчиво билась единственная мысль: «Я всё испортил».

Кто-то высокий перегородил мне дорогу. Не поднимая головы, я попытался обойти его, но незнакомец, словно играя, снова встал у меня на пути.

– Младший брат Гедеона Хитклифа, верно? – спросил парень. На нём было лёгкое тёмное пальто, больше похожее на военный мундир.

– Возможно, ты уже слышал обо мне. Я – Люмьер Уолдин, – произнёс он дружелюбно и протянул руку для пожатия.

XVII

– Давай зайдём в ближайший ресторан, я был бы не прочь выпить, – предложил Люмьер. Он увидел моё озадаченное выражение лица и поспешно добавил: – И поговорим.

Я в нерешительности кивнул.

Можно было отказать, но любопытство взяло верх. За один вечер повстречавшись с Оскаром и Люмьером, теперь я боялся представить, какое наказание ждёт меня от Гедеона. Здравомыслие в последние недели отступило на задний план, уступив место безрассудству.

Люмьер шёл быстро, я еле поспевал за ним. Он был высокий, крепкий, с короткой стрижкой, в тёмном военном мундире. По-приятельски улыбнувшись мне, он остановился напротив яркой вывески и пропустил вперёд.

Заведение оказалось одним из тех дорогих ресторанов, куда вы приходите напиться. В помещении было накурено. Чистокровные сидели за столиками, на которых стояло по несколько бутылок крепкого алкоголя, шампанское в ведёрке со льдом и закуски – сырное ассорти.

Мы расположились у одного из столиков. Мне было некомфортно находиться здесь, учитывая мой возраст. К нам поспешно подошёл метрдотель. Он выглядел нервным, то и дело кидал на меня недовольные взгляды. Я почувствовал себя дворняжкой, по ошибке забредшей в мясную лавку.

– Добрый вечер, мистер Уолдин, мы рады, что вы снова заглянули к нам, – с почтением поклонился он. – Но могу ли я узнать, сколько лет вашему спутнику?

– Он несовершеннолетний, но смею вас заверить, что он не притронется к алкоголю. – Люмьер проговорил это, глядя на меня, отчего я смутился. – Даю слово.

– Да, но по правилам нашего ресторана мы не принимаем граждан, не достигших девятнадцати лет, – продолжил метрдотель с озабоченным видом, попутно передавая Уолдину меню и винную карту. В его голосе поубавилось решительности после ответа Люмера.

– Вы собираетесь выгнать моего друга? – беззлобно спросил тот, как будто потешаясь над ситуацией.

– Нет, что вы, мистер Уолдин, – неуверенно продолжил метрдотель, – только...

– Вот и закончим на этом, – громко проговорил он тоном, не терпящим возражений, и настойчиво повторил: – Закончим.

– Да, конечно, – учтиво согласился метрдотель.

Он пару секунд потоптался возле нас, кивнул и ушёл прочь.

– Всегда сюда прихожу, если бываю в центре Ромуса, – добродушно произнёс Люмьер.

– Откуда вы?

– Родился здесь, в центре, но, когда мне было пять лет, мы переехали на север. – Он расстегнул две верхние пуговицы на мундире. – Потом поступил в Пажеский корпус, но решил вернуться.

Пажеский корпус. Я во все глаза уставился на Люмьера. Он был кадетом элитного военного учебного заведения – главного соперника Академии Святых и Великих. В Пажеский корпус принимали только детей из первых чистокровных семей, приближённых к императору; на сегодняшний день – приближённых к Совету старейшин. Это место также славилось очень сложными вступительными экзаменами. Уровень тёмной материи должен быть значительно выше обычного стандарта, требуемого при поступлении. Учёба в корпусе, постоянное проживание в пансионе – всё это было доступно только тем, кто прошёл строгий отбор.

Официант вернулся спустя недолгое время, и Люмьер заказал вино. Мне он предложил морс. На вопрос о том, голоден ли, я ответил отказом. На этом Люмьер отпустил официанта.

Мы остались вдвоём, и Люмьер с интересом наблюдал за переменной на моём лице.

– Что-нибудь слышал о Пажеском корпусе?

– Мне нравится ваш девиз: «Чист, как золото, твёрд, как сталь», – выпалил я.

Он залился приятным звучным смехом.

– Да, этот девиз мы повторяли каждый день на утреннем сборе.

– Вы дружили с моим братом в детстве? – перешёл я в наступление.

Официант принёс бутылку вина, бокал и высокий стакан с морсом; быстрым, аккуратным движением наполнил бокал и без слов покинул нас.

– Пожалуйста, давай на «ты». Я старше тебя всего на четыре года. – Он потянулся к внутреннему карману и затем передал мне сложенную вдвое фотографию. – Вот, взгляни. Моё любимое фото.

На снимке два маленьких мальчика смеялись, держа в руках игрушечные мечи. У одного было миловидное лицо, светлые волнистые волосы – копия Габриэллы; в руках был щит.

– Гедеон всегда любил перестраховаться, – усмехнулся Люмьер, делая первый глоток.

– Он мне никогда о вас... – Я быстро исправился: – О тебе не говорил.

– Не виню его за это. После падения Октавианской империи мы потеряли связь друг с другом. Мои родители погибли в то время, и родственники забрали меня из центра Ромуса.

– Ты недавно был у нас дома... – начал я. В горле пересохло, и мне пришлось перед этим сделать большой глоток ягодного морса.

– Да, обрадовал Гедеона тем, что перехожу в этом месяце в Академию Святых и Великих. – Хитрая ухмылка появилась на его лице. – Он был очень рад.

Я чуть не разинул рот от удивления. Рад? Если под радостью он имел в виду, что брат разнёс гостиную, а потом ещё долго лежал убитый горем, то да, радовался он неимоверно. Я не мог понять, издевается надо мной Люмьер или нет.

– Почему ты переходишь на последних курсах? – поспешно спросил я.

– Мой опекун был против, чтобы я возвращался в Ромус, но этим летом он скоропостижно скончался. – Люмьер подался вперёд; хоть тема была печальной, говорил он без капли скорби. – Я давно рвался сюда. Это мой дом. Ещё вопросы?

Я отрицательно замотал головой. Мне показалось, что Люмьер Уолдин – та ещё тёмная лошадка, и мне нужно было обдумать всё сказанное. В голове копошился рой вопросов, но я не решался их озвучить.

– Я давно наблюдал за тобой. – Люмьер придвинулся ближе. – Прости, если это прозвучало немного странно или я лезу не в своё дело, но тот парень – полукровка, который крутится возле тебя, – откуда он так хорошо владеет тёмной материей?

– Что?

– Я понял, что он скрывает это, но...

– Скэриэл? Тёмная материя? – перебил я.

Я ни черта не понимал. О чём он говорит?

– Пусть тогда это останется вашей тайной, но передай ему, чтобы был осторожнее, – тихо произнёс он, а затем, пододвинувшись, спросил: – Вообще, я с тобой решил встретиться из-за другого дела. Ты слышал об императорском сыне, который выжил?

– Разве это не городская легенда?

Всё ясно, Люмьер – последователь семьи Бёрко и искренне верит, что где-то жив истинный наследник.

– Нет, – невозмутимо произнёс он. – Наследник жив. Когда ему исполнится девятнадцать, он должен будет взойти на престол.

Я лихорадочно соображал, что ответить. Есть такой тип фанатиков, которые верят в свою правду и закрывают глаза на неопровержимые доказательства. С детства нам говорили о том, что император Бёрко был слабым правителем, вся династия Бёрко – это большая головная боль для Октавии. Совет старейшин пытается возродить всё то, что погубил император за время своего правления.

– А что Совет старейшин? – Я озадаченно посмотрел на него.

– Эта свора шакалов первая сгинет после появления наследника. – Люмьер выразительно нахмурил брови.

«Мой отец состоит в этой своре!» – хотелось крикнуть мне, но я сдержался, сжав кулаки.

– Гедеон планирует войти в Совет старейшин.

– Гедеон опять пытается перестраховаться, но, когда наследник объявится, не будет уже никаких старейшин.

– Мой брат знает о наследнике?

– Да. – Люмьер допил вино и отодвинул пустой бокал. – Мой отец погиб при перевороте. Он отдал жизнь за Бёрко. Если потребуется, то я тоже отдам жизнь за наследника. Гедеону давно стоило ввести тебя в курс дела, но он считает тебя слишком маленьким для всего этого. Готье, я приехал в Ромус, чтобы находиться рядом с наследником.

– Он в городе?

– Да, – с довольным видом отозвался Люмьер.

– Кто он?

Люмьер улыбнулся мне и заключил:

– Узнаешь.

Эдвард не выходил из комнаты Скэриэла уже больше часа. Всё это время я стоял под дверью, подпирая спиной стену. Я занимался сборкой мебели на первом этаже, когда Эдвард позвал меня наверх и приказал ждать. Скэриэл хотел со мной поговорить, но время шло, а никто не выходил.

Я знал, что Скэриэл вернулся в Запретные земли вчера ночью в убитом состоянии. Его шатало, но он держался. А сегодня утром упал в обморок. Эдвард поставил ему капельницу, и всё утро Скэриэл провёл в отключке.

Дом, который купил Скэриэл, потихоньку принимал надлежащий вид. Мы убрались, освежили стены, заменили сантехнику, и теперь оставалось разобраться с мебелью. На первом этаже предстояло ещё много работы с кухней. Большую часть времени мы с Эдвардом проводили в этом доме. Раз в неделю Скэриэл приезжал с проверками и привозил наличные. Мне было спокойнее находиться в Запретных землях, в Ромусе я пугался каждой тени и звука.

Дверь отворилась, и появился уставший Эдвард.

– Он ждёт тебя. Но не больше пятнадцати минут. Ему нужен покой.

– Как он? – шёпотом спросил я, с волнением уставившись на дверь.

– Лучше.

Я нерешительно вошёл, хотя до этого томился в ожидании и мечтал поскорее очутиться рядом со Скэриэлом.

Он лежал на кровати, бледный, измождённый. Волосы разметались по белоснежной подушке. Скэриэл слабо улыбнулся мне и приподнял руку. Я бросился к нему, бережно взял тёплую ладонь. Его пальцы подрагивали.

На лбу Скэриэла выступили капельки пота. Я огляделся. На столе лежали перчатки, шприцы, антисептик и стерильные салфетки. Я схватил салфетки и осторожно провёл по его лицу, вытирая влагу.

С другой стороны кровати на штативе была закреплена бутылка с лекарственным средством, по трубкам бесцветный раствор через иглу попадал в его тело. По сравнению с утром, выглядел Скэриэл гораздо лучше.

– Как ты себя чувствуешь? – Я уселся на табурет рядом с кроватью.

– Почти здоров, – вяло произнёс он, не переставая улыбаться. Ну, раз шутит, значит, всё плохое позади. Я сжал его ладонь.

– Что с тобой?

– Ты знаешь. – На лице Скэриэла отразилась болезненная гримаса.

Я догадывался, но не был уверен в своих предположениях. Скэриэл очень богат. Он практически сорил деньгами, пытаясь улучшить это здание. Откуда у него такие суммы? Ведь он сирота, как и я. Этот вопрос мучил меня в первые дни, когда мы повстречались с ним в Запретных землях.

Иногда он пропадал на пять или шесть дней, возвращался в ужасном состоянии и болел ещё некоторое время, балансируя на грани жизни и смерти. После такого Скэриэл всегда получал колоссальные денежные суммы. Я боялся связывать два этих факта.

– Ты... – Я замолчал, уткнувшись взглядом в пол.

– По тебе видно, что ты давно догадался. – Он отпустил мою ладонь и, помолчав, добавил: – Я носитель смерти.

Переносчик смерти.

Падальщик.

Крыса.

Я резко встал, отчего мой стул с грохотом перевернулся.

Скэриэл не прятал взгляда. Он смотрел на меня с вызовом. Возможно, ему не доставило удовольствия это признание, но он не стыдился своего заработка, за счёт которого содержал нас.

– Но как? – Я быстро взял себя в руки, вернул стул на место и уселся.

– Не волнуйся, на мне нет сейчас вирусной пыли. Я не прихожу с заразой в свой дом, – произнёс он со сталью в голосе.

– Нет, нет, – торопливо запротестовал я, пытаясь снова взять его за руку, но Скэриэл отдёргнул её. – Я не хотел тебя обидеть. Просто я удивился. Мне всё равно, что ты переносчик.

Скэриэл свёл брови, уголки его губ опустились. Он тяжело выдохнул и отвернулся. Я подался вперёд. Мне хотелось, чтобы он снова посмотрел на меня.

– Ты недавно заразил кого-то? – спросил я.

Он кивнул, не поворачиваясь. Меня осенила мысль. Быть может, в этом крылась причина его одержимости тем чистокровным.

– Это ты заразил маму Хитклифа? – Я слышал, что она умерла от неизвестного заболевания. Об этом говорили на каждом шагу. Жена главного банкира скончалась в день рождения сына.

– Нет. Я не заражаю женщин и детей. – Скэриэл повернулся ко мне. – Но я знаю, кто был заказчиком. Сперва этот заказ достался мне, но я отказался.

Я осторожно дотронулся до его ладони, на этот раз он не сопротивлялся.

– Кто это был?

– Неважно, скоро он умрёт, – обречённо произнёс Скэриэл. – Два дня назад я заразил его.

– Тебе его заказали?

– Нет.

Мы помолчали. Я с волнением вглядывался в бледное лицо Скэриэла. Несмотря на то что он выглядел как завсегдатай неотложек, сейчас Скэриэл показался мне самым всемогущим человеком из всех, кого я знал.

– Как твой организм это выдерживает?

Он приподнял руку с воткнутой в вену иглой и хмыкнул.

– Как видишь, не всё так гладко, как говорят СМИ.

– Это поразительно.

Скэриэл удивлённо посмотрел на меня.

– Ты один из немногих, кто может переносить серьёзные заболевания, – пояснил я. – Твой организм легко справляется даже со смертельными вирусами.

– Мой иммунитет кормит нас, – с довольным видом произнёс он.

– Что ещё тебя отличает от других?

– На мне быстро заживают синяки и царапины. Меня не берёт алкоголь, сигареты или наркотики, – перечислил Скэриэл.

Я вспомнил, как Ноэль в детстве вечно его бил, на смену старым синякам приходили новые. Тело Скэриэла просто не успевало излечиваться. Но он никогда ничем не болел, в то время как остальные дети простужались по два-три раза в год.

– Значит, Эдвард всё знает?

– Да, – кивнул Скэриэл. – На деньги от второго заказа я выплатил все его долги. Вытащил из долговой ямы.

– Ты работаешь на них?

– Работаю на тех, кто заплатит больше, – отрезал он.

– А Хитклиф знает?

Скэриэл больно сжал мою руку, отчего я чуть не вскрикнул.

– Ты ни слова ему не скажешь, понял?

Он отпустил меня.

– К... конечно, – поспешно ответил я, разминая пульсирующую ладонь. Скэриэл выглядел так, словно был при смерти, но его стальная хватка не ослабла.

– После поступления в Академию я покончу с заказными убийствами, – нахмурился он и добавил: – Ненавижу эту работу.

Помолчав, он попросил:

– До прихода Эдварда почитай мне.

Скэриэл протянул мне маленькую потрёпанную книгу, которая всё это время лежала у него под боком.

«Проклятые поэты», – значилось на обложке.

– Тут нет закладки, – замешкался я.

– Читай любое стихотворение, они все классные. – Он закрыл глаза и улёгся поудобнее.

– Шарль Кро.

...Громите мой приют, крушите этот кров,
Развейте запахи моих умерших снов.
Топчите гнёздышко – оно подобно шёлку,
И драгоценности разграбьте втихомолку.
Корёжьте, пачкайте былую благодать,
Продайте с молотка, что сможете забрать.
Пускай, коль я вернусь, безумием гонимый,
Ничто не скажет мне о прошлом, о любимой.
Пусть будет осквернён здесь каждый уголок,
Чтоб от минувшего я вылечиться смог...

Эдвард приоткрыл дверь и позвал меня, напомнив, что Скэриэлу нужен покой.

– Мы можем назваться «Союзом проклятых», – сонно проговорил Скэриэл. – Полукровки и низшие, жители Запретных земель – все мы с рождения состоим в «Союзе проклятых».

XVIII

Прошло два дня, но я всё ещё чувствовал себя не в своей тарелке. Оскар утверждал, что вся наша эпопея в Запретных землях – не более чем неудачное стечение обстоятельств. Идя на встречу с ним, я ожидал услышать неопровержимые доказательства того, что он невиновен. Я бы с большим удовольствием поверил в его искренние заверения, не будь той фотографии, на которой Оскар стоял рядом с Билли; да ещё тот злополучный конверт. Как бы я ни пытался его оправдать, мне придётся принять тот факт, что Скэриэл был прав: Оскар Вотермил хотел меня подставить.

Всё, что мне теперь оставалось, это гадать, чем я не угодил Оскару, да так, что он решил воспользоваться услугами Билли. Я всё больше склонялся к мысли, что мне нужно попасть в «Глубокую яму» и поговорить с этой девушкой. Быть может, она хоть немного прояснит ситуацию.

Непонятная ссора Оскара с Гедеоном – это отдельная тема для разговора. Мне всегда казалось, что брат не из тех, кто обижается по пустякам, – особенно учитывая, что он долгие годы дружил с Оскаром. Потому что, давайте начистоту, Гедeon и Оскар – абсолютно разные по характеру, интересам и целям. Так что всё это время я задавался вопросом: что такого сделал или сказал пьяный Оскар, что разрушило их дружбу до основания? Но мне в голову не приходило ни одной адекватной причины.

Я отбросил карандаш. Геометрия вгоняла в тоску. Дуэт Гедеоны с Оскаром вгонял в уныние. Я решил, что Оскар Вотермил для меня – пройденный этап. Как требовал брат, я больше не буду к нему приближаться и разговаривать. Сам не ожидал, но меня вдруг посетила странная мысль, что Гедеоны и Скэриэла теперь объединяла общая неприязнь к Вотермилу.

Другое дело – Люмьер Уолдин. Я не планировал с ним встречаться. Более того, я не знал, как он выглядит, у меня не было его контактов – ни малейшей зацепки на случай, если бы я действительно планировал его разыскать. Поэтому наша неожиданная встреча показалась мне подарком богов. Он – друг детства Гедеоны, недавно вернулся с севера Октавии и теперь будет учиться с братом в Академии. Казалось бы,

друзья детства снова вместе, но почему Гедеон так тяжело отреагировал?

Я с большим трудом пытался найти объяснения причин ссоры с Оскаром, но вот понять страдания Гедеона по поводу его воссоединения с Люмьером, которого я абсолютно не знал, если не брать в расчёт наши получасовые посиделки в ресторане, казалось просто невозможным.

Люмьер поддерживает наследника Бёрко, а я всегда считал этого мистического юношу неудавшейся попыткой возродить императорскую династию, пусть и всего лишь на словах. Мой отец был из числа приближённых к Лукиану Модесту Бёрко – последнему императору, но он никогда ничего об императоре не говорил.

Почти шестнадцать лет назад, зимой, Лукиан Модест Бёрко скончался, оставив императрицу, Северину Бёрко, с двумя детьми: старшей дочерью Паулиной и младшим сыном Паскалем, которому было всего десять лет. Несовершеннолетний сын не мог взойти на престол. Целую неделю никто не представлял, кто же станет новым императором.

Разбойные нападения, многочисленные убийства как чистокровных, так и полукровок, мятежи на границах, погромы в центре Ромуса – всё это продолжалось со дня смерти императора. Начальник военной полиции и близкий друг Лукиана Бёрко, Маркус Уолдин, объявил в стране чрезвычайное положение и ввёл комендантский час. Он всеми силами пытался образумить бунтующих с помощью национальной гвардии, но безуспешно. Большая часть гвардии состояла из полукровок, которые после кончины императора воспользовались смутой и отреклись от династии. Обезумевшая толпа горожан, состоящая из низших и примкнувших к ним полукровок, взяла штурмом восточный дворец, где, по слухам, последние годы жила императрица с детьми. А дальше учебники истории описывают ситуацию кратко: со смертью всех членов семьи Бёрко диктатура последней правящей императорской династии пала, и во главе страны встал новый аппарат власти – Совет старейшин.

Ни слова о том, что Северина Бёрко имела ещё одного сына. Ни одного упоминания о том, что этот ребёнок выжил. Всё это осталось на уровне городской легенды, которую любят рассказывать все, кому не лень, после пары бутылок крепкого.

Но Люмьер считал существование наследника таким же неоспоримым фактом, как и то, что Земля крутится вокруг Солнца. Его отец отдал жизнь за Лукиана Бёрко. Возможно, поэтому Люмьер верил в то, что наследник жив. Его отец умер не напрасно, если хоть один представитель семьи Бёрко ещё ходит по этой земле.

Я не знал, какую сторону принять. Мой отец входил в Совет старейшин, и центр процветал как никогда. Но в то же время Скэриэл рассказывал мне о трущобах Запретных земель. Рай и ад в одной стране. Я не сомневался в правдивости рассказов Скэриэла, но мне нужно было увидеть это своими глазами.

Люмьер упомянул Скэриэла. Стоило перестать его слушать, ещё когда он уверенно заявил, что Скэр владеет тёмной материей. Да, возможно, владеет, но на уровне полукровки. Должен ли я действительно передавать Лоу слова Уолдина о том, чтобы он был осторожнее?

Я встал, разминая затёкшее тело. С утра меня беспокоила лёгкая головная боль, но я считал, что виной тому постоянные размышления об Оскаре и Люмьере. За последние пару часов я так и не приступил к заданию по геометрии. Скэриэл задерживался уже на день. Я ждал его возвращения ещё вчера, но Скэриэл написал, что приболел и возвращение откладывается. Мне было жизненно необходимо с ним поделиться последними новостями. Я уже предвидел его недовольство по поводу моей встречи с Вотермилом, но готовился это пережить. Я крайне нуждался в том, чтобы рассказать кому-то о произошедшем, иначе, казалось, голова взорвалась бы ещё до того, как Лоу влезет ко мне в окно.

В дверь постучали.

— Господин Готье. — Голос Лоры вывел меня из размышлений. — Господин Уильям просит вас подняться к нему в кабинет.

— Хорошо, — ответил я, нахмутив брови, затем поспешно добавил: — Спасибо, Лора!

С облегчением я отодвинул пустую тетрадь. Геометрии придётся ещё подождать, пока я буду у отца. Внимательно оглядев себя в зеркале и убедившись, что отец не сможет упрекнуть меня в неподобающем внешнем виде, я вышел из комнаты.

Поднимался на третий этаж я медленно. Головная боль дала о себе знать на лестнице: я болезненно скривил лицо, опёрся на стенку,

ожидая, пока стук в висках не поутихнет, кое-как потихоньку добрался до верхнего этажа, и боль отступила. Придя в себя, я подумал о том, что нужно выпить таблетку, иначе в таком состоянии выполнение домашнего задания превратится в сплошной ад.

Перед дверью отца я набрал в лёгкие побольше воздуха, как будто это могло мне как-то помочь. Пятерней попытался пригладить и без того нормально лежащие волосы — я ведь только что видел свое отражение! — но безрезультатно. Смахнув с одежды невидимую пылинку и поняв, что просто тяну время, я постучался и вошёл. К моему удивлению, в кабинете стояли Сильвия и Кевин — оба растерянные.

Отец сидел за письменным столом недовольный и уставший. Перед ним лежала кipa документов.

— Готье, будь так добр, войди и прикрой за собой дверь.

Я опомнился и сделал так, как он велел. Теперь мы стояли втроём, словно провинившиеся ученики в кабинете строгого директора.

— Сильвия случайно обмолвилась сейчас, что Оливер Брум вместе с твоим другом лазали в окно, это правда?

Меня бросило в жар. Я бы не удивился, узнав, что моё лицо сейчас стало красным, как спелый помидор. Я пылал от стыда, как будто меня поймали за просмотром порнографии. Так вот почему отец раньше не заикался об этом, Сильвия просто не докладывала. Отнекиваться было глупо.

— Да, отец.

— Господин Уильям, простите нас, Сильвия не виновата, — вмешался Кевин. — Это я попросил её не рассказывать вам. Мальчики играли, никто не пострадал...

— Кевин. — Отец не повышал голоса, но водитель осёкся. — Ваша работа заключается в том, чтобы сопровождать моего сына, а не в том, чтобы решать, что мне докладывать, а что нет.

— Да, господин Уильям, — кивнул Кевин.

— Сильвия, вы давно служите в этом доме, и я ценю вас как хорошего работника, до сегодняшнего дня в ваш адрес не было никаких нареканий, я бы хотел, чтобы впредь вы так же и продолжали в том же духе. — Он говорил спокойно, но металлический холодок от его слов я мог почувствовать за версту. — Это ваше первое и последнее

предупреждение. В этом доме вы работаете на меня, а не на водителя или кухарку, вам ясно?

– Да, – кивнула Сильвия, не поднимая глаз. В эту секунду она была так похожа на Лору.

– Отец, это моя вина! – громко встрял я.

Я не мог стоять и смотреть, как их отчитывают на моих глазах. В чём вина Сильвии и Кевина, если это из моей комнаты устроили импровизированный форт Боярд? Именно я позволил этому случиться.

– Готье, – ровным тоном произнёс отец, посмотрев на меня. – Подожди, пока я договорю. – Он взглянул на Кевина. – Кевин, спасибо за годы, проведённые здесь, сегодня вы получите расчёт, и я попрошу вас освободить отведенную вам комнату в ближайшее время.

– Но отец! – крикнул я. – Кевин ни при чём, пожалуйста!

– Хорошо, господин Уильям, – спокойно проговорил водитель; мне показалось, что его глаза заблестели от влаги. – Спасибо вам за всё. Для меня было честью работать в доме Хитклиф. Прошу прощения за моё поведение.

– Вы оба свободны, – кивнул отец и обратился ко мне: – Присядь.

Выходя, я слышал, как Сильвия тихо всплакнула, а Кевин произнёс: «Всё хорошо, не переживай». Как только за ними закрылась дверь, я встал с кресла, во мне бурлило столько эмоций, что я не мог усидеть на месте.

– Папа, это нечестно! – Я редко называл его папой, но сейчас был не в состоянии следить за словами. – Ты не можешь его уволить!

Я был настолько взволнован, что перешёл с ним на «ты».

– Готье, – строго произнёс отец. – Я никогда не ругал тебя перед прислугой или подчинёнными. Запомни это правило. Не повышай голос при других, не выставляй ссоры на всеобщее обозрение, не давай повода судачить о себе.

Мне стоило огромных усилий не скривиться от его слов. Судачить? Да половина населения Ромуса обсуждает нас обоих, потому что ты глава банка и старейшина, а вторая половина обсуждает мою дружбу со Скэриэлом. Наша семья всегда была на слуху. О нас говорят, сплетничают, судачат, да какая, к чёрту, разница?!

– Отец, прошу вас. – Я сел на стул перед ним и подался вперёд. – Не увольняйте Кевина. Он не виноват.

– Он указывает моей прислуге, как себя вести и что мне докладывать, а что нет. Ты думаешь, я позволю такое в своём доме?

– Он не хотел, чтобы у меня были проблемы. Мы просто дурачились.

– Ты не ребёнок, Готье. – Отец встал и посмотрел на меня свысока. – Ты не должен так себя вести.

– Хорошо, я понял, простите меня, но прошу, не увольняйте Кевина, – торопливо проговорил я. – Вина в этой ситуации лежит только на мне.

– Твоя вина заключается не только в этом.

Я молчал, ожидая, что ещё он мне предъявит.

– Твоё окружение – достойнейшие люди, первые чистокровные семьи, а ты дружишь с полукровкой. Да ещё знакомишь его с другими чистокровными. Что ты в нём нашёл? Почему позволяешь ему приходить?

– Почему вы так его ненавидите? Он ничего вам не сделал, – тихо пробормотал я. Губы дрожали. Столько гневных слов могло сорваться в эту минуту.

– Он полукровка, Готье, – отчеканил отец. – Его собратья убили жену императора Бёрко. Они не оставили в живых и детей.

Я ошеломлённо уставился на отца. Как он умудрился связать убийц со Скэриэлом? Это чистой воды абсурд!

– Но в нашем доме работают полукровки.

– Вот именно, Готье, работают, прислуживают, они знают своё место, а задача чистокровных – постоянно держать их в узде. – Отец практически выплюнул эти слова.

– Вы не правы, – почти шёпотом возразил я.

– Повтори!

Я молчал и был так зол, что даже головная боль отступила.

– Ты ещё слишком юн, чтобы понимать то, что происходит в мире. Полукровки созданы, чтобы работать на нас, а не дружить с нами, и уж тем более не для того, чтобы водить их по театрам. Я пригласил тебя сюда, чтобы ты стал свидетелем того, как нужно разговаривать с полукровками в своём доме.

Чокнутый мир. Чокнутые правила. Кто их придумал? Династия Бёрко? Сейчас я ненавижу всех чистокровных и это классовое разделение. В чём их вина – что они родились полукровками

и низшими? Разве это был их выбор? Почему чистокровные ставят себя выше других? Чем мы заслужили все эти блага? Тем, что удачно родились в нужной семье? Как Скэриэл, Кевин или Джером могут быть людьми второго или третьего сорта только потому, что так решили чистокровные?

– Иди в свою комнату, – устало заключил отец, видимо, ему тоже не доставляло удовольствия ругать меня. – И подумай над тем, что я тебе сказал.

Я встал со стула, пребывая словно в тумане. Меня трясло от нахлынувших чувств. Ватные ноги отказывались слушаться.

– Готье, – голос отца остановил мои жалкие попытки открыть дверь, – я хочу, чтобы ты больше не общался с тем полукровкой. Я запрещаю тебе с ним видеться. Это для твоего же блага.

Я не знаю, как добрался до своей комнаты, как лёг на кровать, захлёбываясь слезами. Мне было так стыдно перед Кевином, что я даже не мог собраться с силами и навестить его. Впервые в жизни я боялся посмотреть своему водителю в глаза.

К вечеру моё тело предало меня. Я весь дрожал и чувствовал сильнейший озноб. Одежда не помогала. Испуганная Сильвия напоила меня тёплой водой, измерила температуру и вынесла вердикт, что я заболел. Одурманенный мозг был слишком занят борьбой с вирусом, поэтому после принятия лекарства я погрузился в тревожный сон. Во сне я видел плачущего Кевина, который отказывался со мной разговаривать, Сильвию, просящую Оливера Брума спуститься и принести мне градусник, а Скэриэл сообщал, что уезжает и мы больше никогда не увидимся.

Я проснулся посреди ночи. В комнате было душно и темно. Я скинул одеяла.

– Ты решил болеть вместе со мной? – ехидно раздалось в темноте.

– Скэр?

– Нет, Папа Римский, – хихикнул он. – Заболел?

– Ты мне снишься? Не могу понять, – протянул я, борясь с сонливостью.

Его ладонь легла мне на лоб. Я облегчённо вздохнул.

– Да ты весь горишь, – обеспокоенно произнёс Лоу. – На тебе можно яичницу жарить.

Я посмеялся, хоть это мне давалось с трудом.

– Принести тебе что-нибудь?

– Нет, просто посиди со мной, пока я не вырублюсь. Когда ты вернулся?

– Час назад. – Скэриэл уселся полубоком на полу, облокотившись на кровать.

– Сильвия рассказала отцу про тебя и Оливера.

– Что именно? – непринуждённо спросил он.

Лунный свет из окна падал на письменный стол и немного – на длинные ноги Скэриэла. Он был в порванных на коленках джинсах и разных носках. Я почти наверняка знал, что его обувь в моей ванной. Теперь он старался лишней раз не оставлять грязные следы в комнате, особенно после того, как испортил тетради, наступив на них.

– То, как вы вместе покоряли моё окно, – неохотно пояснил я.

В темноте раздался тихий смех.

– Он, наверное, рвал и метал? – весело предположил Лоу.

– Не то слово. Выгнал Кевина...

– А Кевина за что?!

– Тише ты, – шикнул я. – Он, оказывается, пытался нас прикрыть.

– Твой отец серьёзно его выгнал? – спустя пару минут молчания спросил Лоу.

– Полагаю, что да.

– Это нечестно.

– Ещё он... – Я не знал, как закончить фразу. – Был зол и на тебя...

– Сказал, чтобы ты больше со мной не общался?

– Ну... да.

– Я знал, что со временем его терпению придёт конец. И что ты решил?

– Ещё ничего...

Скэриэл вздохнул, но не произнёс ни слова. Наше обоюдное молчание давило мне на мозги, всё ещё плавящиеся от жара.

– Что ты думаешь насчёт этого? – тихо спросил я, не дождавшись ответа.

– Всё будет так, как ты скажешь. Если послушаешься своего отца, то мы закончим наше общение, я больше не буду к тебе приходить, звонить, писать, – обыденным тоном перечислял Скэриэл, как будто список покупок зачитывал. Меня это разозлило.

– Я не хочу этого, – твёрдо произнёс я в ответ.

– Тогда другой вариант. Будем скрывать дружбу.

– Так я тоже не хочу, – чуть раздражённо воспротивился я. – Я не стыжусь того, что дружу с тобой.

Я нечётко видел лицо Лоу, но мне показалось, что он улыбается.

– Готье. – Скэриэл непринуждённо положил руку рядом с моей так, что я чувствовал тепло его тела. – Всё будет так, как ты решишь. Ты мой лучший друг. Только тебе решать.

Прикрыв глаза, я проговорил:

– Я засыпаю. – Мне захотелось сменить тему, пока мы не дошли до признания в вечной любви друг к другу. – Останешься?

– Да, но уйду через... – Лоу вытащил из карманов джинсов телефон и проверил время; его лицо озарила яркая вспышка света, он выглядел уставшим, как и я. – Через четыре часа. Поставлю будильник.

– Не заразишься от меня? – спросил я, отодвигаясь.

– Вы, чистокровные, от любой мелочи болеете, – фыркнул он, снимая футболку, затем стянул джинсы. – Я уже успел в дороге подхватить заразу, но быстро оклемался.

– Как твоя поездка в школу?

– Как всегда, всё о'кей. – Он лёг на кровать и потянулся к одеялам, которые я скинул и скомкал ногами.

– Не надо. – Я слабо остановил его попытки меня укрыть. – Слишком жарко.

– Надо всё равно укрыть тебя чем-нибудь. – Он поднялся, подошёл к шкафам и принялся по-хозяйски рыться в них. – Ты прям как печка. – Он вытянул что-то и воскликнул: – Нашёл!

Через секунду я уже был укрыт лёгкой простынёй.

– Так-то лучше, – довольно проговорил он, укладываясь рядом.

– Спасибо, – сонно зевнул я. – Хотел рассказать, что произошло, пока тебя не было.

– Спи, – тихо сказал Лоу. – Завтра расскажешь.

Я закрыл глаза и моментально отключился.

XIX

Эдвард, сидевший перед Скэриэлом, достал очередную репродукцию – орёл, расправивший крылья, устремил взгляд вверх; рисунок сделан чёрным мелом – и показал Скэриэлу.

Тот довольно произнёс:

– Это точно Питер Пауль Рубенс. Кажется, «Капитолийский орёл»... Дай-ка подумать. – Он закусил губу, напряжённо рассматривая картину, затем неуверенно произнёс: – Могу ошибаться, но, кажется, тысяча шестисотый год, он тогда ещё в Италию переехал. Помню, что Рубенс много упражнялся в графическом рисунке.

Кивнув, Эдвард одобрительно прочитал из раскрытой энциклопедии по искусству, которую он использовал для того, чтобы экзаменовать Лоу:

– Тысяча шестьсот первый – шестьсот второй. Почти верно.

– Нет. – Скэриэл нахмурил брови и раздражённо бросил: – Мне нужно ещё раз повторить. Ни черта не могу запомнить даты.

– Не будь так строг к себе, – посоветовал Эдвард, доставая следующую репродукцию: корабль, тёмное море, огромные волны.

Лоу отмахнулся.

– Так, это сто процентов Рембрандт Харменс Ван Рейн.

– Почему? – наконец подал голос я. Последний час мне пришлось наблюдать за тем, как Эдвард помогал Скэриэлу заучивать названия картин. До этого я битый час слушал, как он пытался выучить наизусть первую песнь «Илиады» Гомера.

Скэриэл повернулся ко мне и с улыбкой объяснил:

– Просто это единственный пейзаж с морем у Рембрандта. А ещё эта картина была украдена в тысяча девятьсот девяностом году, и до сих пор неизвестно, где она находится.

– Не отвлекайся, – поучительным тоном произнёс Эдвард. – Как называется картина? Когда была написана?

– Дай мне секунду. – Скэриэл пристально вглядывался в репродукцию. – Вроде «Христос во время шторма на каком-то там море».

– Вспоминай название моря.

– Да я пытаюсь, – недовольно пробурчал Лоу.

– Ты сам просил быть строже, – хмыкнул Эдвард.

– Всё, что я помню, это то, что сейчас это не море, а озеро в Израиле.

– Это не ответ, – улыбнулся Эдвард, заглядывая в энциклопедию. – Могу дать подсказку.

– Никаких подсказок, – пробурчал Скэриэл. – Я сам.

Скэриэл терпеть не мог, когда ему помогали. Эдвард как-то объяснил, что у Скэриэла в самом разгаре кризис «я сам» – по-другому это называется кризисом трёх лет. Он учился как одержимый, с остервенением брался за новый материал. Казалось, что он пытался семимильными шагами преодолеть разницу между ним и чистокровными в познаниях в литературе, поэзии, искусстве, истории. В то время, как отпрысков чистокровных с детства окружала всеобщая тяга к прекрасному, им были доступны музеи, театры, картинные галереи, они росли разносторонними, у них были опытные гувернёры, репетиторы, лучшие школы и лицеи, Скэриэл мог рассчитывать только на своё упорство. Он не мог позволить себе даже усомниться, что в чём-то уступает чистокровным.

– Может, Галилейское? – предположил Скэриэл.

– Верно!

– Картина «Христос во время шторма на Галилейском море» Рембрандта. А когда написана... – Скэриэл обречённо вздохнул. – Ни малейшего понятия.

Он устало потёр виски.

– Тысяча шестьсот тридцать третий год, – закончил за него Эдвард. – Может, сделаем перерыв?

– Да, – кивнул Лоу. – Мне нужно, чтобы ты заехал в книжный. У Готье этих книг нет.

– Подготовил список? – спросил Эдвард, вставая из-за стола.

Лоу порылся в кармане и протянул помятый отрывной лист из блокнота.

– «Самоучитель по латинскому языку», – прочитал Эдвард.

– Бери всё, что будет в магазине. Готье и близнецы записались на латынь, я тоже за неё возьмусь, чтобы к поступлению в Академию не отставать по уровню.

– Понял. – Эдвард продолжил читать список. – «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте, «Грозовой перевал» Эмили Бронте, «Агнес Грей»

и «Незнакомка из Уайлдфелл-Холла» Энн Бронте. Почему так много?

– Оливия любит сестёр Бронте. Мне нужно с ней подружиться. – Скэриэл поднялся. – А то мы с ней даже толком не разговаривали. – Он направился на кухню, на ходу обратившись ко мне: – Хочу кофе. Джером, будешь?

– Нет. – Я поднялся, желая только одного – закурить.

– Не уходи далеко, – бросил мне Скэриэл. – Пока Эдварда не будет, проверишь, как я выучил начало «Илиады».

– Ладно.

– Скэриэл, – обеспокоенно начал Эдвард, – сколько ты спал ночью? Четыре или пять часов – это не сон. Ты только вчера вылез из-под капельницы.

– Да я в полном порядке, – лучезарно улыбнулся Скэриэл. – Кофе меня взбодрит.

Эдвард неодобрительно покачал головой и направился к выходу. Он всегда был недоволен, когда Скэриэл пренебрегал сном и отдыхом. Да, он не заболел, но уставал и изматывал свой организм.

– У Рембо есть прекрасные строчки на эту тему – называется «Спящий в ложбине», – хитро добавил Лоу. – Хотите немного послушать?

– Ну, давай, – согласился Эдвард, накинув пальто.

Я подошёл ближе, чтобы тоже послушать. Всё, что так любил Скэриэл, было для меня абсолютно непонятным. Каждый раз, когда он заводил разговор о художниках или древнегреческих мифах, уходил в исторические дебри, предавался философским размышлениям, цитировал любимых поэтов, я чувствовал себя самым ничтожным тупицей во всём мире; в такие минуты в моей пустой голове ветер одиноко гонял перекасти-поле. Я представлял себя рыбой, которая только и может, что беспомощно открывать рот. Хотя мои познания в поэзии были равны нулю, да я и не стремился это как-то исправить, мне нравилось смотреть, с каким удовольствием Скэриэл выступает перед нами.

Спит молодой солдат, открыв по-детски рот
И в клевер окунув мальчишеский затылок,
Спит, бледный, тихо спит, пока заря встаёт,
Пронзив листву насквозь, до голубых прожилок.

Эдвард слушал, стоя в холле. На его лице заиграла улыбка, как будто он действительно был родным дядей, наблюдающим за тем, как племянник декламирует стихотворение из школьной программы.

Согрей его, земля, в своих горячих травах!
А ты, цветочный дух, ноздрей его не тронь:
Он спит. И на груди его ладонь –
Там, с правой стороны, где два пятна кровавых.

– Скэриэл, – недовольно поморщился Эдвард.

Лоу заливисто засмеялся, по достоинству оценив реакцию Эдварда.

– Это правда стихотворение о сне, – попытавшись унять смех, проговорил он. – О нескончаемом спокойном сне, к которому мы все когда-нибудь придём.

– Джером, не слушай его, – предупредил Эдвард, выходя из дома.

– У Рембо есть другое стихотворение, ещё лучше этого, называется «Срам»! – крикнул ему вдогонку Скэриэл.

– Упаси боже, я не буду это слушать. – Эдвард захлопнул дверь, оставив нас двоих в холле.

Довольный Скэриэл лёгкой походкой вернулся на кухню. В приподнятом после выступления настроении он поставил турку на минимальный огонь и потянулся к верхнему шкафчику за кофейными зёрнами.

– Давай по чашке кофе? Это настоящий кофе, а не тот, что в пакетиках, который ты привык пить, – дружелюбно предложил Лоу.

– Хорошо. – Его весёлое настроение передалось и мне. – Какие планы на завтра?

– О, – повернулся ко мне Скэриэл; его улыбка на мгновение сменилась озадаченным выражением лица. – Забыл тебе сказать. Завтра ребята придут к нам готовить проект по Французской революции.

– Ясно. – Настроение моментально упало.

– Не хандри, – повернувшись к плите, произнёс он. – Можешь побыть с нами, если хочешь.

– Я буду с Эдвардом на втором этаже.

– Он сегодня вечером уедет к Ноэлю. – Скэриэл завис на секунду, упоминание Ноэля далось ему с большим трудом.

Я промолчал. Скэриэл больше не пытался со мной заговорить.

– Я сейчас рехнусь! Ещё раз. – Закрыв книгу, Скэриэл процитировал по памяти первые строчки:

Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, Грозный, который ахейцам тысячи бедствий соделал...

Он сбился ближе к середине первой песни «Язва. Гнев».

Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий: «Царь, облечённый бесстыдством, коварный душою мздолюбец!»

– Мздолюбец, – недовольно повторил Скэриэл, затем добавил сам себе: – Почему нельзя просто сказать «взяточник»... Наверное, это как-то испортит рифму или стиль...

Я ничего не ответил. Иногда он ворчал, если материал отказывался задерживаться в его голове дольше, чем на десять минут. Скэриэл быстро всё схватывал, но и у него были неудачные дни, когда мозг не воспринимал заученное. В такие моменты Скэриэл становился зверски раздражительным, и я предпочитал не попадаться под горячую руку.

– Нет, я не могу так. Мне надо закурить.

Он поднялся с дивана, пятернёй зачесав чёрные как смоль волосы, и направился к столу. Без особого интереса я листал «Илиаду». Я не мог понять и половины слов, тем более уловить ритм повествования. Скэриэл вернулся с сигаретами и выбил мне одну из пачки.

– Ты в последнее время тихий. – Он уселся на диван, поджав под себя ноги, и прикурил. – Что-то случилось?

– Нет. – Я отложил книгу в сторону.

– Тебя что-то беспокоит? – не унимался Скэриэл, внимательно разглядывая мой профиль, отчего я смутился и опустил голову, пряча глаза за длинной чёлкой.

– Просто. – Я неловко почесал шею; под этим пристальным взглядом мне было неуютно, как будто Скэриэл читал меня как открытую книгу. – Ты мне ничего не рассказываешь о своих делах, как продвигается общение с чистокровными, как... – Я поднял глаза,

поймал заинтересованный взгляд Скэриэла и сбился с мысли. – Ну, и как всё остальное тоже.

Он усмехнулся, выпустил сигаретный дым и придвинулся ближе.

– Я ничего не скрываю от тебя, Джером. Ты можешь задавать любые вопросы. Дела под контролем, с чистокровными тоже все в порядке, мы на этапе активного сближения, и Готье мне очень в этом помог.

Я нахмурился при упоминании Хитклифа. Ничего не мог с собой поделаться. Из всех знакомых чистокровных его я ненавидел больше всего. Скэриэл незаметно придвинулся ещё ближе, почти прошептал на ухо:

– Смотри, что я заметил, – и прикоснулся ладонью к моей щеке. По коже побежали мурашки, а я мигом, сам от себя не ожидая, потянулся за теплом его руки. – Тебя тянет ко мне, – томно закончил он, а затем захихикал: – Ты иногда выглядишь как влюблённая девица.

– Что? – удивлённо спросил я, отпрянув.

– Это побочные эффекты от клятвы на крови. – Он выпустил дым в сторону. – Клятвой раньше пользовались возлюбленные. Прикосновения теперь как наркотик.

Я ссутулился, попытался отодвинуться, сгорая со стыда.

– Заметил недавно, но убедился, когда ты держал меня за руку. – Скэриэл вернулся на своё место. – Когда я под капельницей лежал.

– Ты тоже это чувствуешь? – совладав с голосом, вымолвил я.

– Да, – кивнул он. – Этого эффекта могло и не быть. Насколько я помню, в одной книге говорилось, что если человек до ритуала не испытывает никаких чувств, то они не возникнут и после. Я, конечно, не стал бы на сто процентов верить книге, потому что там много всякого бреда написано, но мне было интересно, какая будет реакция, если человек испытывает чувства.

Он говорил о чувствах, как учёный рассуждает о формуле. Я, испуганный тем, что мог как-то выдать себя, до последнего скрывал влюблённость в Скэриэла, но он спокойно говорил об этом, словно мы обсуждали прогноз погоды.

– Ты догадывался о моей симпатии до клятвы? – собравшись с силами, напрямую спросил я. Сигарета тлела в руках. Я затаился только один раз.

– Да, – беззаботно ответил Скэриэл, затушив сигарету. – Но я не изверг, Джером. – Он серьёзно посмотрел на меня. – Я не играю с твоими чувствами, или что ты там мог себе надумать.

– Я ещё ничего не думал, – тихо проговорил я в ответ, тоже затушив сигарету.

Скэриэл настолько хороший актёр, что сложно усомниться в его искренности. Я никогда не понимал Скэриэла до конца, даже если он честно отвечал на самые каверзные вопросы. Он был манипулятором, прекрасно игравшим на чужих чувствах. Но я не раз задавался вопросом, кто из нас более мерзок? Он, который душит людей, пользуясь ими, или я, знающий о его способностях, но всё равно следующий за ним?

– Вот и хорошо, потому что мы связаны клятвой, чувствами и долгом. Ты моя правая рука, я без тебя не смогу в Запретных землях.

– Почему именно я?

– А почему нет? – с довольной усмешкой парировал он.

– И всё же... ответить.

– Ты ответственный, выполняешь все мои поручения, несмотря на то, что ненавидишь центр и боишься постовых. Я могу тебе доверять, и это не из-за клятвы. Ты преданный. У тебя была сотня возможностей уйти из этого дома до того, как мы совершили ритуал, но ты всегда оставался.

– И теперь я никуда не уйду, – мрачно закончил я, рассматривая свои руки. Клятва на крови не позволит мне покинуть Скэриэла.

– Тебе и не нужно уходить. Твой дом здесь.

«Теперь мой дом там, где ты», – хотелось мне добавить, но я промолчал.

– Иди сюда, – проговорил Скэриэл, протягивая ко мне руки.

Я неловко застыл, наблюдая за тем, как Скэриэл предлагает мне обняться, затем медленно приблизился. Он сгрёб меня в охапку, уткнувшись в шею. Меня бросило в жар от его прикосновений. Сердце готово было выпрыгнуть из груди и сделать тройное сальто. Я никогда не испытывал такого, но готов был продать душу дьяволу, лишь бы Скэриэл не отпускал меня.

– Получше? – Его горячее дыхание действительно обожгло мне ухо или это было только плодом моего воображения?

– Да, – тихо сказал я, сжимая его сильнее.

– Так что тебя беспокоит?

– Ничего. – Мой мозг находился словно под наркотическим опьянением, мысли разбегались в разные стороны; я держался из последних сил, чтобы не залезть к нему под футболку.

– Но я же вижу, что это не так, – тепло отозвался Скэриэл. Он мастерски вил из меня верёвки.

– Я злюсь... – собравшись с мыслями, произнёс я, – когда ты уходишь к чистокровному.

– Джером, ты должен понимать, что Готье нужен нам, – устало выдохнул он, как будто объяснял прописные истины.

Скорее нужен тебе. Я закусил губу, уткнувшись ему в шею. Скэриэл погладил меня по спине, а я готов был возненавидеть себя за то, что утром надел толстовку.

– Ты предложишь ему клятву на крови?

– Пока не знаю. Не в ближайшее время. Сейчас очень сложно сказать, что будет дальше. Его отец запретил нам дружить.

– Разве это проблема для тебя? Ты можешь заразить его, – проговорил я, сам толком не понимая, что несу, но в эту секунду Скэриэл отпрянул, крепко сжав мои плечи.

– Ты думаешь, это так легко – убить кого-то? – произнёс он, грозно нахмурив брови. – Смерть Уильяма Хитклифа только ухудшит ситуацию. Если Готье потеряет отца, то его и Габриэлла, как несовершеннолетних, отдадут под опеку родственникам. Гедеон не сможет один их вытянуть. Есть большая вероятность, что Готье придётся переехать, и тогда весь мой план пойдёт насмарку.

– Прости, я не подумал об этом.

– Я знаю, что тебе не нравится Готье, но не надейся на глупостей, – сурово произнёс Скэриэл, отсаживаясь от меня. – Вся семья Хитклиф важна для того, чтобы мой план сработал.

– Кто-то... – неуверенно начал я. – Кто-то уже пытался заказать его отца?

Скэриэл кивнул и медленно улёгся мне на колени.

– И что ты сделал? – Я нерешительно дотронулся до его волос, отчего Скэриэл зажмурился, как довольный кот.

– Соврал, что выполнил задание. Заказчик думает, что Уильям Хитклиф умрёт через год или полтора.

– Но что будет, когда обман раскроется?

– К этому времени сам заказчик умрёт, – довольно улыбнулся Скэриэл. Его голова покоилась на моих коленях, а я нежно гладил его по волосам, и этот момент показался мне самым интимным между нами.

– Ты не боишься, что кто-нибудь узнает о том, что ты не выполнил задание?

– Если узнают, то убьют меня. Пуля в лоб или ножом по горлу, – сонно проговорил Скэриэл. – Я не бессмертный. Мне, как переносчику смерти, не страшно умирать. И на моей могиле можно будет написать: «Прекрасный лицом, гнусный душою», как Карамзин писал про Фёдора Басманова, – зевнул он и добавил: – Это фаворит Ивана Грозного.

Я в очередной раз не понял, о ком он говорил, но сейчас меня это не тяготило. Кажется, отсутствие полноценного сна дало о себе знать.

– Ты правда красивый, – невольно проговорил я, продолжая гладить засыпающего Скэриэла.

– И душа у меня правда гнусная, – усмехнулся он, не открывая глаз.

– Господин Готье, Кевин сейчас собирается уезжать, – приоткрыв дверь, тихо сообщила Сильвия. – Быть может, вы хотите попрощаться с ним?

Я притворился спящим, потому что не знал, как реагировать на это известие. Она постояла ещё секунд десять в дверях, раздумывая, разбудить меня или оставить всё как есть. Мысленно я молил, чтобы она поскорее покинула мою комнату. Сильвия вздохнула и прикрыла дверь, оставив меня один на один с тяжёлыми думами. Меня бросало в дрожь, и я не мог понять, было ли этому виной моё скверное состояние, ведь вечером я слёг с температурой, или мне просто стыдно, потому что увольнение Кевина оставалось на моей совести.

Часовая стрелка приближалась к девяти, а я целенаправленно прогулял сегодня лицей. В другие дни я и помыслить не мог, что пропущу занятия, даже если бы лежал на смертном одре, но вчерашний несправедливый поступок отца выбил меня из колеи. И всё же я хотел увидаться с Кевином и извиниться. Ни за что не прощу себе, если он оставит дом, не выслушав мои никчёмные извинения, которые, как мы оба понимали, ничего не изменят.

Я поднялся с чугунной головой. Ослабленное тело предательски дрогнуло, но я вылез из тёплой постели, натянул свитер и брюки, удачно попавшиеся под руку, затем выглянул в окно и увидел, что Кевин стоит у ворот и разговаривает с Сильвией, Кэтрин и Фанни. Рядом с ним стоял небольшой потрёпанный чемодан.

Я выбежал из комнаты настолько быстро, насколько позволяло моё состояние. К тому моменту, когда я оказался на улице, прошло, по моим ощущениям, не меньше часа, но, конечно, это было лишь моё воображение. Кевин выглядел поникшим, но героически пытался выдавить жалкое подобие улыбки; женщины открыто лили слёзы. Подойдя ближе, я заметил, что у Кевина тоже глаза на мокром месте.

– Господин Готье, – тихо ахнула Сильвия, как будто для неё моё появление было сравнимо с явлением Христа народу.

– Вы не дадите нам поговорить? – с надеждой спросил Кевин. Женщины понимающе кивнули и удалились. Теперь я понял, что не знаю, с чего начать. Пока я собирался с мыслями в комнате, мне

хотелось многое сказать Кевину, но, оставшись с ним наедине, я стоял и, как рыба, нелепо ловил ртом воздух.

– Господин Готье, – начал Кевин.

– Пожалуйста, просто Готье, – поправил я его. Технически он больше не работал на мою семью и мог обращаться свободно.

Он улыбнулся и продолжил:

– Спасибо, что вышел со мной попрощаться. Я до последнего надеялся, что увижу тебя перед тем, как уеду.

Я с силой закусил губу.

– Мне очень жаль, что так вышло. Это только моя вина, – торопливо проговорил я, уставившись себе под ноги; поднять глаза было стыдно. – Я один виноват в том, что позволил Скэру и Оливеру вылезти в окно. Я виноват в том, что отец тебя отчитал. И только я виновен в том, что тебя уволили.

– Может, ты возьмёшь на себя ещё и Великий пожар в Лондоне? – с лёгкой усмешкой произнёс Кевин. – Постой, не ты ли тот сноб-профессор, который не пропустил Гитлера в художественную академию и сподвиг его на то, чтобы взяться за политику?

Я в недоумении уставился на Кевина. Он рассмеялся и потрепал меня по волосам.

– Ты хороший парень, Готье, и я был очень рад работать с тобой, – произнёс он, немного помолчал и добавил: – Я скажу это только один раз. Ты должен перестать брать на себя вину за ошибки других. Это так, тебе на будущее. Ты ещё слишком юн и можешь всё понимать буквально, винить себя или чувствовать, что происходит несправедливость. Это нормально. Но в сложившейся ситуации нет одного виноватого. Это просто неудачное стечение обстоятельств. Не злился на отца, он делает то, что считает правильным. Нельзя научить старую собаку новым трюкам.

– Но... ты ни в чём не виноват.

– Готье, ну что ты заладил, – мягко пожурил меня Кевин. – Если тебя это успокоит, то я виноват в случившемся больше, чем ты. Я закрыл глаза на ваши игры, уговорил Сильвию молчать. Ты ещё такой ребёнок, Готье, хоть и пытаешься вести себя как наследник семьи Хитклиф. Между нами говоря, я бы хотел, чтобы ты вёл беззаботную жизнь.

– Я бы тоже, – выдохнул я в ответ.

– Столько раз я прикрывал его ночные визиты к тебе, – произнёс он, отчего я покраснел.

Такси подъехало к воротам, и Кевин подхватил свой чемодан.

– Мне пора, – нехотя сказал он, направляясь к машине. – Не грусти, Готье, и, ради бога, не вини себя.

– Куда ты сейчас? – Я последовал за ним.

– Помнишь моего двоюродного брата Тома? Поживу у него недельку-другую. Забегай к нам, если будет время.

– Обязательно! – горячо заверил я. – Навещу вас.

Кевин отдал чемодан водителю, чтобы тот положил его в багажник. Сам он сел позади водительского места и опустил стекло. Я настолько привык к тому, что он за рулём, что теперь смотреть на Кевина-пассажира было непривычно. Я обошёл машину и подошёл к открытому окну.

– Готье, беги в дом, а то опять поднимется температура. До скорой встречи, приятель.

– До скорой, – кивнул я, провожая взглядом уезжающее такси.

Домой я вернулся в ещё более унылом настроении, чем раньше. Сильвия с Лорой протирали пыль в гостиной. Обе выглядели поникшими. Лора с заплаканными глазами и красным носом то и дело тыльной стороной запястья утирала слёзы. Обычно во время подготовки с кухни раздавались весёлые голоса Кэтрин и Фанни, но сейчас женщины в тишине чистили овощи. В этом эпицентре тоски и печали я ощутил себя главным виновником происходящего. Я понимал, что все они погружены в тяжёлые мысли о расставании с Кевином, и оттого чувствовал себя настоящим засранцем.

Как исправить эту ситуацию? Как вернуть Кевина домой? Отец не слушал меня вчера и не послушает сегодня. Кевин был прав, нельзя научить старую собаку новым трюкам. Отец всю жизнь имел чёткое предубеждение против полукровок и низших, и я не мог изменить его за один день.

Я вернулся в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней спиной. Что теперь делать? Как я могу нежиться в постели, когда Кевин потерял работу? Как я могу не винить себя, если стал главной причиной его увольнения? При мысли об отце меня переполнил такой гнев, что он мог бы посоперничать с яростью Гедеона. Но я не стал крушить свою комнату. Эта одежда, вещи, книги, кровать – всё куплено на деньги

отца. Я считал, что будет низко ругать Уильяма Хитклифа и продолжать пользоваться предоставленными им благами. В этой комнате не было ничего заработанного мной, а следовательно, я мог уйти налегке.

Так я принял решение покинуть дом. Отец не может выгнать меня, значит, я уйду сам в знак протеста против того, что он несправедливо выгнал Кевина. В тот момент это казалось мне самым верным решением. Сбежать из этого дома – значит отказаться от правил отца и следовать своим принципам.

Сейчас или никогда.

Всё это казалось минутным помутнением рассудка, но если я не совершу побег сейчас, то не решусь никогда. Что значит жить без семьи? Скэриэл живёт с дядей, но у них не такие напряжённые отношения, как у нас.

Отца и Гедсона не было дома, они вместе уехали час назад. Я слышал их голоса, лёжа в кровати, притворился спящим, лишь бы не видеться ни с кем утром. И не пришёл к завтраку. Будь моя воля, я бы с удовольствием избежал обеда и ужина в этом доме.

Надев кеды и спустившись вниз, я накинул лёгкую куртку и вышел из дома. Меня никто не остановил. На последние пару купюр, найденные во внутреннем кармане куртки – я почти не пользовался наличными, – мне удалось поймать такси. Ехал я недолго, бессмысленно наблюдая за мелькающими за окном домами.

Я ушёл, никого не предупредив, сам поймал такси, что было для меня в новинку. Считалось ли это полноценным побегом? В подростковых сериалах всё выглядело намного увлекательнее. Но в сериалах сбегали от пьющих родителей, от абьюзивных отношений. Я же сбегал от несправедливости. Не хотелось думать о последствиях. Я не взял с собой ни телефона, ни кредитки, с наличными было туго: последние деньги уйдут водителю, – и всё же я чувствовал себя свободным.

Подъехав к дому, я грузно вылез, ощущая, насколько вялое и тяжёлое у меня тело. По-хорошему, будь я послушным мальчиком, я бы выпил таблетки, поел и забылся тревожным сном, но вместо этого стою у дома Скэриэла.

Дверь мне открыл Джером. Он устало выдохнул, впустил внутрь, ни слова не сказав, и поднялся на второй этаж. Один из его радушных приёмов. Я стянул кеды, повесил куртку на крючок и прошёл вглубь.

– Разве тебе не прописали постельный режим? – спросил Скэриэл, полулёжа на диване. Рядом с ним «Илиада» Гомера. Кажется, я прервал чтение.

– Я ушёл из дома, – выпалил я и уселся рядом.

– Постой. – Он протянул ко мне руку и потрогал лоб. – Температуры нет, уже хорошо, но, кажется, у тебя поехала крыша.

– Кевин уехал, и я решил уйти следом. Не могу находиться в этом доме.

– Не лучшая твоя идея. – Скэриэл сел рядом и внимательно посмотрел на меня. – Ты болеешь, но вместо того, чтобы отлежаться, решил назло всем показать, кто в доме хозяин?

– О чём ты? – недовольно произнёс я. – Отец уволил Кевина! Из-за меня. Поэтому я больше не вернусь домой.

– Голоден? – внезапно спросил Скэриэл. Я отрицательно помотал головой. Он продолжил заботливым голосом: – Болит что-нибудь? Может, дать аспирин?

– Я в порядке.

– Тогда отдохни, можешь оставаться у меня сколько захочешь, но сначала ты предупредишь своих, что находишься здесь.

– Какого чёрта, Скэр? – грубо бросил я. – Ты оглох или что? Отец несправедливо уволил Кевина...

– И ты решил вот так наказать отца? Ведь знаешь, что он тебя любит, поэтому уволил Кевина.

Я чуть не задохнулся от негодования. Да что не так со Скэриэлом? Я думал, он будет рад тому, что я ушёл из дома, ведь теперь мы могли вместе проводить всё свободное время.

Скэриэл закурил и выпустил дым в сторону.

– Послушай меня, Готи, – спустя минуту начал он. – Если бы отец тебя выгнал на улицу, то это одно, в таком случае я бы сам тебя забрал к себе, но сейчас ты совершаешь самую глупую выходку в своей жизни. Вечером ты уже будешь жалеть об этом. Ты – прихотливый цветок, который с любовью растили в ухоженном саду, и сейчас ты хочешь перебраться в заброшенный парк к сорнякам. Я тебе этого не позволю.

– Но...

– Своим уходом из дома ты только усложнишь отношения с отцом и старшим братом. Тебя вернут силой, по закону ты не можешь жить как тебе заблагорассудится, вернут – и это вопрос времени. После

такого дом покажется тебе тюрьмой, твои отношения с семьёй накалятся. Посмотри на меня. – Скэриэл выдохнул новую порцию дыма и повернулся ко мне. – Можешь считать меня предателем, ведь я не поддерживаю твоё желание уйти из дома, но я твой друг и хочу, чтобы ты не шёл по этому пути – не теряй семью, пока она у тебя есть. Не ставь свои обиды выше неё.

– Скэр, – с трудом вымолвил я. Не это я ожидал услышать от него.

– Вспомни, – чуть тише продолжил он, – Гефестион прекрасно понимал, что Александр жил меж двух огней: с одной стороны – его отец, Филипп, с другой – Олимпиада. И Гефестион до последнего не выступал против его родителей, не лез в их отношения, понимая, что семья важна.

– Опять ты про Александра Македонского, – недовольно проговорил я, поднявшись. Мне показалось, что меня, словно маленького щенка, ткнули носом в оставленную лужу.

– Я веду к тому, что не позволю никому разрушить твою семью, даже тебе самому.

– Я ожидал услышать, что ты поддержишь меня и разрешишь жить с тобой, – стыдливо произнёс я. – Не знаю, что и делать теперь.

Скэриэл затушил сигарету и тоже встал. Он приблизился ко мне, положил руки на мои плечи и, слегка наклонившись, проговорил:

– Ты думаешь, мне легко даются эти слова? Конечно, я хотел бы жить с тобой, и я очень рад, что ты приехал именно ко мне. – Он серьёзно посмотрел на меня. – Но как настоящий друг, которому важно, чтобы у тебя всё было хорошо, я не хочу, чтобы ты совершал необдуманные поступки, причём на следующий день после того, как тебя всю ночь знобило и колотило от температуры.

Лоу улыбнулся.

– Тебе нужно перекусить и поспать. Оставайся у меня, но, хочешь ты того или нет, я сообщу Сильвии, что ты здесь. Садовникам нужно знать, где находится их цветок.

– Мне больше нравилось, когда ты сравнивал меня с Македонским. Он, кстати, тоже сбегал от отца.

Скэриэл рассмеялся, направляясь на кухню.

– Ну ты, конечно, сравнил. Одно дело, когда Филипп при всех соглашается, что Александр не его сын, тем самым оскорбляя его

и Олимпиаду, а другое дело, когда ты впервые получил взбучку от отца и сбегашь из дома.

Было обидно, но я промолчал. В глубине души я понимал, что Скэриэл говорит правильные вещи, но я всё ещё был зол на отца.

Мы перекусили тостами с джемом, и Скэриэл настоял на повторном измерении температуры, хотя я чувствовал себя лучше.

– Мне так будет спокойнее, – добавил он, когда я в итоге согласился.

Джером спустился через час и застал нас на диване. Я засыпал, а Скэриэл вслух читал «Илиаду», но умолк, когда низший подошёл ближе.

– Что с ним? – шёпотом спросил Джером. Я притворился спящим.

– Немного простудился, – тихо ответил Лоу.

– Останется здесь?

– Если захочет, то да.

Джером замолчал, повернулся и поднялся обратно в свою комнату. Я не заметил, как заснул.

Меня разбудило тёплое прикосновение к плечу. Тихий голос Скэриэла раздался сверху.

– Просыпайся, Готи. – Он пару раз несильно сжал моё плечо, и мне с трудом удалось разлепить тяжёлые веки. – Я предупредил Сильвию, она разрешила привести тебя вечером.

Я нехотя поднялся. К моему удивлению, диван здесь показался мне намного удобнее, чем собственная кровать. Оглядевшись, я заметил, что за окном уже темнеет.

– Который час?

– Около шести. Ты проспал почти весь день. Как себя чувствуешь?

– Хм. – Я потянулся. – Отлично.

– Круто, – радостно отозвался Скэриэл.

Я протёр глаза и ещё раз осмотрел Скэриэла. Сначала я решил, что спросонья мне показалось, но теперь убедился, что Лоу был одет в белую рубашку, выглаженные брюки и начищенные туфли. Умыт, причёсан – просто с обложки глянцевого журнала.

– Ты куда так вырядился? У тебя свидание?

Он рассмеялся громко, не в силах сдержаться.

– Ага, – сквозь смех проговорил он. – С твоим отцом свиданка.

Я непонимающе уставился на него. Казалось, мне снится бредовый сон, я совершенно не понимал, что происходит. Видимо, выглядел я потерянным, потому что Скэриэл сжалился надо мной:

– Мы с Эдвардом отвезём тебя домой, и я хочу уже познакомиться с твоим отцом.

– Что?!

– Пора нашим отношениям стать официальными, – полушутя проговорил Скэриэл, поправляя причёску. В его глазах прыгали лукавые искорки.

– Перестань шутить и скажи нормально, – недовольно бросил я.

– О'кей, не злись, – добродушно произнёс он. – Я понял, что тебе важно, как твой отец относится к полукровкам, поэтому хочу лично приехать и представиться ему. Он был против нашей дружбы, а я заслужу его доверие. Это намного лучше, чем убегать из дома и окончательно портить ваши отношения.

– Я не готов, – буркнул я.

– Чего? – Брови Скэриэла взметнулись вверх. – Что, прости?

– Мне нужно морально подготовиться, мне кажется, сейчас не то время, чтобы... – Я пытался подобрать слова. – Чтобы делать всё официальным.

– Да я тебе сейчас в глаз дам, – недоумённо проговорил Скэриэл. – Я тут, блин, уже два часа морально готовился к встрече с твоим отцом, пока ты дрых. Ты чего там удумал? Думаешь, я тебя в мужья беру, что ли? Чего тебе готовиться? Это с меня твой отец хочет шкуру содрать.

– Ладно, – с улыбкой произнёс я, заваливаясь обратно. – Ну, если ты уже всё решил, то сам и съезди, поговори с ним, буду ждать тебя здесь с новостями.

– Да я тебя сейчас придушу. – Скэриэл набросился на меня с подушкой. – Совсем уже кукухой поехал.

Я истерично смеялся, пытаюсь отбиться от него. Он навалился на меня всем телом так, что я уже мысленно сожалел о его безупречном внешнем виде, ведь через минуту он будет снова выглядеть как обычно. Мы толкались, щипали друг друга, щекотали, в какой-то момент он придавил меня, и я не мог пошевелить руками.

– Хорошо, сдаюсь! – хрипло проговорил я, продолжая хихикать.

Скэриэл тяжело дышал, как после бега. Он поднялся, и я смог перевернуться и посмотреть на него: взлохмаченные волосы, красные

щёки, помятая рубашка.

– Ну вот, теперь ты выглядишь как обычно, – порадовался я. – А то вырядился, мне аж неловко стало.

– Доволен? А как твой отец будет доволен... – Скэриэл попытался поправить волосы.

– Я не хочу, чтобы ты играл перед ним роль. Если ты не понравишься ему таким, какой ты есть, что ж, это будет его упущение. Ты никому ничего не должен. – Я поднялся, чтобы привести в порядок одежду.

Скэриэл уставился на меня, как будто впервые увидел.

– Что? – не понял я.

– Да вот думаю, как в этой голове одновременно умещаются такие умные мысли, при том, что ты сбегашь из дома, как только запахло жареным. – Скэриэл хитро прищурился, как бы прицениваясь ко мне.

– Иди знаешь куда? – весело произнёс я.

– Не знаю, просвети, – игриво ответил он.

– В жопу иди со своими выводами. – Я толкнул его, да так, что он отшатнулся, а затем бросился бегом на второй этаж, смеясь как полоумный.

– Ах ты, засранец, погоди. – Скэриэл кинулся за мной вдогонку.

Я не хотел ехать домой и пытался растянуть нашу игру, как мог.

По дороге домой Эдвард рассказывал забавные истории из детства Скэриэла. Я не вслушивался, но был благодарен ему за то, что он пытался таким способом меня отвлечь. Ехали мы недолго, и я занервничал, как только увидел свой дом. Видимо, я нервозно отбивал ритм ногой и понял это, когда Скэр опустил ладонь мне на колено и ободряюще улыбнулся. Меня штормило, как будто бы я нервный маршал Эдвард Дэниелс^[4], страдающий морской болезнью.

Подъезжая, Скэриэл обратился к дяде:

– Тебе нужно уезжать по делам, верно?

Тот кивнул.

– Вы должны зайти к нам, Сильвия ждёт нас к ужину, – поспешно добавил я.

– Простите, но меня правда ждут дела, – тепло отозвался Эдвард.

Мы вышли из машины. Дул холодный осенний ветер, всё сильнее чувствовалось приближение зимы.

На первом этаже во всех комнатах горел свет. Я увидел в окне кухни, как Кэтрин торопливо готовится подавать к столу горячее.

– Ты как? – спросил Скэриэл, после того как коротко помахал Эдварду на прощание. На Лоу было чёрное классическое пальто, совсем новое, прежде я его не видел. Он снова пригладил волосы.

– Стрёмно немного, – честно ответил я. Дома находились отец с Гедеоном, зуб даю, они оба злились на меня за утренний побег. Габриэлла ещё была на занятии по хореографии.

– Ничего, уверен, твои всё поймут. Я с тобой, – заверил Скэриэл. Из рта у него валил пар. Чуть погодя он предложил: – Пойдём, а то опять заболеешь.

Мы подошли к дому, но не успел я нажать на дверной звонок, как перед нами в проёме внезапно появился отец.

Он был зол как тысяча чертей. Видно, что он до последнего сдерживал гнев, чтобы сполна излить его на меня.

– Отец...

Хотелось чем-нибудь заполнить давящую тишину.

– Войди в дом, Готье, – металлическим голосом приказал он, пропуская меня вперёд.

– Добрый вечер, мистер Хитклиф, мне очень жаль, что так... – виновато проговорил Скэриэл, но его грубо перебили.

– Кто ты такой, чтобы я выслушивал тебя?

– Простите? – опешил Скэриэл.

Я ошеломленно уставился на отца, перекрывшего Скэриэлу дорогу в дом.

– Ничтожный полукровка, ты забыл своё место? – гнул свою линию отец.

– Постойте. – Я хотел встать между ними, но он не глядя оттолкнул меня.

– Готье, – раздалось сбоку.

Я оглянулся. Гедеон нахмурился, следя за происходящим.

– Поднимайся в свою комнату, – торопливо приказал он.

– Нет! – выкрикнул я и снова попытался пролезть мимо отца. – Пожалуйста, выслушайте меня. Скэриэл не сделал ничего плохого.

– Ты думаешь, я сяду за одним столом с полукровкой с Запретных земель? – спросил отец; непонятно было, к кому именно он обращается.

– Мистер Хитклиф, позвольте вам всё объяснить. – Скэриэл поднял руки с раскрытыми ладонями на уровне груди, стараясь успокоить Уильяма Хитклифа. – Я не причиню вреда вашему сы...

– Ты больше никогда не придёшь сюда, слышишь? Не появляйся в моём доме, иначе у тебя будут проблемы, гарантирую. – Отец угрожающе вытянул руку; сгусток тёмной материи в виде шара образовался на его ладони. – И ты больше не будешь общаться с моим сыном.

Скэриэл испуганно посмотрел на шар, который стремительно увеличивался.

– Нет! – Я ухватился за протянутую руку, с силой потянул её вниз, сбивая его концентрацию. Сгусток тёмной материи растворился в воздухе.

Отец оттолкнул меня сильнее, чем я мог себе представить. Я почти завалился на бок, но кто-то подхватил меня.

– Цел? – спросил Гедеон.

– Ага, – буркнул я, поднимаясь и высвобождаясь из его крепкой хватки.

– Мистер Хитклиф, я клянусь вам, что... – осторожно заговорил Скэриэл, медленно приближаясь. Он с волнением посмотрел на меня.

– Замолчи! – взревел отец. Я не узнавал его таким. Он замахнулся и отвесил Скэриэлу звонкую пощёчину. Голова Лоу мотнулась вбок. Мы все застыли в оцепенении.

Я видел, как руки Скэриэла сжались в кулаки. Он сдерживался. Гедеон отчеканил:

– Достаточно.

Отец пренебрежительно вынул из кармана белоснежный платок, картинно вытер им руку, которой дал пощёчину, и бросил платок в ноги Лоу.

Скэриэл медленно поднял голову, и только сейчас мы увидели, что у него разбита губа. Несколько кровавых капель осталось на подбородке. Он небрежно провёл тыльной стороной ладони по лицу, стирая кровь. Его взгляд был похож на взгляд хищника, готового наброситься в любую минуту.

– Скэр, – тихо выдавил я.

– Всё нормально, – ответил он, глядя прямо на моего отца. – Я в порядке. Рука чистокровного слишком нежна для того, чтобы давать пощёчины. Лучше продолжайте запугивать тёмной материей.

Он улыбнулся, но эта улыбка больше походила на оскал. Его зубы были в крови. Он демонстративно собрал во рту слюну и смачно плюнул в сторону.

– Я подвезу тебя, – внезапно предложил Гедеон.

– Не смей, – снова взревел отец, поворачиваясь к моему брату.

– Он ребёнок, – холодно парировал тот.

– Он полукровка.

Скэриэл молча развернулся и пошёл к воротам. Я ринулся за ним, надеясь проскочить, пока отец с братом прожигали друг друга взглядами, но отец вцепился в мою куртку.

– Вернись, кому сказано!

– Нет, нет, нет! – Я бился в истерике, впервые открыто отталкивая родителя. – Иди к чёрту! Отпусти меня!

Удаляющаяся спина Скэриэла действовала на меня как красная тряпка на быка.

Отец силой затащил меня в дом, грубо бросил в ближайший угол и громко захлопнул дверь. Я не мог успокоиться и выровнять дыхание.

В голове гудело, словно сотни молоточков били по черепной коробке. Отец что-то говорил мне, то указывая на дверь, то тыча в меня пальцем, но я не улавливал слов. Всё, что я понимал сейчас, это то, что он ударил Скэриэла и выставил вон. От злости я даже не сразу сообразил, что у меня двоится в глазах. Я зажмурился, открыл глаза, но ничего не изменилось. Безумно хотелось, чтобы отец замолчал. Я слышал его разъярённый голос, но не мог понять ни слова. Я почувствовал, что всё вокруг расплывается, как будто моё подсознание уже начало отключаться от реальности.

– Прошу, хватит, – прошептал я, не в силах выносить шум в ушах. – У меня сейчас голова взорвётся.

Я закрыл глаза, но шум остался.

– Замолчите, – произнёс я громче.

Сквозь нарастающий гул мне удалось различить крик отца:

«Ты говоришь мне замолчать?! Ты этого понабрался от него?!»

Раздался ещё один голос, но он обращался не ко мне:

«Ему, кажется, плохо... Отец, прекратите кричать!»

Я вновь зажмурился и попытался закрыть уши руками, но это мало помогло. Шум раздавался и внутри головы.

– Замолчите! – крикнул я что было сил и взмахнул руками. Мне резко стало жарко.

Шум прекратился.

Я открыл глаза и увидел, что отец оказался на другом конце холла. Он, видимо, сшиб пару полок, на полу лежали осколки вазы. Отец медленно поднялся, держась за грудь, и удивлённо посмотрел на меня.

– Что случилось? – спросил я.

Гедеон подбежал, схватил меня за руки и поднял их вверх.

– Что ты сделал? – строго прошептал он.

– Что? – прошептал я.

– Ты воспользовался тёмной материей против отца, – хладнокровно объяснил Гедеон.

Испуганно уставившись на брата, я медленно помотал головой.

– Я не... Я не мог, – выдавил я в ответ.

– Поднимайся в свою комнату, Готье, – настойчиво распорядился брат. – Я сейчас отпущу тебя, и ты спокойно поднимешься в свою комнату, понял?

– Да.

– Больше никакой тёмной материи, ясно?

Я кивнул.

Он медленно отпустил мои руки, готовый в любой момент схватить их вновь. Я поднялся на ноги и, не глядя на отца, прошёл в сторону лестницы. Я не хотел с ним говорить, хотя и чувствовал себя виноватым, но всё же был ещё зол за то, что он сделал со Скэриэлом.

В комнате я первым делом полез в душ. У меня не осталось сил разбираться с вещами, поэтому скинул всю одежду на стул.

Когда я надевал домашние штаны, в дверь постучали.

– Войдите.

Сильвия появилась с подносом в руках. Точно, я и забыл, что мы приехали к ужину. Идеальный ужин в кругу семьи был совершенно испорчен. Все старания Кэтрин и Фанни насмарку.

– Я не голоден.

– Когда вы ели? – поинтересовалась Сильвия, переставляя тарелки с подноса на мой письменный стол.

– Я не голоден, Сильвия, – твёрдо повторил я, не отводя взгляда. Она вспыхнула, но смолчала. Впервые я разговаривал с ней в таком тоне.

Она убрала тарелки обратно, обиженно закусив губу. Несколько минут мы молча таращились друг на друга. Сильвия всё надеялась, что я извинюсь. Она уже было собиралась уходить, но я остановил её.

– Как отец? – тихо спросил я.

– У господина Уильяма болит бок и грудь, но он отказался от визита врача, – невозмутимо бросила она.

– Как это произошло? Вы видели?

Сильвия помедлила с ответом.

– Да.

– Это сделал я?

Она непонимающе посмотрела на меня, затем неуверенно кивнула. Я не мог её винить. Возможно, она и правда не догадывалась, что мои успехи с тёмной материей в лицее по шкале от одного до десяти стабильно держались у единицы.

– Принесите, пожалуйста, термометр.

– Сейчас, – засуетилась она. – Вы плохо себя чувствуете?

– Сильвия, пожалуйста, дайте мне чёртов термометр и оставьте меня в покое.

Она быстро покинула комнату. Я чувствовал себя грубияном, но мне было плевать.

Я не ошибся. У меня поднялась температура, но я никому не сообщил об этом. Не хотелось, чтобы Сильвия или Лора, как куры-наседки, принялись суеситься вокруг и ухаживать за мной.

Я лёг на кровать и потянулся к смартфону. Вечно забываю поставить его на зарядку. Последние десять процентов давали мне шанс попросить прощения у Скэриэла.

«Мне очень жаль»

«поэтому я не хотел домой»

«отец сегодня выглядел как безумный»

«я впервые видел, чтобы он кого-то ударил»

«ты уже дома?»

«блин, мне правда жаль»

«не знаю, что теперь делать»

«лучше бы я остался у тебя»

Когда я дописывал последнее сообщение, в дверь постучали.

– Войдите, – произнёс я, думая, что это опять Сильвия.

К моему удивлению, в комнату вошёл Гедеон. Он выглядел уставшим. Взъерошенные волосы и нахмуренные брови не сулили ничего хорошего. От Гедеона в принципе ничего хорошего ждать не приходилось.

– Это будет первый и последний раз, когда ты воспользовался тёмной материей против семьи, уяснил? – сурово начал брат.

– Да.

– Если ты злишься, разгроми комнату, но никого не трогай.

Я промолчал. Мысли хаотично проносились в моей голове. Я вспомнил все случаи, когда Гедеон громил наш дом.

– Это твой способ справиться с гневом?

– Это не самый действенный способ, но для меня работает. Лучше сломать вещь, чем человека.

Гедеон не использовал материю против Оскара, предпочитая бить кулаками.

– Почему ты часто злишься? – я наконец набрался храбрости спросить.

Он заинтересованно посмотрел на меня, но промолчал. Гедеон стоял рядом с моими книжными полками. Он пробежал по ним

взглядом.

– По тем же причинам, что и ты, – ответил он, доставая старое издание «Скотного двора» Оруэлла. – «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие».

После он убрал книгу на место.

– Отец не всегда бывает прав. Вечный конфликт отцов и детей, – неодобрительно прокомментировал брат.

– Он ударил Скэриэла.

– Помню, Готье, проблем с памятью не имею, – грубо ответил Гедеон. Я замолчал. Он произнёс спустя время: – Что сделано, то сделано. Отец всегда показывал своё плохое отношение к твоему другу. Вы оба лезли на рожон.

– Мы ничего не делали, – недовольно возразил я.

– Ты уверен, что не виноват. Прекрасно, Готье. Продолжай в том же духе, – съязвил Гедеон.

Я ничего не ответил. Брат молча вышел из комнаты.

Я проверил сообщения от Скэриэла. Ничего. Он не ответил. Поставив телефон на зарядку, я выключил свет и улёгся в кровать. Мы впервые так долго говорили с Гедеоном. Он не игнорировал меня, не отвечал с пренебрежением, сегодня он был просто моим старшим братом. Подсознательно я всегда хотел настоящих братских отношений, но Гедеон выстроил высокую прочную стену между нами, и как бы я ни пытался раньше не обращать внимания на это, мне было больно от осознания, что он не хочет со мной общаться.

За всеми этими происшествиями я позабыл, что на следующий день мне нужно было сдавать проект по Французской революции с Леоном, Оливером и Оливией. Сейчас эта групповая работа казалась бесполезной тратой времени. Будь это индивидуальное задание, прогулял бы завтра лицей, но я не мог подставить ребят.

В темноте я пошарил рукой в поисках смартфона. Вспомнив, что оставил его на столе, потянулся за ним и ругнулся, когда яркий свет экрана больно резанул глаза. Ни одного сообщения.

Ложиться было ещё рано, но делать ничего не хотелось. Я лежал в темноте, размышляя обо всём, что случилось. Вдруг пришла мысль, что, будь мама жива, ей бы понравился Скэриэл. Мама точно бы разрешила мне с ним общаться и объяснила бы всё отцу. Она

с уважением относилась к полукровкам. Сильвия была для неё хорошей подругой. Она любила Кэтрин и Фанни. Она любила Кевина.

Я обещал, что навещу его, может, даже возьму Скэриэла с собой. Но теперь боялся, что Скэр не захочет продолжать нашу дружбу после того, как отец себя повёл. Может, поэтому он не отвечал на мои сообщения.

Во двор въехала машина. Габриэлла вернулась с занятий по хореографии. Я не вставал, продолжая лежать в темноте и прислушиваться. Представил, как Габи шустро выпрыгивает из машины и бежит к дому. Гувернантка поспешно шагает за ней. В доме раздаётся радостный крик сестры: «Я дома!» – и первым делом она всегда бежит к отцу, чтобы чмокнуть его в щёку и рассказать, как прошёл её день.

Но сегодня отец плохо себя чувствует, и Сильвия, скорее всего, попросит Габи подняться в свою комнату, чтобы переодеться к ужину.

«Больше ничего не будет как раньше», – пронеслась в голове грустная мысль.

Спустя пару часов метаний по кровати я начал засыпать. Сквозь сон услышал вибрацию от входящего сообщения. Наконец Скэриэл ответил!

Я протянул руку и ухватился за смартфон. К моему удивлению, это был Оливер.

«Готьеее, пррриивет»

«Ты дма?»

«Дома?»

«Я щас приеду»

Я уставился на эти сообщения в полном недоумении. Несколько минут обдумывал, как бы повежливее переспросить, но в конце концов сдался и написал прямо:

«Да, дома. Ты пьян?»

К счастью, ответа не последовало. Я попялился в смартфон ещё пару минут и положил его на место. В любом случае, встречу с Оливером завтра в лицо и поговорю с ним насчёт этих сообщений. Спал я тревожно, мне снилось, что Скэриэл прислал мне сообщения, но я по ошибке их удалил.

Скэриэл вошёл в дом. Его губы кровоточили, щека слегка припухла, а тёмные волосы находились в полном беспорядке. Ослепительная улыбка его говорила о том, что вечер прошёл на ура, но внешний вид в целом констатировал обратное.

Он уехал с Хитклифом и Эдвардом около часа назад. Я привык, что меня не посвящают ни в какие дела, пока Скэриэлу не понадобится моя помощь. Тем более выглядеть назойливым при чистокровном я не хотел. Пока они шумно собирались, бегали, толкали друг друга и смеялись, я отсиживался в своей комнате. Не мог со спокойной душой наблюдать за этой парочкой: один только вид довольного Скэриэла, когда он находился рядом с тем выскочкой из семьи банкира, выводил меня из себя. Я предпочитал избегать конфликтов, чтобы не злить Скэриэла, поэтому приходилось исчезать всякий раз, когда рядом появлялся Хитклиф. Его светлые волосы, бледная кожа, образование, статус, даже то, как он завязывал шнурки, – всё доводило меня до белого каления.

Эдвард, после того как подвёз их до дома, вернулся в добром расположении духа и предложил сыграть в картишки, а чтобы игра не вышла пустой тратой времени, играли мы на деньги. Мне было нечем заняться; я убрался на втором этаже, привёл в порядок кухню и теперь бесцельно слонялся по дому в ожидании Скэриэла. В отличие от него, я в свободное время не читал, не учил латынь, не интересовался лекциями и онлайн-уроками. Иногда мне становилось стыдно, что я не стремился к самообразованию, как это делал он; я честно пытался взяться хоть за что-то, чтобы иметь хобби, потому что вряд ли мог назвать увлечением уборку по дому. Все мои попытки с треском провалились. Я не имел той усидчивости, которая позволила бы закончить хоть одну книгу или досмотреть лекцию. В своё время я взялся за чтение второсортного детектива – книга принадлежала Эдварду, – но начал клевать носом на третьей странице, а потом просто заглянул в конец и проспойлерил себе финал.

Когда Скэриэл занимался латынью, я с интересом наблюдал за тем, как он выписывает слова, разбирается с грамматикой или читает фразы вслух. Всё это мотивировало присоединиться к нему, но стоило мне

открыть первый урок в учебнике, как весь интерес сходил на нет. Как сквозь дебри, я пробирался через первые грамматические правила, а моё произношение казалось чудовищным. Спустя десять минут я приходил к выводу, что не все созданы для учёбы.

Меня раздражало, с какой лёгкостью чистокровные учатся, но я восхищался тем, что Скэриэл не уступал им в этом. Может, поэтому меня так тянуло к нему. Он вдохновлял меня на большее, в то время как я сам себя вгонял в апатию. В доме без него становилось уныло, я не находил себе места, слонялся тут и там, раздражая своими вздохами даже спокойного Эдварда. Но стоило Скэриэлу засесть за книгу или уроки, как я мигом усаживался рядом или чуть поодаль, чтобы просто наблюдать за ним.

— Гляжу, вечер удался? — с осторожностью заметил Эдвард с дивана.

— Не то слово, — довольно изрёк Скэриэл, лёгкой походкой направившись к нам.

Я привстал, чтобы лучше рассмотреть его лицо. Эдвард присвистнул.

— А по виду и не скажешь, — отметил я.

Скэриэл плюхнулся между нами на диван прямо в пальто: руки в карманах, одна нога закинута на другую, улыбка до ушей. Я бросил беглый взгляд на Эдварда, тот фыркнул в ответ. Мы в нетерпении наблюдали за тем, как Скэр облизнул разбитую губу, вытащил руку из кармана и кончиками пальцев осторожно дотронулся до опухшей щеки. Он остался доволен, как будто получить по лицу было тем ещё наслаждением.

— Всё прошло даже лучше, чем я рассчитывал, — наконец сказал Скэриэл.

— Предположу, что рассчитывал ты на не самый тёплый приём, — усмехнулся Эдвард, поднимаясь.

— Я рассчитывал на то, что Уильям Хитклиф побурчит в мою сторону и просидит с кислой миной весь ужин, как это сделал Гедеон. Но...

— Но он, видимо, запустил в тебя тарелкой за столом? — громко предположил Эдвард с кухни. Я слышал, как он с шумом открыл морозильник.

– Лучше! – просиял Скэриэл. – Он не пустил меня и на порог своего дома. Встал, как упрямый баран, угрожал мне, и всё это на глазах у Готье. Кульминацией стала пощёчина.

При этих словах он повернулся ко мне и указал рукой на щёку, которая начала приобретать тёмно-красный оттенок. Я нахмурился, окончательно запутавшись в ситуации. Мистер Хитклиф вмазал Скэриэлу, а тот вместо того, чтобы возмущаться и проклинать чистокровного, с радостной физиономией рассказывает о произошедшем.

– На, держи. – Вернувшись с кухни, Эдвард протянул Скэриэлу замороженный горошек в яркой упаковке. – Приложи, чтобы снять припухлость. Не хватало тебе ещё ходить с синяками.

– Нет, спасибо, обойдусь, – отмахнулся Скэриэл. – Наоборот, хочу, чтобы синяки подольше оставались на лице. Готье долго будет приходить в себя, пусть чаще смотрит на последствия моей встречи с его отцом.

– Расскажешь, что задумал, или мы и дальше будем ходить вокруг да около? – нетерпеливо спросил Эдвард. Горошек остался у него в руках.

– Ты тоже не знаешь? – подал голос я.

– Нет, конечно, – хмыкнул Эдвард. – Предпочитаю следовать поговорке: «Меньше знаешь – крепче спишь». Но он сидит с таким самодовольным видом, что мне теперь тоже любопытно. Так что произошло?

– Ты же их подвозил, – заметил я.

– Ну да, Скэриэл сказал только подвезти и под любым предлогом уезжать.

– Вы закончили трепаться или мне подождать? – с улыбкой поинтересовался Скэриэл.

Эдвард хмыкнул, небрежно опустил упаковку на пол и уселся поудобнее.

– Мистер Уильям Хитклиф сегодня предстал во всей красе. Он был зол как собака, не мог держать себя в руках и выплеснул весь гнев на меня, – принялся вдохновенно повествовать Скэриэл, наслаждаясь всеобщим интересом.

– А ты? – нетерпеливо спросил я. Скэриэл отряхнул невидимую пылинку со своего плеча.

– Я был очень вежлив, миролюбив и тактичен. Пытался успокоить мистера Хитклифа и всё ему объяснить. Готье перепугался до усрачки.

– К чему была эта сцена? – Эдвард задумчиво уставился на него.

– На первый взгляд просто Глава семейства накричал на соседского мальчишку. Но для Готье, – Скэриэл потянулся, разминая тело, – это очень важная сцена. Всегда уважаемый и любимый отец, чистокровный в десятом поколении, пример для подражания, предстал в образе безумного, вспыльчивого, жестокого тирана. А соседский мальчишка, – он указал на себя, – полукровка, друг по играм, повёл себя прямо противоположным образом. Готье давно пора было открыть глаза на отца. Чистокровные – это обычное, ничем не отличающееся от полукровок и низших сословие.

– И что, по-твоему, он поведётся? – нахмурился я.

– Уже повёлся. Его вся эта ситуация очень впечатлила.

– Он реально тупой?

– Попридержи коней, Джером. – Скэриэл грубо оборвал меня. – У меня не было отца, но даже я знаю, что отец очень важен для любого ребёнка. Особенно если он хороший пример для подражания. Уильяма Хитклифа уважают в семье и на работе. Я не мог полноценно влиять на Готье. Если бы у него были хорошие отношения с Гедеоном, то для меня это тоже было бы проблемой. Но, к счастью, Готье и Гедеон почти не общаются. С отцом он тоже не в близких отношениях, но я вижу, как он относится к нему.

– А теперь Хитклиф-младший уже не может уважать отца как прежде, потому что тот несправедливо поступил с тобой, – догадался Эдвард.

– Да, – подтвердил Скэриэл. – Как вы помните, у Готье бзик на справедливости. Он может терпеть несправедливость по отношению к себе, но ему становится дурно, если что-то подобное происходит с другими.

– Что бы ты сделал, если бы Уильям Хитклиф держал себя в руках весь вечер, как и Гедеон? – спросил Эдвард.

– Я просчитался тогда с Гедеоном. Он стойко терпел мою болтовню в тот вечер за ужином. А я рассчитывал, что своим дружелюбием доведу его. Но он держался ради Готье.

– Я думал, что он почти не общается с младшим братом... – задумчиво произнёс Эдвард. – Ну, знаешь, мне казалось, по твоим

расскажам, что Гедеону плевать на Готье.

– Это точно. Их разговоры за неделю можно по пальцам одной руки пересчитать. Но...

– Но? – переспросил я, когда Скэриэл загадочно замолчал.

– Но Гедеон очень любит Готье, оберегает его, чуть ли не пылинки сдувает. Вот с ним надо быть начеку.

– Что? Как это может быть? Как ты это понял? – выпалил я. – Ты всё это время рассказывал иначе.

Скэриэл поднялся, не спеша снял пальто и отбросил его на спинку дивана. Он небрежно провёл рукой по волосам и ещё раз облизнул разбитую губу. Кажется, это войдёт в список его дурных привычек.

– Помните тот случай, когда этот придурок, Оскар, повёл Готье в клуб? Гедеон чуть не разнёс здание в щепки, когда выбивал из менеджера видеозаписи. И он угрожал, что если кто-то ещё посмеет прикоснуться к его младшему брату, он собственноручно закопает его на заднем дворе. – Скэриэл медленно наматывал круги по гостиной, как опытный детектив собирая кусочки пазла в единую картину. – Он лично забрал Готье отсюда, хотя мог отправить Кевина. Затем он избил Оскара и провёл в полиции ещё несколько часов, скрывая причину драки. В тот же вечер пригласил меня к столу, терпел болтовню и даже разрешил переночевать в его доме. Это была благодарность за то, что я вытащил Готье из клуба. Сегодня он хотел меня подвезти, но Уильям запретил. Так что я заказал такси до дома.

– И Готье не понимает, что старший брат о нём заботится?

– Да, Эдвард. Иногда мы бревна в глазу не замечаем. Готье вбил себе в голову, что брат его в лучшем случае игнорирует, а в худшем – ненавидит.

– Это тупо, – не сдержался я. С каждым словом Скэриэла я всё больше убеждался, что Хитклиф туп.

– Знаете, что я вам скажу? Сейчас всё становится понятным, когда я на блюдечке преподнёс все факты, разжевал и по полочкам разложил, но если не анализировать каждый поступок, а просто смотреть на то, как Гедеон мастерски изображает безразличие, то да, будешь уверен, что тебя не любят.

– Почему Гедеон так себя ведёт? – спросил Эдвард.

– А вот это хороший вопрос, над которым я бьюсь уже долгое время, – пожал плечами Скэриэл. – Может быть, это его стиль общения.

– Ты не ответил на мой вопрос. Что бы ты делал, если бы мистер Хитклиф сдержался?

– Я помню о твоём вопросе. И тут мы с вами переходим к раскрытию моей очень важной пешки. – Скэриэл взмахнул рукой, как волшебник на выступлении. – Та, что всегда оставалась за кадром, но держала меня в курсе всего, что происходит в доме. Та, что безропотно выполняла всё, о чём я её просил. Моя милая и тихая Лора.

– Кто это? – удивлённо спросил я.

– Понятия не имею, – хмыкнул Эдвард.

– В этом и есть её прелесть. Она всегда в центре событий, но незаметна. Она племянница Сильвии, домоправительницы.

– Как ты добился того, чтобы она помогала? – осведомился Эдвард.

– Проще простого, – раздражённо изрёк Скэриэл. – Она влюблена в меня. Пара комплиментов, глупых обещаний и скромных поцелуев. Она мила, но наивна. Верит любому моему слову. Уверена, что ради неё я прихожу по ночам. Сама себе напридумывала, а я только поддерживаю эту мысль.

– Всё ясно, ты охмурил прислугу. И что она для тебя успела сделать?

– Много чего, всего не перечислишь. Вот сегодня в её задачу входили все возможные варианты, чтобы разозлить Уильяма Хитклифа: она пролила на него кофе утром, вытащила из его папок парочку важных договоров и сожгла в камине. Мистеру Хитклифу пришлось срочно возвращаться домой, ведь он думал, что оставил договоры в своём кабинете. Так он узнал, что Готье сбежал. К этому времени я позвонил Сильвии и предупредил ее о произошедшем. Сильвия доложила Уильяму Хитклифу. Он разорался, Лора говорит, кричал и ругался громко, но время поджигало, и он помчался на работу без договоров. Я заплатил полукровке, который работает на территории банка, ухаживает за газоном, так вот, он порезал шины автомобиля Уильяма. После работы мистеру Хитклифу пришлось ждать, пока водитель разберётся с запаской, но, не дождавшись, он вызвал такси. Дома его ждала Биби, которая потеряла свои любимые пуанты и очень из-за этого расстроилась. Лора их спрятала. Такими темпами к вечеру мистер Хитклиф был не то что не в настроении, он просто рвал и метал. А тут мы как нельзя кстати. Сбежавший сын и его дружок-полукровка.

Идеальный кандидат для того, чтобы выплеснуть всё, что накопилось за день.

– Это... жестоко, – выдохнул Эдвард.

– И это сработало, – удовлетворённым тоном подытожил Скэриэл.

На его телефон пришло несколько сообщений; он бегло просмотрел их и с ухмылкой убрал мобильный обратно в карман.

– Готье строчит мне, – пояснил Скэриэл, улыбаясь так, будто выиграл в лотерее.

Я нервно поёрзал на месте и раздражённо выдохнул. Скэриэл лёгкой походкой направился к лестнице, чуть ли не насвистывая на ходу.

– Сыграем ещё партию? – предложил Эдвард.

Я отрицательно замотал головой.

– Знаешь, не хочу лезть в ваши отношения, – неловко начал он, убирая карты в коробку, – но лучше тебе не надеяться ни на что.

– Что? – непонимающе переспросил я, хотя прекрасно всё понял. И слепой бы заметил мои чувства.

– Джером, ты нормальный парень, и мы с тобой уже давно знакомы, но... – Он настороженно посмотрел на лестницу, убедился, что Скэриэл вне зоны слышимости, и продолжил, чуть понизив голос: – Но Скэриэл отличный манипулятор, он находит больное место у каждого и активно этим пользуется. Лучше, если ты будешь держать свои чувства под контролем.

– Я всё держу под контролем, – грубо ответил я и замолк.

– Без проблем, – примирительно проговорил Эдвард.

Он поднялся, захватив пачку с горошком, и направился на кухню. У меня испортилось настроение, поэтому я не придумал ничего лучше, чем подняться к себе в комнату. Я хотел поскорее скрыться с глаз Эдварда, как будто одно его присутствие вгоняло меня в краску. Мои чувства к Скэриэлу росли в геометрической прогрессии. Вместе с тем ревность снедала меня изнутри. Я еле терпел Хитклифа, но, когда узнал о том, что помимо чистокровного есть ещё и некая Лора, о которой мне ничего не известно, стало ещё сложнее держать себя в руках.

Я торопливо прошёл мимо комнаты Скэриэла, но тот окликнул меня. Я набрал в лёгкие побольше воздуха и вошёл.

– Ты не знаешь, где моя серая футболка? – добродушно спросил он.

– Футболка с котом?

– Нет, однотонная. – Скэриэл снял рубашку и бросил её на кровать.

– В стирке, – я сглотнул, отвернувшись.

– Жаль, – раздалось за моей спиной, намного ближе, чем я мог предположить. – Ты обиделся?

– Нет.

– Хорошо. Я уж было подумал, что ты ревнуешь. Из-за Лоры. – Он дотронулся до моего локтя, и я мигом вспыхнул.

– Мне всё равно.

– Правда? – игриво переспросил Скэриэл. – Реакция твоего тела говорит об обратном.

Я попытался отпрянуть, но не вышло. Скэриэл крепко сжал моё плечо, отчего я чуть не вскрикнул.

– Прости, – без капли сожаления произнёс он, когда я повернулся к нему.

Стыдно признавать, но даже это болезненное прикосновение мне понравилось. Скэриэл сел на кровать и заинтересованно посмотрел в мою сторону. Я увлечённо полез в шкаф, как будто не существовало занятия более интересного, чем поиск футболки.

– Завтра утром тебе нужно будет поехать с Эдвардом и навестить Ноэля.

– Не хочешь к нам присоединиться? – ляпнул я, не подумав. Обстановка мигом накалилась. Я почувствовал спиной, как Скэриэл напрягся. – Прости. Я ступил.

– Да, ступил, – хмуро бросил он.

Я молча вынул серую футболку с котами и протянул Скэриэлу. Он не взял её, и пришлось подойти ближе, чтобы положить футболку на кровать. К моему облегчению, Скэриэл не смотрел на меня. Он недовольно уставился вперёд, нахмурившись, и в целом выглядел очень недовольным.

– Ноэль в детстве был той ещё занозой в заднице, – внезапно начал я, сам не понимая зачем. Тема Ноэля Джонса всегда была опасной в этом доме. Я ожидал, что сейчас Скэриэл обозлится и выставит меня из комнаты, но он внезапно устало вздохнул и выдал:

– Не то слово. Вечно лупил меня и доставал. Как же я его ненавидел.

В голосе его не чувствовалось ни капли гнева. Скэриэл просто вспоминал давно минувшие дни в интернате.

– Я помню, что однажды он толкнул тебя с лестницы. Сколько тебе было?

– Не помню. – Скэриэл надел футболку и, сгорбившись, спрятал лицо в ладонях.

Мы замолчали. Он выглядел сейчас ранимым. Я не знал, что делать, чтобы не ударить в грязь лицом. Казалось, что самым разумным будет обнять его.

– Не могу спокойно на него смотреть, – внезапно произнёс Скэриэл тихим голосом.

– На Ноэля?

– Да, – не поднимая головы, сказал он. – Пожалуйста, поезжайте завтра с Эдвардом, проверьте, как он, не нужно ли ему чего-то, заботливая ли сиделка, не обижают ли его соседские мальчишки.

– Почему ты так добр к нему?

Скэриэл молчал, шумно дыша, как будто пытался успокоиться.

– Я как-то забрёл слишком далеко в Запретные земли. Это была незнакомая улица. Я даже сейчас не вспомню, где она точно находилась. Там было полно бродяг и беспризорников. Обычный контингент. В переулке я заметил какую-то возню. Кого-то избивали, а жертва при этом не пыталась сбежать: просто плакала и умоляла остановиться. Мне этот голос показался очень знакомым.

Я встал на колени перед Скэриэлом так, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с моим. Он закрылся руками. Его голос дрожал, а плечи поникли.

– Это был Ноэль? – тихо предположил я.

– Да. У него была сломана нога и пара рёбер. Он не мог ходить. Плакал, как ребёнок. Ты видел его. Он ведёт себя как пятилетка. Как будто дитя в теле подростка.

– Ты его спас от них. Не знаю, что с Ноэлем произошло, но он правда всегда ждёт тебя.

– Ты не понимаешь, – помотал головой Скэриэл. – Я во всём виноват.

– Но не ты избивал его в переулке.

– Но я стал соучастником, – внезапно всхлипнул он. Я запаниковал.

– О чём ты?

– Ты сбежал к тому времени из интерната. Ноэль не давал мне житья. Бил, издевался, оскорблял. Господи, как я его ненавидел! Всем сердцем. Он поймал меня во дворе, замахнулся камнем, и я впервые прибегнул к тёмной материи, сам не понимая, что творю. Это была резкая чёрная вспышка, которая отбросила Ноэля на другой конец двора. Он ударился головой. Мне кажется, что-то в тот день произошло с ним. С его разумом.

– Ты не виноват. Он давно тебя простил, ведь ты делаешь всё для него сейчас.

– Но я себя не простил. – Скэриэл поднялся, вытер слёзы тыльной стороной ладони и ошетинился. – Я обрёл эту силу, когда Ноэль чуть не проломил мне голову, – глухо произнёс он, вытягивая руку ладонью вверх. На ней появился маленький тёмный огонек, который рос с каждым словом. – В ответ я сломал ему жизнь.

Я испуганно отступил назад, с опаской наблюдая за тем, как чёрное пламя разгорается.

– Сколько бы я ни бился, у меня не получается обуздать свою силу. Я чувствую гнев каждый раз, когда использую её. Иногда я боюсь, что окончательно сойду с ума.

Он стиснул руку в кулак, и пламя исчезло.

– Нас всегда учили, что низшие не могут владеть тёмной материей, а полукровки должны довольствоваться малым, – произнёс он, глядя на свои руки. – Что, если мы имеем тёмную материю, но при использовании она сводит нас с ума? Что, если, используя силу, я рехнусь?

– Я не знаю, Скэриэл.

– И я, – тихо согласился он. – Но я уверен, что в каждом из нас есть эта способность, что бы там ни говорили чистокровные. Я словно меж двух огней. С одной стороны, я не могу простить себя за то, что совершил с Ноэлем. Это всегда будет на моей совести. С другой стороны, эта сила... Быть может, это должно было произойти? Что, если я получил силу в обмен на жизнь Ноэля? Я обрёл её, когда защищался. И Ноэль стал жертвой. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, просто думая об этом. Часто голова раскалывается, но я делаю вид, что всё в порядке. Даже когда я с Готье или с вами.

– Скэриэл...

– Завтра я буду жалеть о том, что признался. Мне не нужна твоя жалость. Я могу о себе позаботиться...

Я подошёл и насильно обнял его. Он попытался вырваться, затем обмяк и затих. Спустя несколько долгих секунд Скэриэл обнял меня в ответ, сначала робко, но вскоре прильнул ко мне. Его голова покоилась на моём плече. Я что-то шептал ему на ухо и успокаивающе гладил по спине.

Мне хотелось хоть немного помочь, забрать его тревогу. Он всегда изображал уверенного в себе парня, но ему было только шестнадцать. Скэриэл привык казаться сильным – и сам не ожидал, что может позволить себе расклеиться. Он с успехом искал болевые точки у других, хотя сам был сплошной болью.

XXIII

С отцом я так и не поговорил. Меня это тревожило, ведь я вчера причинил ему вред, если так можно назвать то, как я отбросил его на другой конец холла. Одна моя половина взывала к тому, чтобы приползти к отцу и молить о прощении. Другая напоминала о том, что он кричал на Скэриэла и ударил его. Стыд за родителя затмил мой разум. Скэриэл пытался вернуть меня в семью, он руководствовался здравым смыслом, но к чему это привело? Сейчас я всё больше задумываюсь о том, что лучше было вовсе не возвращаться.

Я встал ни свет ни заря, оделся, собрался и спустился на первый этаж. В столовой Кэтрин сервировала стол. Она озадаченно посмотрела мне вслед, когда я молча прошёл мимо по направлению к входной двери.

– Господин Готье, вы сегодня рано, – произнесла она. – Куда вы? А позавтракать?

– Не голоден, – буркнул я, громко хлопнув дверью.

Это было лишним. Кэтрин ни в чём не виновата, а я проявил грубость. Как и с Сильвией вчера. Я остановился, кривясь от хлопка. Вышло громче, чем я ожидал. Мой гнев был направлен на отца, но доставалось всем, кто попадался на пути. Мучила ли меня совесть? Ещё как.

Мне не хотелось сидеть за одним столом с отцом и Гедеоном после вчерашнего, поэтому я решил уехать пораньше. Я с такой решимостью собрался и вышел из дома, что только сейчас вспомнил: у меня нет личного водителя. Кевина уволили.

– Господи, – пробормотал я, потирая переносицу. – Вот же идиот.

Я вызвал такси и направился к воротам. Подозреваю, что отца скоро известят о моём уходе. Приложение обещало, что машина подъедет быстро. Я плотнее закутался в пальто. Погода портилась с каждым днём, и утро выдалось на редкость холодным. Со вчерашнего вечера Скэриэл не отвечал на мои сообщения, и это вгоняло в уныние. Рюкзак оттягивал плечо и норовил сползти.

Остановившись у ворот, я принялся ждать такси, то и дело поглядывая на дом, как будто ожидая, что отец бросится за мной. Ему гордость не позволит. Хотя это уже не точно. До вчерашнего

происшествия я был уверен, что отец всегда держит себя в руках, особенно при посторонних.

Не прошло и двух минут, как в дверях показался Гедеон. Он смерил меня долгим сердитым взглядом. Я сделал вид, что не замечаю его, уткнувшись в телефон. Гедеон подошёл к гаражу, где был припаркован его автомобиль. Я ещё раз проверил приложение: водитель задерживался. Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Пиком унижения стал тот момент, когда Гедеон проехал мимо меня с отрешённым выражением лица, как будто мы случайно столкнувшиеся на улице незнакомцы. Он скрылся за поворотом, так ни разу и не взглянув на меня. Я посмотрел на часы. Так вот во сколько выезжает брат, чтобы избежать совместных завтраков. Обычно в это время я ещё сонно спускаюсь по лестнице, собираясь подкрепиться тостами или яичницей.

При мысли о еде желудок предательски заурчал. Я мог соврать всем, что не голоден, но обмануть тело было сложнее. Оставалось лишь надеяться, что, когда я приеду в лицей, кафетерий уже будет работать. Я мог сейчас и слона проглотить.

Когда желудок пропел очередную серенаду, к воротам подъехал жёлтый автомобиль. Дорога до лицея не занимала много времени, но мне нужно было повторить материал: сегодня мы сдаём проект по Французской революции. Как только машина тронулась, а я взялся за распечатки, меня затошнило. Ощущение было кошмарное. Я прикрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. То ли это потому, что я не завтракал, то ли потому, что в салоне ужасно пахло. Меня мучило на поворотах: судя по всему, водитель в детстве мечтал участвовать в гонках «Формулы-1» и сейчас пришёл к мысли, что пора незамедлительно воплотить мечту в реальность. Этаким Шумахер-полукровка на разбитой колымаге.

Лицей никогда не был для меня отдушиной, но, показавшись вдалеке, знакомое здание мигом подняло мне настроение, ведь я думал, что ещё немного, и я точно познакомлю содержимое своего желудка с грязным салоном. Моё паршивое состояние не удалось скрыть от водителя, и он участливо осведомился:

— Мистер, вы в порядке?

— Можете... здесь... остановиться? — вставил я между паузами. Мне катастрофически не хватало свежего воздуха.

Он свернул к обочине, и я чудом не вывалился на асфальт, резко открыв дверь. В последний момент успел совладать со своим вестибулярным аппаратом и ухватиться за край сиденья. Кажется, меня накрыла паническая атака или что-то в этом духе.

– Выглядите неважно.

– Я в порядке, – прохрипел я, тяжело вылезая из салона.

На улице мне полегчало. Я неуверенно стоял на ногах, облокотившись на скрипучую дверь. Никогда не чувствовал себя так паршиво. И я сейчас не о своём душевном состоянии, хотя и оно оставляло желать лучшего. Быть может, вчерашний всплеск тёмной материи, которая до этого проявлялась в слабом виде, нешуточно ударил по моему состоянию. То, что раньше было не больше, чем ручейком, сейчас показалось мне огромной волной, прорывающей плотины.

– Не забудьте свои вещи, – подсказал водитель.

– Точно, – опомнился я. – Спасибо. Дальше я пойду пешком.

– Хорошего вам дня, мистер, – дружелюбно попрощался он.

– И вам, – вяло ответил я, закрывая дверь.

Назвать это хорошим началом дня язык не поворачивался. Я впопыхах запихнул распечатки в рюкзак и отошёл в сторону от людского потока. Казалось бы, день только начинался, но многие полукровки спешили на работу. Чистокровные всегда предпочитали пользоваться личным транспортом.

На территории лицея было пусто. Я ещё раз проверил календарь: складывалось ощущение, что я, опьянев от гнева, перепутал дни недели и явился на учёбу в субботу. Нет, всё верно, сегодня будний день.

Я вошёл в здание – охранники проводили меня равнодушными взглядами – и направился напрямик в кафетерий. Здесь делали терпимый кофе, а значит, у меня была ещё одна причина находиться в этом месте.

К моему удивлению, в кафетерии сидели ученики. Сонные, они завтракали, читали учебники, некоторые собрались в шумные группы и готовились к презентациям проектов. Я никогда не приезжал рано, но теперь понял, что собираться до занятий – не такая уж и плохая идея. Если не брать в расчёт то, что многим и так чертовски тяжело подниматься по утрам, а придётся вставать ещё на полчаса раньше. В этой затее имелись свои плюсы и минусы.

Забившись в дальний угол, как отшельник, я с наслаждением пил кофе. Да, не такой, как делает дома Фанни, но тоже сойдёт. Из большого ассортимента предлагаемой еды я выбрал круассан. Никогда до этого я не завтракал здесь в одиночестве, поэтому мне казалось, что чуть ли не весь кафетерий глазеет на меня.

Сегодня был один из тех важных школьных дней, когда решается оценка по предмету. Казалось бы, я готовился к этому выступлению несколько недель, но, чёрт возьми, я чувствовал себя сейчас настолько отрешённым от остального мира, что проще было встать и уйти из лица. Я уже представлял себе, как буду с равнодушным лицом выдавать заученные реплики перед классом, а после Оливер в качестве наказания сварит меня в котле.

– Соберись, Готье, – вслух обратился я сам к себе. Текст на листе прыгал у меня перед глазами, как бы я ни пытался сосредоточиться. В подтверждение того, что утро выдалось на редкость паршивым, неловким движением локтя я пролил недопитый кофе на ближайший стул.

Почему каждое моё движение оборачивается полным провалом? Схватив салфетки, я первым делом протёр стул, затем полез под стол, чтобы избавиться от последствий своей неповоротливости. Салфетки мигом намокли. Вдобавок ко всему я обнаружил тёмные капли на рубашке. И что теперь прикажете делать? Подниматься и тащиться через весь кафетерий за салфетками или оставить как есть?

– Слышали, что Кагер получил главную роль в «Щелкунчике»? – раздалось чуть поодаль.

Подслушивать точно не входило в мои планы.

– Этот педик? Брат говорит, что все танцоры балета... – ответил ему знакомый голос. Клив? Тот придурок, что вечно донимает Леона?

Я не слышал, что он дальше говорил, но явно отпустил очередную сальную шуточку, каких у него полно в запасе. В ответ раздался смех.

– Он точно спит с парнями. На него ни одна девка не глянет. Кожа да кости, – продолжал Клив. – Я как-то видел его в душе после физкультуры.

– Ты чё, его сталкеришь? – засмеялся второй.

– Охренел? По зубам хочешь?

– Да шучу.

Господи, зачем ты создаёшь вот таких никчёмных чистокровных? Глядя на Клива и ему подобных, я всё больше убеждался, что разделение на сословия – не более чем человеческая прихоть. К чему давать одним родословную и власть, если они только и делают, что обсуждают чужую личную жизнь? Если Бог хотел показать, что чистокровные – это высшая ступень развития человечества, то Клив тому явное опровержение.

– В Запретных землях есть клуб «Яма». Слышал о таком? – спросил Клив.

– В интернете читал, пишут, что крутое место.

– Не то слово. Брат туда часто ездит. Сказал мне вчера, что когда мне исполнится девятнадцать, то он отвезёт меня и всё покажет.

– Офигеть! Хрен кто меня повезёт. Крутой у тебя старший брат.

– Он говорит, там, помимо девок, много парней, которые за деньги много чего сделают.

– Меня сейчас стошнит, – выдал какой-то парень, на что Клив громко рассмеялся.

Будет ли лучшим выходом просто подняться и сесть как ни в чём не бывало? Они сидели не так далеко от меня: я видел их ноги, слышал отдельные фразы.

– Кагер, наверное, там только парней и покупал бы, – сказал кто-то.

– Бери выше, уверен, он там сам подрабатывает. Работёнка в самый раз для него.

Новый взрыв смеха. Уверен, остальные ученики в кафетерии недовольно оглядывались на них.

Бог тоже допускает ошибки, иначе как объяснить появление на свет Клива? Меня переполнял гнев, и я сдерживался из последних сил, чтобы не отбросить в сторону стол и не проломить Кливу череп. Леон виноват только в том, что позволял этому отродью так относиться к нему. Он был выше этого, а что в результате? Его имя смешивали с грязью изо дня в день. Никчёмный, неотёсанный, бесполезный чистокровный унижал Леона, а он в силу своего характера, воспитания, бог знает чего ещё, терпел. Несправедливо, что такие, как Клив, ходят по центру Ромуса, пользуются всеми благами своего происхождения, в то время как законопослушные полукровки или низшие каждый день должны бороться за свое место под солнцем.

Они ушли так же быстро, как и появились. Я выбросил использованные салфетки в ближайшую урну и помыл руки, прежде чем вернуться на своё место. Впопыхах собрав распечатки, я запихнул их в рюкзак и вылетел вслед за Кливом. Ещё не знал, что скажу ему, но мне не хотелось так просто это оставлять. Это был один из тех импульсивных поступков, от последствий которых я обычно долго мучаюсь. Но если закрою на это глаза, то буду корить себя ещё больше.

На первом этаже Клив расстался со своим другом и направился к лестнице. Я последовал за ним, стараясь не попадаться ему на глаза. Клив миновал второй, третий и четвёртый этажи. На пятом находились кабинеты физики, химии и лабораторные комнаты, в которых часто сидели помощники учителей и студенты-практиканты. Но ранним утром здесь обычно было пусто. Клив направлялся в сторону дальнего мужского туалета. Идеальный вариант для того, чтобы серьёзно поговорить с ним. Всё складывалось на редкость удачно, что было странно для сегодняшнего утра.

Клив скрылся в уборной; я ускорил шаг и, войдя в помещение, получил удар сбоку.

— И кто это за мной слежку устроил? — довольно произнёс Клив, когда я повалился на бок. — Хитклиф? Чего тебе надо?

Я поднялся, стараясь не показывать, что мне больно. Удар у него что надо.

— Поговорить хотел.

— Со мной? О чём же?

— Прекрати лезть к Леону.

— А ты кто? Его папочка? — Клив потешался надо мной.

— Ещё раз тронешь его...

— И что ты мне сделаешь? — разозлился он. — Я тебя не трогал, потому что твой папаня главный банкир, да ещё твой брат в Академии учится с моим, но если будешь выпендриваться, то получишь, ясно тебе?

— Всё сказал?

— Да пошёл ты... — Клив замахнулся, но я умудрился увернуться от удара.

Меня не учили драться: это приходит либо с опытом, либо с подготовкой. Ни того ни другого у меня не было, а значит, оставалось нападать, пока есть возможность. Я сжал руки в кулаки и правой ударил

его в челюсть. Он отскочил назад и издал истошный вопль. Слишком громко для того, кто привык всё решать кулаками. Я мог бы выйти победителем, но правая рука адски пульсировала от боли и дрожала от спазмов. Настолько больно, что я чуть не вскрикнул.

– Да ты офигел! – Клив поднялся, направляя руку на меня.

Я в шоке отступил назад. Всё шло не по плану, которого у меня практически и не было, но я успешно импровизировал на ходу. Клив призвал тёмную материю. Как видно, моя импровизация летела в тартарары.

– В лицее запрещено пользоваться тёмной материей! – крикнул я, еле успевая увернуться. Чёрное облако с глухим звуком ударило в стену в полуметре от меня. Вывать к здравому смыслу Клива и напоминать ему о правилах лицея – всё равно что просить боевого быка, участвующего в корриде, быть гуманнее с матадором.

– Я тебя сейчас в порошок сотру, сукин ты сын, – прорычал Клив.

Мне некуда было бежать. Он заблокировал дверь, да и я не успел бы её открыть. С одной стороны писсуары, с другой – раковины. Прекрасное место для смерти, если это то, чего Клив добивался.

Подняв руку ладонью вверх, я сделал вид, что собираю тёмную материю. Возможно, до него не дошли слухи, что я владел материей на уровне полукровок, но это вряд ли. Мой блеф он распознал сразу.

– Да ты же ни фига не умеешь, – засмеялся он над моими жалкими потугами. Действительно, Клив, наверное, единственный из всех признал это вслух.

На руке появился тёмный огонёк, словно я собираюсь дать ему прикурить. Клив не спешил, наслаждаясь моим видом.

«Знаешь, самое время появиться, как это вышло вчера», – мысленно обратился я к своей силе. Докатился.

– Ты там к дуэли готовишься или драть собрался? – насмеялся он.

– Дуэли, к слову, тоже запрещены, – сделал я последнюю попытку призвать материю.

– Да пофиг. – Клив сделал выпад рукой, и чёрное, словно живое, пламя стремительно полетело на меня. Надо отдать ему должное, он дал мне время подготовиться.

– Давай! – крикнул я себе, но ничего не произошло. Моё черное облако растворилось в воздухе, а удар Клива сбил с ног.

Я почувствовал сильнейшую боль по всему телу. В глазах потемнело.

– Хитклиф? – нерешительно произнёс Клив сверху.

Он подошёл ближе, я чувствовал его шаги. Он стоял надо мной, шумно дышал. Я представил, как в его пустой голове, скрипя из всех сил, двигаются шестерёнки. Не лучшая для него ситуация. За использование тёмной материи вне практических занятий ученик отстраняется от уроков на месяц. За дуэль, которую запрещено проводить между чистокровными моложе восемнадцати лет, его (да что греха таить, и меня) отчислят из лицея в считанные минуты. Но, конечно, он об этом не подумал. Клив точно не думает, прежде чем делать. Впрочем, я от него недалеко ушёл.

Носком ботинка он дотронулся до моего бедра, скорее для того, чтобы просто убедиться, что я жив, ведь удар вышел не такой сильный, чтобы убить, но покалечить – вполне. Я протянул ослабленную руку в сторону Клива, и в следующую секунду раздался его крик. Клива отбросило в противоположную сторону, он глухо ударился о дверь и без сознания повалился на каменный пол.

– Один – один. – Я умудрялся ещё и шутить, хотя мне больно даже двигать губами. Голова трещала, а кости, кажется, поломаны все до единой. Такое чувство, словно я побывал грушей для битья у парочки профессиональных боксёров.

Мысли вертелись от «Могу ли я подвигать пальцами ног?» до «Боже, сколько костей и мышц в теле человека? Почему я чувствую боль абсолютно везде?» Вскоре я смог немного подтянуться, полусидя устроившись под раковиной. Рубашка разодрана. На груди и животе порезы. Он целился прямо в меня, чёртов идиот. Я мог умереть тут на месте, в мужском туалете. Жалкая смерть.

– Клив? – позвал я.

Не знаю, что произошло, но не хватало ещё, чтобы Клив умер. Хотя он тот ещё подонок, но и ему я не желал такой смерти.

– Ответь, придурок, – позвал я опять.

Я был настолько истощён, что не мог подойти и проверить, дышит ли он. Осторожно сняв испорченный пиджак, я негнущимися пальцами попытался избавиться от остатков рубашки.

Нужно встать, стереть кровь, проверить Клива и понять, что вообще произошло. Он всего лишь дотронулся до меня, но отлетел,

словно я смог отбить его удар. Это не укладывалось в голове. Сколько таких случаев встречалось в истории? Есть ли сила, позволяющая копить тёмную материю и перенаправлять её? Был ли этот всплеск той силой? Или я окончательно схожу с ума?

Когда из динамиков заиграла мелодия, оповещающая о том, что начался первый урок, я наконец смог подняться на ноги. Выглядел я не то чтобы паршиво, если не смотреть на грудь в порезах, но точно походил на тех низших, которых показывали по телевидению, чтобы запугать чистокровных. Мне потребовалось ещё время, чтобы смыть кровь и доковылять до Клива.

Выглядел он хуже меня. Я только присел, чтобы проверить его пульс, как открылась дверь.

– Готье? – Оливер чуть не споткнулся о Клива.

Не знаю, что он подумал, увидев меня в порезах и с перепачканными в крови руками. Догадываюсь, что ничего хорошего, особенно когда он ошеломлённо уставился на бездыханное тело Клива у своих ног.

– Не знаю, должен ли я задать закономерный вопрос в данной ситуации, – нервно произнёс он, кривясь.

Я решил, что Оливер точно хороший парень, но у него явно не всё в порядке с головой, когда он спросил после моего молчания:

– Тебе надо вызвать «Скорую» или избавиться от тела? Думай быстрее, у нас не так много времени.

XXIV

– Не могу понять, жив ли он, – затараторил я.

– Сейчас. – Оливер опустился на колено и взял Клива за запястье. – Нужно проверить пульс.

– Умеешь?

– Клятву Гиппократу не давал, но тут всё просто: надавливаем на артерию. – Он поместил три пальца на запястье, помолчал и удовлетворённо заключил: – Жив.

– Слава богу, – выдохнул я. Как камень с души.

– Нужно привести его в чувство, – осматривая раны на теле Клива, заявил Оливер. – Есть у меня тут одна идея... Как ты помнишь, медик из меня никакой.

Он замахнулся и дал Кливу смачную пощёчину. От громкого удара даже я вздрогнул.

– А? Что? – разлепив веки, слабо проговорил очнувшийся Клив. Его левая щека покраснела. Зуб даю, я мог со своего места разглядеть очертания ладони Брума на его коже.

– Батюшки, да мне прямая дорога в медицинский, – победно произнёс Оливер. Он присел на корточки и пощёлкал пальцами перед лицом Клива. – Эй, приятель. Ты как? Что-нибудь помнишь?

– Готье, – невпопад сказал Клив, еле шевеля губами. – Удар... больно...

– Он в норме, – поднимаясь, вынес вердикт Оливер.

– Чего? – непонимающе переспросил я. Если, по мнению Оливера, полуживой Клив в порядке, то я, видимо, ничего не понимаю в этой жизни.

– Отвечает он как обычно, в своей манере, – хмыкнул Оливер, которого вся эта ситуация начала забавлять.

– Твою мать... всё болит, – раздалось снизу.

– Видишь, он уже использует нецензурную лексику, точно в порядке, – с улыбкой произнёс Брум, махнув рукой на Клива. – А теперь слушай сюда, – отчеканил он стальным голосом; опустившись на корточки, он накрыл ладонью шею Клива. – Ещё одно бранное слово в моём присутствии, и я лично познакомлю твой рот с мылом.

Я стоял, ошарашенно уставившись на него. Оливер и намёка не давал, что может быть жестоким по отношению к кому-либо. Он сомкнул пальцы на шее Клива и сжал, отчего Клив прошипел:

– Иди в жопу, сукин сын.

– Оливер, стой. – Я схватил его за руку, но Оливер к этому времени разжал пальцы, позволив Кливу вдохнуть.

– Готье, ты классный парень, но я не выношу таких, как он. – Поднявшись, Оливер презрительно посмотрел на Клива и небрежно перешагнул через него. – Раз его не учили манерам в семье, то я готов лично помыть ему рот.

– Ты его чуть не задушил, – обвиняюще бросил я.

– Да ладно тебе, – миролюбиво проговорил он, подставив ладонь под сенсорный дозатор с жидким мылом. – Всё было под контролем. Что вы тут вообще устроили? Дуэль? – мимоходом расспрашивал Оливер.

– Не то чтобы дуэль. Я хотел поговорить с ним насчёт Леона. Он его постоянно оскорбляет.

– Я смотрю, разговор удался, – развеселился Оливер. – Эй, Клив, не трогай больше Леона, ладно?

– Да пошёл ты, ублюдок! – прокричал Клив, пытаясь подняться.

– Я так и думал, – задумчиво кивнул Оливер. – Я готов вынести многое, но не терплю невежества и хамства. А от нецензурной лексики мне хочется закопать человека заживо, – объяснял Оливер. Он подошёл к Кливу и показал ему ладонь с жидким мылом: – Ещё одно слово, и это окажется у тебя во рту.

– Да ты чокнулся, сукин сын, – огрызнулся в ответ Клив.

– Я предупреждал. – Оливер свободной рукой схватил его за волосы и силой приподнял голову. Клив приоткрыл рот и взвыл от боли. Брум моментально запихнул ему в рот мыло и сжал челюсти. Клив забился в его руках, пытаясь выплюнуть мыло, но Оливер крепко держал его. У Клива не было возможности сплюнуть. По его губам потекли мыльные слюни. Выглядел он жалко. – Ты будешь хорошим мальчиком, Клив, и больше не тронешь Леона, договорились? – доброжелательно продолжал Оливер, при этом всё его тело так и пылало агрессией.

– Достаточно! – крикнул я, заметив, что Клив сейчас сглотнет. Оливер отпустил его и поднялся, поправляя форму. Клив закашлялся,

сплёвывая на кафель. У него не было сил встать.

Оливер опёрся спиной о стену и, глядя в сторону, начал говорить. Казалось, он обращался к каждому из нас.

– Леон мог бы воспользоваться тёмной материей и разделаться с тобой в два счёта. Мог бы пожаловаться своему дяде-полицейскому. Но у Леона есть слабость. У каждого из нас они есть. Леон слишком добрый, чтобы защищать себя. Он не хочет проблем даже для таких негодяев, как Клив. Эй, – он носком ботинка грубо толкнул Клива в бок, – если дядя Леона узнает, что такая мразь, как ты, обижает его племянника, он может сломать тебе жизнь. Хотел бы я дожить до этого момента, но Леон продолжает строить из себя добряка. Поэтому, – Оливер снова опустился на корточки перед Кливом; тот молча с ненавистью смотрел на него, – если ты ещё раз тронешь Леона, то у твоего старшего братца, – Оливер нагнулся и по-дружески поправил волосы Клива; у меня холодок по спине пробежал от этого движения, – в Академии будут большие проблемы. Ты ещё помнишь, что мой отец – директор Академии Святых и Великих? Или все мозги отбило?

– Помню, – выплюнул Клив.

– Так вот, мой отец сделает так, что твоего братца вышвырнут, не успеешь ты досчитать до одного. Ясно тебе?

Оливер не спеша встал, подошёл к раковине и открыл кран.

– Такие, как он, недостойны жизни, – произнёс Оливер, намыливая руки и наблюдая за мной через зеркало. – Ты нам с Оливией нравишься, Готье. Но не связывайся с этим отбросом. С такими разговоры бесполезно вести.

Он закрыл кран, оторвал бумажное полотенце и по-деловому проговорил:

– Я уже порядком с вами задержался. Преподаватель думает, что я ушёл в уборную, теперь нужно поскорее вернуться на урок.

– А нам что делать? – спросил я, указывая на Клива. Тот сидел, подпирая спиной стену.

– Я напишу Оливии, – сказал Оливер, доставая телефон. – Кратко обрисую ситуацию, она может соврать, что у неё заболел живот или начались месячные, отпроситься в медкабинет и украсть бинты. Надо вам обоим перевязать грудь и сделать это как можно быстрее, а потом найти другую рубашку. Ты как там, Клив, приятель, жив? – с улыбкой спросил он, словно не угрожал ему только что.

– В порядке, – буркнул Клив. Я удивлённо глянул на него. Неужели такие могут переучиться? Оливер, как будто прочитав мои мысли, помотал головой.

– Оливия сможет украсть бинты? – спросил я, прежде чем Оливер вышел из туалета.

– Не дай ей себя обмануть. Если ей что-то нужно, она из-под земли это достанет, – хмыкнул Оливер и махнул мне рукой на прощание.

Когда за Оливером закрылась дверь, мы вновь остались с Кливом наедине.

– Он псих, – произнёс Клив, осторожно вставая.

Я ничего не ответил. Оливер сегодня предстал в новом пугающем свете. Если бы кто-то рассказал мне, что Оливер жестокий, властный, не терпящий хамства человек, с лёгкостью готовый выбить дерьмо из любого, то я бы покрутил пальцем у виска. Но сейчас я убедился, что слишком мало знаю о близнецах Брум.

Впрочем, то, что он говорил про Леона, казалось истинной правдой. Я почти ничего не знал про его дядю, но, вспоминая высокого уверенного мужчину средних лет, с резкими чертами лица и низким голосом, мог понять, что переходить ему дорогу – опасно.

Тихий стук в дверь спустя десять минут вернул меня в реальность. Мы с Кливом с опаской покосились на вход. Ни я, ни он не горели желанием попасться в таком виде преподавателям. Нас могли отстранить от занятий или ещё хуже – отчислить.

– Привет, ждали? – улыбнулась Оливия. – Я вам бинты принесла.

Я смутился и попытался спрятать раны, но вышло нелепо. Клив помахал ей рукой, и только сейчас до меня дошло, что, возможно, и он в неё влюблён. Оливия лёгкой походкой прошла мимо Клива напрямик ко мне. Её светлые локоны плавно подпрыгивали при каждом шаге. Она была в женской форме: белая блузка, плотная жилетка и юбка ниже колен с двумя карманами. Из одного кармана торчала упаковка с бинтом.

– Мальчики, что же это вы устроили? – качая головой, нежно проронила она.

Я не знал, чему верить. После Оливера я не мог воспринимать Оливию как прежде.

– У меня тут платок, бинты и маникюрные ножницы, – как маленькому, объясняла она мне. – Оливер торопил меня, пришлось

выкручиваться. Не смогла найти антисептик. Надеюсь, будет достаточно промыть рану водой с мылом.

Она быстро намочила платок и приложила пару раз к моей груди. Я чуть не задохнулся от смущения, но Оливия вела себя как первоклассная медсестра. Не хватало ещё упасть в обморок от её прикосновений.

– Мне тоже нужна помощь, – напомнил о себе Клив.

– Помню, – не оборачиваясь, произнесла она равнодушно. – Жди своей очереди. У меня только две руки.

– Я могу сам, – заявил я. Всё это время она протирала мне грудь мокрым платком.

– Если ты не против, я хотела бы сделать всё сама и знать наверняка, что ты в порядке. – Оливия улыбнулась мне, поднимаясь. – Сейчас будет немного щипать, я добавлю мыло. Нужно убедиться, что раны хорошо промыты.

Я наблюдал за ней, забыв о ранах, и опомнился, когда она вскрыла бинт.

– Пожалуйста, подними руки.

– Что?

– Хочу забинтовать тебя. – Она указала на бинт.

Я нерешительно поднял руки, и Оливия юркнула ко мне почти в объятия. Я чуть было не обнял её в ответ. Она перебинтовывала мой торс с осторожностью, стараясь не прижиматься ко мне слишком сильно, но я всё равно чувствовал её духи, тепло её тела. У меня закружилась голова.

– Готово, – удовлетворённо произнесла Оливия, когда маникюрными ножницами отрезала лишнее и завязала концы бинта в бантик.

– Спасибо, – выдохнул я.

Она поднялась, постирала платок в раковине и подошла к Кливу.

– У тебя ран больше, – оценивающе проговорила Оливия, присаживаясь рядом.

– Не знаю, как это произошло, – буркнул Клив.

Пока Оливия занималась Кливом, я скомкал остатки испорченной рубашки и запихнул в рюкзак. Пиджак выглядел терпимо, если не приглядываться. В любом случае стоило купить новый комплект униформы. Штаны тоже были безнадёжно испорчены.

– Нам нужны рубашки, – нерешительно произнёс я.

– Оливер сказал, что займётся этим. – Она промывала грудь Клива мыльным раствором. Ему от вида мыла, кажется, сделалось хуже.

– Он уже на уроке?

– Да. Иначе преподаватель заметил бы долгое отсутствие. А я сказала, что мне нужно в медпункт. Если меня хватятся, скажу, что стало хуже и я просидела пол-урока в женском туалете.

– Как у вас складно с Оливером получается... – начал я и осёкся.

– Врать? – рассмеялась она. – Ты это хотел сказать? Да, нам часто дома приходилось врать, вот и приноровились.

– Спасибо. – Я кашлянул и повторил: – Хотел бы вас обоих поблагодарить.

– Ещё успеешь, – подмигнула она. Затем велела ровным голосом Кливу: – Руки подними.

Оливия закончила, как раз когда прозвенел звонок на перемену. В помещение, испугав нас троих, ворвался Оливер.

– Я чуть не рехнулся, пока пытался объяснить преподавателю, почему мне срочно надо уйти пораньше с урока. Я дал указание Патрику, водителю своему, гнать до первого магазина и купить рубашки. Не знаю, подойдут ли размеры. Так вот, сказал мистеру Эвансу, что переживаю за сестру, уж больно долго её нет, не померла ли по дороге из медпункта, – торопливо объяснил он, передавая купленные рубашки.

– Да ты просто хотел на голых парней ещё попялиться, – хихикнула Оливия.

– Ой, шла бы ты лесом, а? – отчеканил покрасневший Оливер.

– Сам иди. Я вообще-то делом занималась, посмотри, как хорошо я их обработала.

– Тут большого ума не надо, – парировал Оливер.

Мы с Кливом молча одевались, периодически поглядывая друг на друга, пока эти двое цапались в своё удовольствие.

– Я всё, – напомнил я близнецам о себе, после того как закинул рюкзак на плечо.

– Рубашка немного узкая, – пробубнил Клив.

– Я твоего размера не знал, так что простите великодушно, – съязвил Оливер, затем повернулся к сестре: – Иди покажись мистеру Эвансу, скажи, что я пошёл в кафетерий тебе за водой. Нечего тебе

в мужском туалете отсиживаться на перемене, в любой момент кто-то может зайти.

Оливер выглянул из-за двери, оценил обстановку и произнёс:

– Выходи скорее.

Оливия игриво шлёпнула брата по плечу и вышла из туалета.

– Хочу попросить каждого из вас ничего не говорить Леону, – уверенно произнёс я. – Не нужна ему лишняя нервотрёпка.

– Поддерживаю, – поднял руку Оливер. – А что насчёт тебя? Будешь ли ты сотрудничать или придётся снова применить угрозы?

– Да мне пофиг, – буркнул Клив, но под недовольным взглядом Оливера добавил: – Хорошо.

– Договорились, – кивнул я.

– Оливия тоже ничего не скажет, – улыбнулся Оливер.

– Клив, как себя чувствуешь? – спросил я. Не хотелось, чтобы он рухнул на лестнице.

– Тело ломит, как будто я весь день занимался силовыми. Отпрошусь, поеду домой, – ответил он вяло.

– А ты не хочешь пойти домой? – спросил Оливер, когда за Кливом закрылась дверь.

– Нет. У нас защита проекта.

– Боже, Готье. Это сейчас совсем не важно. Ты еле ходишь.

– Не хочу никого подводить. Мы долго готовились.

– Чувствую, переубедить тебя я не смогу. Давай сходим купим воды Оливии.

Оставив за спиной злополучный туалет, только теперь я осознал, как мне повезло, что именно Оливер увидел нас с Кливом.

– Это чёртово везение, что именно ты пришёл на помощь, – спустя пару минут поделился я своими мыслями с Оливером.

– Не сказал бы, что это везение. Я искал тебя.

– Меня? – переспросил я удивлённо.

– Хотел до урока повторить материалы по проекту, но ты пропал. Я расспросил других, и мне сказали, что видели, как ты поднимался по лестнице. Я обошёл четвёртый и пятый этажи, а потом наткнулся на вас.

– Спасибо, – искренне поблагодарил я.

– Да ладно, – отмахнулся Оливер. – Слушай, ты прогулял первый урок. Что скажем?

– Что мне стало плохо?

– Внезапно и тебе, и Оливии, и Кливу стало плохо. Попахивает массовым отравлением, – усмехнулся он. – Можно сказать, что у тебя кровь из носа пошла и ты пол-урока пытался её остановить. И тебе в туалете стало ещё хуже.

– Думаешь, поверят? – скептически спросил я.

– Да, если ты проколешь палец и немного испортишь рубашку кровью. У тебя сейчас бледный вид, поэтому будет выглядеть правдоподобно, – убедительно проговорил Оливер.

– Да ты прям гуру лжи.

Он рассмеялся.

– Не считаю ложь чем-то низким, ведь она бывает разная. Если ложь нужна для достижения цели, то я только за. Даже героям приходится лгать. Если вспомнить Ахиллеса, то ему пришлось скрываться на острове Скирос в образе девушки и врать всем, чтобы избежать отправки на Троянскую войну.

– Одиссей быстро разоблачил его, – с улыбкой добавил я.

– Одиссей – достойный человек. Хитёр, умён, ему не стыдно сознаться во лжи, – серьёзно произнёс Оливер.

– Кстати, – остановился я. – Ты мне странные сообщения писал пару дней назад.

– О, – отмахнулся Оливер, – забудь. Я был пьян и расстроен.

– Что-то случилось?

Пьяный Оливер – это не укладывалось в голове.

– Всё в по-о-олном порядке, – фальшиво пропел он.

– А если не врать?

– Ты не Одиссей, чтобы я во всём сознался, – серьёзно проговорил Оливер.

– А ты не Ахиллес.

Оливер промолчал, развернулся и бросил через плечо:

– Будь добр, купи Оливии воду. Встретимся в кабинете.

Сам того не желая, я задел Оливера.

Математика началась вполне обычно, если не думать о том, что у меня болело всё тело. Я пытался сидеть ровно, но то и дело хотелось скривиться от болезненных спазмов. На следующем уроке сдавать проект, а в голове пусто, будто не я, а кто-то другой готовился к защите весь последний месяц.

Иногда я поглядывал на Оливера – кажется, он серьёзно воспринял ранее сказанные мной слова; нам не довелось и парой фраз перекинуться после того, как наши пути разошлись у кафетерия. Он забежал в класс перед приходом преподавателя – мистера Корели, пожилого мужчины с самыми пышными усами, какие мне только доводилось видеть в своей жизни – и торопливо уселся под внимательным взглядом сестры.

Он сказал будничным тоном, что был пьян и расстроен, словно пил и пребывал в удручённом состоянии довольно часто. Я ни разу не видел Оливера таким, поэтому представить эту картину было довольно сложно. Пьяный и расстроенный Оливер написал мне. С чего бы это? Наши отношения точно не подходили под определение близкой дружбы.

Нерадостные мысли одолевали меня первые десять минут урока. Я мог и дальше заниматься анализом своих действий, но выбрал оптимальный выход, к которому рано или поздно приходят все парни моего возраста – оставить всё как есть и плыть по течению. Мне вовсе не хотелось ссориться с Оливером, но если он, как кисейная барышня, будет обижаться каждый раз, стоит мне хоть немного задеть его самолюбие – подумать только, я сообщил ему, что он не Ахиллес! – то лучше я буду держаться в стороне.

Оливия же находилась в приподнятом настроении. Она улыбнулась мне в начале урока – той самой хитрой улыбкой, означающей, что у нас есть общая тайна. Хотел бы я, чтобы этой тайной было что-то более романтическое, чем неудачная во всех смыслах дуэль в мужском туалете. Вышел я из неё точно не победителем.

Я мог и дальше любоваться Оливией, чтобы отвлечься от мрачных мыслей, но рядом сидел Мартин. Я не хотел допустить возможность в очередной раз сделать себя предметом его глупых шуток. Он не

набивался ко мне во враги, но и дружелюбным соседом по парте его назвать язык не поворачивался. Будучи слабым в тёмной материи, Мартин видел во мне собрата по несчастью. Оказаться с Мартином в одной лодке – такое себе достижение. Он не проявлял физического насилия по отношению к другим: не бил никого, не толкал, не ставил подножек, но любил унижить, высмеять, дать обидную приставучую кличку. Оливер игнорировал таких, как Мартин или Клив; Оливия была дружелюбна, а я просто соблюдал нейтралитет.

Леон внимательно слушал преподавателя и конспектировал его речь. Я глянул на свой пустой лист и принялся торопливо записывать то, что ещё не успели стереть с белой доски. В этот момент в дверь кабинета постучали.

Меньше всего я ожидал увидеть на втором уроке Гедеона.

Как только он появился, я решил было, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Может, что-то с отцом или Габриэлкой, Академия сгорела или наш дом ураганом унесло в страну Оз. Я никогда прежде не видел его в стенах лицея.

Мистер Корели с улыбкой пропустил Гедеона в кабинет – я смутно начал припоминать, знакомы ли они. Возможно, да, судя по тому, с каким видом преподаватель математики представил брата. Мистер Корели аж светился, казалось, его усы увеличились в два раза – так горделиво он задрал нос.

– Прослушайте, пожалуйста, обращение студентов Академии Святых и Великих.

Гедеон уверенно вошёл и встал в центре, готовый к выступлению. Копна светлых, слегка вьющихся на концах волос, резкие, но утончённые черты лица, бледная кожа, высокий рост вкупе с широкими плечами и тонкой талией – истинный облик чистокровного. Он был в чёрном костюме Академии Святых и Великих: поверх белой классической сорочки тёмный однотонный жилет, на шее узкий шелковый галстук; прямые брюки и начищенные туфли-оксфорды – бьюсь об заклад, я мог в них разглядеть своё отражение. На сгибе левой руки он держал пиджак, в правой – кожаную сумку.

Вслед за ним вошёл ещё один выпускник Академии: их всегда легко узнать по чёрному костюму. Он был чуть ниже моего брата, со светло-русыми волосами, спадающими на плечи.

– Доброе утро, меня зовут Гедеон Хитклиф, – начал брат, обращаясь ко всем.

Как только он представился, добрая половина класса с удивлением посмотрела на меня. Лишь близнецы и Леон не придали этому особого значения. По сравнению с Гедеоном мой сегодняшний вид (особенно удалась рубашка на размер больше) казался крайне нелепым. В стычке с Кливом я испортил свой пиджак, потрепал брюки, а на рубашке успел поставить пару-тройку кровавых капель – доказательство того, что я не просто так прогулял первый урок. Пришлось воспользоваться советом Оливера. Не оставалось времени выдумывать убедительные оправдания.

– Твой брат? – громко шепнул Мартин, переводя взгляд то на меня, то на Гедеона. Я сам не заметил, как сполз ниже, стараясь спрятаться под чужими взглядами.

– Я и мой сокурсник, Николас Шейл, представляем факультет политологии в Академии Святых и Великих. Программа обеспечивает практико-ориентированное обучение. Многие выпускники нашего факультета работают в органах государственной власти.

– Мы с Гедеоном приглашаем вас на День открытых дверей, который пройдёт на следующей неделе, – торжественно произнёс Николас, попутно раздавая рекламные флаеры.

Вся эта маркетинговая вакханалия заняла от силы пять минут, но мне показалось, что за окном солнце успело сесть и взойти снова. Я даже не взглянул на рекламный лист, доставшийся мне от Николаса, пока Гедеон любезно и, я бы даже сказал, обаятельно расписывал достоинства своего факультета. По его словам выходило, что учёба в Академии Святых и Великих – сущий рай на земле, а факультет политологии представлялся по меньшей мере оазисом в пустыне. Не знай я Гедеона и того, с каким рвением он учился, – решил бы, что он врёт. Но брат действительно любил Академию и свой факультет. По крайней мере, так мне всегда казалось. Поэтому неудивительно, что именно он пришёл агитировать в наш выпускной класс. Гедеон был на предпоследнем курсе, он усердно учился и занимал высокие позиции в рейтинге успеваемости. Кого, если не его, отправлять вербовать неопытных подростков? Тем более что у выпускников Академии сейчас практика, и им точно не до нас.

Я ничего не знал про этого Николаса, но он вёл себя с братом раскованно, а тот ему это позволял, так что я пришёл к выводу, что они друзья в Академии. Может, недостаточно близкие, чтобы Гедеон приглашал Николаса на семейные мероприятия, но достаточно, чтобы брат не сбросил его руку, которую Николас přátельски положил на его плечо.

Отвлёкшись, я не уследил за тем, как посыпались реплики личного характера. Большинство девушек – кроме Оливии – принялись задавать бестактные вопросы. Оливер раздражённо выдохнул. Ещё немного, и он мог буквально приложить руку к лицу, демонстрируя своё отношение к неуместному поведению не на шутку разошедшихся одноклассниц.

– На вашем факультете все такие красивые?

– У вас есть девушка?

– А вы можете стать моим наставником в следующем году?

Гедеон игнорировал подобные вопросы, а Николас успешно отшучивался. Мартин поднял руку, и меня чуть не хватил инфаркт. Я не принижаю его умственные способности – говорю как есть, он явно в детстве пару раз выпадал из детской кровати. Быть может, он добьётся больших высот, если возьмётся за ум, но давайте начистоту, вид Мартина с поднятой рукой никогда прежде никому не встречался, и поэтому я был в лёгком шоке, интуитивно опасаясь его вопроса.

– Готье Хитклиф ваш брат? – спросил Мартин и бесцеремонно указал на меня пальцем.

– Да, – спокойно ответил Гедеон.

Я покраснел как рак. Меня удивило, что брат даже не задумался над ответом. Он мог пропустить этот вопрос мимо ушей так же, как поступал со всеми прошлыми личными вопросами. С другой стороны, это была чистая правда, и лгать в этой ситуации бессмысленно.

– Серьёзно? – удивлённо влез Николас, рассматривая меня.

Покидали они кабинет с большим фурором, как если бы имели звёздный статус. Девушки размахивали листовками, как импровизированными флажками. Парни шумели, призывая одноклассниц успокоиться. Пара уверенных девиц на ходу попыталась всучить нашим гостям номера телефонов. Мистер Корели предпринял несколько неудачных попыток успокоить возбуждённый класс. Ребят можно было понять: они впервые видели учеников легендарной

Академии, поступление в которую считали выигрышным билетом. Да, чистокровные всегда владели внушительным состоянием, но проблема в том, что деньги имеют неприятную особенность заканчиваться. В руках малообразованных чистокровных деньги улетали из карманов по щелчку пальцев. У поступивших в Академию были все шансы попасть в Совет старейшин, встать во главе страны и иметь стабильный высокий доход.

Спустя пару беспокойных минут мистер Корели утихомирил всех и вернул класс в рабочий режим. Я переписывал уравнение с доски, но то и дело слышал шёпот за спиной – одноклассники продолжали обсуждать Гедеона и Николаса.

Телефон завибрировал в рюкзаке, и я обрадовался: быть может, это Скэриэл наконец ответил на мои сообщения. Проверив мобильный, я удивился. Номер был незнакомым.

«Почему рубашка в крови? Ты подрался?»

«Кто это?» – быстро напечатал я в ответ.

«Гедеон».

Я удивлённо уставился на экран телефона. Мы никогда с братом не переписывались. Я даже номера его не знал, но, видимо, Гедеон хранил мой номер на всякий случай.

«На первом уроке кровь из носа пошла».

«Смотрю, кто-то помог тебе с рубашкой».

Я не знал, какого ответа ждал от меня Гедеон, поэтому не придумал ничего умнее, чем сохранить его номер и убрать телефон в рюкзак.

На перемене все разбежались по своим группам, готовясь к защите проекта. Леон улыбнулся мне и направился к близнецам. Я же последовал за ним в не самом лучшем настроении.

– Готовы? – возбуждённо спросил Оливер. Я нерешительно кивнул. Кажется, Оливер за время урока отошёл от своего угнетённого состояния.

– Немного волнуюсь, – чуть погодя признался Леон.

– Вот кому-кому, а тебе не стоит переживать, – со знанием дела отчеканил Оливер.

Понятия не имею, как мы умудрились выступить – казалось, что текст напрочь вылетел из моей головы. Я ничего не соображал, и, возможно, адреналин от стрессовой ситуации мобилизовал мой мозг,

раз я сумел идеально продекламировать речь Дантона. Даже Оливер был впечатлён моими актёрскими способностями и мигом приписал себе эту заслугу.

«Я писал сценарий и руководил творческим процессом», – не забывал время от времени напоминать он.

В начале выступления меня пробил холодный пот от страха, а ноги едва не подкашивались, и я уже морально готовился к провалу. Боялся, что у меня отнимется язык или я начну нести полнейшую ахинею.

Мы выступали по сценарию, но Оливер ни разу не шикнул в мою сторону, как это было на репетициях. Я пришёл в себя, когда мы сели на места; учитель сдержанно похвалил нашу постановку и поставил высокую оценку. Леон потом сообщил, что глаза у меня сверкали недобрым огоньком во время выступления, так что я сразу перевёл это как «ты выглядел как полоумный».

Заученные фразы, которые, как мне казалось прежде, канули в Лету, уверенно вылетали из моего рта в нужный момент. Костюмы, созданные Оливией и Леоном, произвели впечатление даже на учителя. Они не поскупились и достали карманьолу – длинную куртку якобинцев; на шеи повязали платки; мне достался фрак и широкий шейный белый платок, над которым пришлось попотеть: мы всей группой пытались красиво его повязать. Воодушевившись успехом с платком, близнецы хотели натянуть на меня панталоны, чтобы я полностью соответствовал моде времён Французской революции, но получили жёсткий отказ.

На перемене я очнулся. Теперь мне было море по колено. Я выдохнул с облегчением, осознавая, что мы сдали групповой проект, над которым долго и упорно бились. Чуть позже, проверив телефон, я наткнулся на короткое сообщение от Скэриэла.

«Всё в порядке. Удачи с защитой проекта!»

Он написал мне до урока, но я увидел только сейчас.

«Спасибо! Мы сдали. Как ты?» – сев на своё место, напечатал я в ответ.

– Скэриэл сказал тебе? – спросил Оливер над моей головой. Я с недоумением уставился на него. – Он хочет устроить небольшую вечеринку в честь того, что мы защитились.

– Вечеринка?

– Значит, ещё не сказал.

– Очевидно, нет, – грубо ответил я, нахмутив брови.

– Вечеринка в духе Македонского. Или Аристотеля. Будем восхвалять культ Диониса. – Оливер не обратил внимания на мой тон.

– Да ты шутишь, – буркнул я.

– Он сам нас позвал. Сказал, что ты в курсе.

– Нас – это кого именно?

– Меня, Оливию, Леона, ну и тебя, – как маленькому, объяснял Оливер. – Так ты правда не знал? Странно.

– Мы ещё не списывались, я был занят подготовкой. – Кажется, врал я неубедительно. Оливер в сомнении поджал губы.

– Ладно. – Он потоптался ещё немного у моей парты. – Ну, тогда сегодня после уроков едем к Скэриэлу. Про культ Диониса я не шутил. Нас ждёт вакханалия.

– Мы серьёзно будем пить? – шёпотом уточнил я. Если Мартин услышит, то мигом растрезвонит всем, что мы готовимся к знатной попойке.

– Мы не просто будем пить, а наденем хитоны, возляжем и будем передавать чашу с вином по кругу, – с энтузиазмом произнёс он, не понижая голоса.

– Это уже получается симпосий, – удивлённо выдал я. – Откуда вообще хитоны?

– Вряд ли у Скэриэла настоящие хитоны валяются где-нибудь на чердаке. Я думаю, он просто даст нам куски ткани. Но вино привезу я. У отца есть неплохая коллекция в мини-баре, – авторитетно изрёк Оливер.

На следующей перемене Скэриэл всё же удосужился сообщить мне о вечеринке. Мы созвонились, и он сбивчиво поведал мне, что не планировал ничего, но, разговаривая с Оливером о диалогах Платона, заразился идеей устроить античную вечеринку.

Леон долго не решался дать окончательный ответ, присоединится к нам или нет. Мы стояли у парковки и наблюдали за тем, как Леон мнётся.

– Позвони дяде и скажи, что погуляешь с нами, – наставлял Оливер.

– Мне нужно репетировать... Скоро премьера «Щелкунчика».

– Один вечер с нами. – К брату присоединилась Оливия. – Будет весело.

– Если недолго... – неуверенно произнёс Леон, ища поддержки во мне.

– Да, мы недолго посидим у Скэриэла, – сказал я то, что Леон так хотел услышать.

Сам я не представлял, сколько будет длиться вечеринка и к чему всё это может привести. Я всё ещё не общался с отцом, прогулял первый урок и встретил Гедеона в лицее. Мне уже было достаточно впечатлений на сегодняшний день. Но теперь нам предстояло напиться. Не знаю, как я буду возвращаться домой, если вообще вернусь. Жутко хотелось остаться с ночёвкой у Скэриэла, но чтобы никто из лицея не узнал.

За Леоном приехал водитель, и он сообщил, что позвонит дяде из машины. Близнецы поинтересовались, когда приедут за мной, и мне пришлось придумать на ходу, что Кевин заболел, а новый водитель опаздывает, но будет с минуты на минуту.

– Если у тебя какие-то проблемы, то мы можем тебя подвезти, – участливо предложила Оливия, а я готов был удавиться. Меньше всего хотелось выглядеть жалким и брошенным на парковке.

– Всё в порядке, поезжайте, – криво улыбнулся я. – За мной скоро приедут.

Оливия помахала рукой и направилась к машине. Оливер задержался рядом, смерив меня оценивающим взглядом.

– Если ты думаешь, что Оливия проглотила твою ложь, то ошибаешься. Просто она не хочет ставить тебя в неловкое положение.

– А ты, значит, хочешь?

– А я просто не трясусь над твоим ментальным здоровьем.

– Оливия переживает насчёт меня? – недоверчиво переспросил я. Оливер посмотрел на меня так, будто я сделал в корне неверные выводы.

– Оливия никогда ни о ком не переживает, кроме себя любимой. Так тебя подвезти точно не нужно?

– Я вызову такси.

– Хорошо, – кивнул он. – Встретимся на месте.

– Стой! – Я схватил его за локоть; Оливер с интересом посмотрел на меня. – Утром ты сказал Кливу, что можешь устроить неприятности его старшему брату в Академии. Это правда?

– Переживаешь, что я могу повлиять на Гедеона? – насмешливо спросил он.

– Нет, я просто хотел узнать. Это правда?

– Нет, я солгал. Отцу плевать на мои проблемы, так что, даже если я пожалуюсь на кого-нибудь из студентов его Академии, он просто скажет: «Решай свои проблемы сам, сынок». Потрясающий отец, – с сарказмом заключил Оливер.

Я не знал, как реагировать на эту искреннюю тираду.

– Расстроен ты тоже был из-за него?

– Что?

– Когда вечером слал мне сообщения, ты сказал, что был пьян и расстроен.

Оливер рассмеялся, словно я выдал первосортную шутку.

– Ты оказался на редкость любопытным, – довольным тоном произнёс он после того, как успокоился. – Тебе бы в следователи. Как так выходит, что ты заводишь непринуждённую беседу, отвлекаешь внимание, а потом бьёшь в лоб прямыми вопросами?

– Я ничего такого не делал... – мигом стушевался я. Ничего подобного у меня и в мыслях не было. Я не собирался заводить Оливера в тупик, но ему со стороны виднее.

– Я встречался кое с кем, думал, что у нас серьёзные отношения, а он мной воспользовался и бросил, – жёстко произнёс Оливер, уставившись на меня. – Достаточно информации? Или выдать все явки, пароли?

– Прости, – опешил я от его ответа.

– Оливер! – крикнула Оливия вдалеке, указывая на машину. – Мы едем?

– Она знает? – спросил я, глядя на неё.

– Боюсь представить, чего только она не знает, – грустно сказал Оливер. Повернулся к сестре, изобразив радостную улыбку, и помахал ей рукой. – Сейчас поедem!

Я вызвал такси до дома Скэриэла, но никак не ожидал, что приеду первым. Оливер с сестрой планировали заехать домой за алкоголем, но Леон уехал раньше, следовательно, уже должен был стоять на пороге Лоу. Я осмотрелся, но машины Кагера нигде не было видно. Он хотел вместе со мной зайти в дом, объясняя это тем, что ему неловко оставаться с полукровкой наедине.

Выйдя из такси, я ещё немного потоптался на месте, не в силах сделать и шага. После скандала с отцом мы не виделись со Скэром, и меня мучила совесть: я всё ещё чувствовал ответственность за случившееся. Предложение Леона показалось мне как никогда удачным. Глубоко в душе я тоже не хотел сейчас оставаться наедине со Скэриэлом.

На улице холодало. Ещё недавно мы гуляли только в униформе лица, но теперь приходилось кутаться в шарф и пальто. Я и не заметил, как пришла зима.

Дверь отворилась, и на пороге показался довольный Скэриэл. Его нижняя губа была разбита и опухла, но в целом выглядел он хорошо.

– Долго ещё будешь стоять? – насмешливо спросил он.

На нём были серые домашние штаны с растянутыми коленками и однотонная чёрная футболка. Как обычно, он вышел босым. Я всё раздумывал над тем, чтобы подарить ему тапочки. Он не любил носки, а если приходилось их надевать, то специально или случайно – я так и не разобрался – носил непарные. Как-то я подарил ему две пары дизайнерских носков с принтами «Звездной ночи» и «Подсолнухами» Ван Гога, на следующий день он явился в разных носках, но они каким-то магическим образом сочетались.

– Как ты узнал? – Я торопливо направился к нему, избегая зрительного контакта. Синяк на губе служил для меня прямым напоминанием о том, что Скэриэл пострадал.

– Я вас ждал, да и шум подъезжающей машины услышал. А ты хотел сбежать? – Кажется, у него игривое настроение. Я помотал головой.

В холле, скинув рюкзак, я повесил пальто и разулся под пристальным взглядом Скэриэла. Он опёрся спиной о стену, скрестив

руки на груди. Мы оба молчали.

– Что? – Я посмотрел куда-то в сторону. Меня сильно напрягала возникшая обстановка.

– Это ты мне скажи, что? – с улыбкой произнёс он. – Ты избегаешь меня?

– Нет, это не... – Растерявшись, я застыл как истукан. Что такого сказать, чтобы сменить тему?

– Что с твоей рубашкой? – Скэриэл указал на алые капли.

– На уроке кровь пошла из носа.

Он подошёл ближе, на расстояние вытянутой руки. Деваться было некуда, пришлось посмотреть ему в лицо. Скэриэл нахмурился, словно решал задачку по тригонометрии.

– Что случилось? – серьёзно спросил он.

– Да ничего, – вяло ответил я. – Просто...

– Готи, говори уже, – настоял Скэриэл, положив правую руку мне на плечо. Я почувствовал тяжесть чужой ладони и понял, что избежать разговора не удастся.

– Ты не злишься на меня? – наконец выдал я, когда он слегка сжал моё плечо.

Теперь настала очередь Скэриэла удивляться. Его брови поползли вверх. Мне захотелось вывернуться, броситься из дома прочь, но вместо этого я молча уставился на свои ступни.

– Почему я должен злиться? – в недоумении спросил он. – Ты это из-за отца?

Я молчал. Не дождавшись ответа, он положил вторую руку на другое моё плечо и сжал сильнее, чем прежде. Казалось, что он сейчас меня встряхнёт. Я был словно в тисках – не сбежать, не скрыться.

– Готи, я не зол на тебя, у меня и в мыслях такого не было, – заверил он, подойдя ближе. – Что ж вы такие ранимые, – обнимая, произнёс он куда-то в сторону. – Скажу больше: я и на твоего отца не злюсь.

Я устало опустил голову ему на плечо. Вся тяжесть двух эмоционально сложных дней как будто разом навалилась на меня, и сейчас я мог поделиться этим с кем-то.

– Бедный маленький Готи, небось, всю ночь не спал, переживал, – фальшиво ласковым голосом протянул Скэриэл, глядя меня по голове. Я чувствовал, как он сдерживается, чтобы не рассмеяться в голос.

Я оттолкнул его, моментально краснея.

– Отвали, – буркнул я, направляясь в гостиную. Он прыснул от смеха за моей спиной.

– Ну что ты, иди ко мне на ручки, – хихикая, не унимался Скэриэл.

– Леон ещё не приезжал? – спросил я, усевшись на диван. Дай волю Скэриэлу, он будет глумиться ещё час.

– Не-а. – Он направился на кухню. Я услышал, как он открывает дверцу холодильника. – Ты голоден?

– Нет, только пить хочу. – Повернувшись, я облокотился на спинку дивана. – Есть сок или газировка?

– Есть томатный сок. – Он достал упаковку и показал мне. – Редкая гадость, но Джерому нравится.

– Не переносу его, – скривился я.

– Джерома или томатный сок? – Скэриэл открыл упаковку и понюхал содержимое, затем поморщился.

– Очень смешно, – закатил глаза я.

– Так когда появятся остальные? – спросил он, доставая газировку.

– Я думал, что Леон приедет первым. Близнецы заехали домой за вином. – Я принял от Скэриэла стакан с газировкой. – Слушай, я сегодня утром рано ушёл из дома и вообще не хочу возвращаться. Я с отцом так и не поговорил после вчерашнего.

– Ты можешь остаться у меня. – Скэриэл отпил из своего стакана и задумчиво посмотрел на меня. – Но рано или поздно тебе придётся поговорить с отцом.

В дверь позвонили; не надо было быть ясновидящим, чтобы понять, кто приехал – кажется, звонкий голос Оливера, спорящего с сестрой, достигал другого конца улицы.

«Леон, где тебя носило?» – спросил Оливер снаружи.

«Оливер, осторожнее, разобьёшь!» – вторила ему Оливия.

Скэриэл поспешил впустить шумных гостей. В холле раздались громкие весёлые голоса. Я со стаканом в руке поплёлся к ним.

– Готье, ты здесь? – радостно поприветствовала меня Оливия. – Мы немного задержались.

Они с братом успели дома переодеться: Оливия надела изумрудный свитер крупной вязки и клетчатую юбку. Её светлые волосы были заплетены в косу и украшены зелёной лентой. Я как идиот уставился на неё, не в силах отвести взгляд или поприветствовать их.

Язык прилип к нёбу, так что, задай мне кто элементарные вопросы, я бы и тут налажал.

– Кто-нибудь, возьмите, – простонал Оливер, протягивая две бутылки. – Я чуть не попался, когда пытался их пронести мимо прислуги.

– Они бы всё равно тебе ничего не сделали, – произнесла Оливия, разуваясь.

– Но могли донести отцу, – раздражённо бросил он.

Наблюдать за тем, как близнецы спорят, было интересно. В лицее они вели себя словно недосыгаемые идола: немногословны и мало заинтересованы в окружающих, – но сейчас это были два обычных подростка, которым приходится жить под одной крышей.

Оливер поприветствовал Скэриэла и передал ему бутылки. Одет он был в белый свитер крупной вязки и брюки в клетку, явно из одной коллекции с юбкой сестры.

– Я перерыл весь мини-бар отца, но достал эксклюзив! Сегодня мы будем пить вино из Греции и Франции. Элитное греческое вино «Кормилица», золотая коллекция, греки выращивают виноград на горе Афон! – торжественно поведал Оливер. – Это жемчужина алкогольной продукции в Греческой Македонии. Специально для наших посиделок в македонском стиле.

– Откуда ты всё это знаешь? – удивлённо спросил Леон, разуваясь последним.

– Я умею читать, – со смехом отозвался Оливер. – На этикетке написано.

– А второе вино? – поинтересовался я, чувствуя, что Оливер ждёт не дождётся, когда кто-то об этом спросит. Я изобразил любопытство, хотя не горел желанием пить, да и тема алкоголя мало меня волновала.

– Дё Монтий Сёр-Фрер, Шабли Гран Крю «Ле През», – произнёс он с видом опытного сомелье; кажется, уровень его французского только и позволял, что пафосно читать этикетки на бутылках с дорогим алкоголем. – Белое сухое вино из Бургундии, Шабли.

– Здорово, – произнёс Леон без особого энтузиазма. Кажется, мы с ним оба не разделяли восхищения Оливера.

Повесив твидовое пальто, Оливер прошёл в гостиную следом за сестрой. Мы с Леоном переглянулись, как два трезвенника, по ошибке забредшие на вечеринку.

– Любезнейший, где наши хитоны? – Оливер обратился к Скэриэлу, и мы все поняли, что наш македонский пир негласно начался.

Скэриэл, улыбаясь, достал из-за дивана крупный бумажный пакет, который прежде я не заметил, и вывалил содержимое на пол.

– Добрейший Оливер, прими мои дары и выбери любую ткань по своему усмотрению.

От мысли, что со стороны они выглядели как два павлина, готовых состязаться в искусстве красноречия, я чуть не прыснул со смеха.

– Нет, я точно не буду так разговаривать, – прошептал за спиной Леон.

Прикрыв язвительную улыбку ладонью, я наблюдал за тем, как Оливер поднял белую ткань и накинул на себя.

– А дальше как? – хихикая, спросила Оливия. Кажется, её тоже забавляла эта сцена.

– Накинуть ткань, завязать на плечах, можно ремнём на талии закрепить, – авторитетно объяснил Оливер, словно каждый день разгуливал в хитоне.

– Я купил тебе сорочку, она плотная и похожа на то, что носили девушки в Древней Греции. – Скэриэл протянул Оливии свёрток.

Оливия изумлённо посмотрела на Лоу и с благодарностью приняла подарок. Мы с Леоном чуть рты не разинули от удивления. Мне бы точно такое и в голову не пришло.

– С вашего позволения, я переоденусь на втором этаже, – произнесла она, направляясь к лестнице.

– Ну всё, можешь из неё верёвки вить. – Оливер, не стесняясь, скинул свитер. – Она ценит внимание к деталям.

Скэриэл снял футболку и бросил её на диван. Я неторопливо принялся за рубашку, но мигом остановился, вспомнив, что грудь перевязана бинтами: что, если Леон спросит об этом? Я в панике посмотрел на Оливера. Не знаю, понял ли он мою мольбу, но даже Скэриэл с волнением оглянулся.

– Леон, ты будешь переодеваться? – На помощь как нельзя кстати пришёл сообразительный Оливер.

– Это обязательно? – спросил Леон, кусая губу. Он с опаской смотрел то на нас, то на ткань у ног.

– Если стесняешься, то можешь переодеться на втором этаже, – добавил Скэриэл, накидывая ткань.

– Ладно, давайте так, – чуть задумавшись, кивнул Леон. Он подобрал ткань и нерешительно направился к лестнице вслед за Оливией.

– Ванная на втором этаже в конце коридора! – крикнул Скэриэл. – Или можешь зайти в любую свободную комнату!

Как только Леон скрылся, Скэриэл требовательно посмотрел на меня.

– Он знает? – тихо спросил Оливер, намекая на Лоу. Даже если бы я хотел скрыть утреннюю перепалку с Кливом от Скэриэла, Оливер мигом раскрыл наш секрет. Я мысленно сделал себе пометку поменьше трепаться при Оливере.

– Что знаю? – невозмутимо спросил Скэриэл.

Скрывать произошедшее от Скэриэла не было смысла. Я планировал рассказать ему раньше, но это начисто вылетело из головы.

– Я хотел поговорить с одним парнем, он вечно пристаёт к Леону, но... – начал было я.

– Но их обоих размазало по кафелю, – рассмеялся Оливер, неумело завязывая ткань на левом плече.

– Не понял, – произнёс Скэриэл и требовательно посмотрел на Оливера. Он стоял с обнажённой грудью, руки на бёдрах, готовый в любую минуту броситься в драку с неким парнем.

– Ну, в общем... вот, – Я расстегнул рубашку. Скэриэл в ужасе уставился на меня. Я вздрогнул от его поражённого взгляда. Да, согласен, выглядел я немного пугающе: на бинтах появились небольшие кровавые пятна, но уже ничего не болело.

– Кто это сделал? – грозно спросил он.

Я скинул рубашку и быстро набросил ткань, игнорируя вопрос Скэриэла.

– Дай помогу, – внезапно сказал Оливер, подходя ко мне. – Здесь нужно по-другому завязать.

– Вы ещё не переоделись? – раздалось сзади. Оливия появилась в длинной ночной сорочке; в руках она несла аккуратно сложенные вещи.

– Где Леон? – опасно спросил я.

– Наверху.

– Ты тоже в курсе? – недовольно спросил Скэриэл у неё. Кажется, его раздражало то, что он не знал всей ситуации. Я видел, как с каждой минутой нашего неловкого разговора его терпение иссякало.

– Я бинтовала его.

– Потом поговорим, – решил Скэриэл чуть погодя, наблюдая за тем, как Оливер неумело моделирует мой импровизированный хитон.

– Не о чем говорить, – буркнул я с нарастающим раздражением.

– Потом обсудите всё, голубки, – прыснул Оливер.

Скэриэл с недоумением посмотрел на него. Оливер заметно стушевался под этим взглядом. Он явно ждал, что мы оценим его метко брошенную фразу, но даже я недовольно нахмурил брови.

– Вы же... – занервничал он, откидывая светлые волосы со лба, – встречаетесь?

– Что?! – воскликнул я. Скэриэл пятернёй зачесал волосы назад и шумно втянул носом воздух.

– Это не так, – сердито отрезал он.

Кагер показался за спиной Лоу. Он, как и Оливия, аккуратно сложил свои вещи и теперь стоял в самодельном хитоне – при этом сумев правильно его надеть, вышло намного лучше, чем у Оливера. Мой наряд прикрыл грудь, но я всё равно боялся, что в складках ткани он разглядит бинты.

– Всё в порядке? – осторожно спросил Леон.

– Да, да, – выговорил я с трудом. – Оливер несёт вздор.

– П... простите, – запинаясь, наконец выдал Оливер. Я впервые видел его таким растерянным. Он неловко улыбнулся. – Я правда подумал, что вы встречаетесь.

– Мы лучшие друзья, – совладав с собой, проговорил Скэриэл.

В его голосе звучало осуждение.

– Закрыли тему, – раздражённо буркнул я.

Оливер кивнул, отпрянув. Скэриэл молча натягивал ткань. Оливия указала Леону, куда лучше убрать вещи, и принялась заботливо складывать брошенный свитер брата. Я посмотрел на мятую футболку Скэриэла и поборол внезапно возникший порыв её сложить.

Повисло долгое мучительное молчание. Мне показалось, что на этом мы и закончим нашу вакханалию.

Первым разрядил атмосферу Скэриэл, и мы все были ему очень благодарны.

– Давайте раскидаем одеяла и подушки на полу, чтобы всем уместиться?

Мы мигом загорелись этой идеей, словно ничего более интересного не существовало и в помине. Скэриэл и Оливер отодвинули диван, а я, Леон и Оливия поднялись на второй этаж за одеялами.

– Чья это комната? – мимоходом спросила Оливия.

– Кажется, Джерома, – ответил я.

– А где он? – спросил Леон. Я пожал плечами.

После того как мы обустроили место для возлежания, новой проблемой стало открыть бутылки с вином без штопора. На помощь пришли жалкие познания Скэриэла и могучий интернет.

– Я думал, что раз ты пьёшь, то умеешь открывать, – чуть позже шепнул я Оливеру из чистого ехидства.

– Я пью из открытых бутылок... У отца много начатых, а я потихоньку допиваю, – оправдываясь, недовольно прошептал он.

Мы расселись по кругу: Скэриэл и я рядом, Оливия и Оливер слева от меня, Леон по правую сторону от Скэриэла. В центре уместились две бутылки из коллекции мистера Брума, виноград, сырная нарезка, ранее купленная Скэриэлом, и глубокая тарелка, в которую принято насыпать кукурузные хлопья и заливать молоком. Оливер торжественно наполнил вином тарелку до краёв, и, чуть не пролив, поднял двумя руками импровизированную чашу.

– Пир объявляется открытым! – торжественно произнёс он. Скэриэл захлопал, и мы присоединились к нему. – Первый тост за Французскую революцию, которая нас всех тут и объединила!

Он сделал большой глоток и передал вино Оливии. Она отпила немного, сморщила миниатюрный носик и передала Леону. Тот осторожно принял чашу и с сомнением взглянул на содержимое.

– Давай, пей, – весело подначил Оливер, маша рукой.

– Совсем чуть-чуть можешь, я тоже много не пью, – заботливо добавила Оливия, по-приятельски похлопав Леона по спине.

Леон пригубил, сделав глоток, – как по мне, он просто симитировал, что пьёт. Никто не стал требовать повторения. С самого начала было ясно, что к Леону Кагеру все относятся как к младшему брату, не обращая внимания на то, что близнецов он старше на год. Есть такой тип людей, которых не хочешь огорчать. Они выглядят так,

словно им нужна постоянная забота и защита. Мы деликатно и незаметно следили за Леоном, оберегали от невзгод и развлекали на свой лад. Скэриэл говорил, что чистокровные как тепличные цветы, и если продолжать аналогию, то Леон – белая роза. У них слабый иммунитет к паразитам, необходима грамотная обрезка, они легко засыхают, и им нужен период покоя.

Забавно поморщившись, он передал чашу Скэриэлу. Тот не стал тянуть и сделал большой глоток на радость Оливеру, затем передал напиток мне. Я никогда не интересовался алкоголем, но французское вино мне понравилось. Оливер издал победоносный крик, рассмешив всех.

Мы расселись, скрестив ноги, ведя живую беседу и поедая виноград с сыром. То и дело Оливер провозглашал очередной тост, заставляя каждого пригубить вино. Так за разговором мы не заметили, как прикончили одну бутылку. Больше всех выпили Оливер и Скэриэл. Их речь стала немного бессвязной, движения размашистыми, а реакция замедленной.

– Раз мы уже опустошили одну, то предлагаю кое-что интересное, – произнёс Оливер, вертя в руках пустую бутылку.

– Что? – спросил Леон.

– Сыграем в бутылочку? – сказал он игриво.

XXVII

– Бутылочку? – тотчас переспросил Леон и ошарашенно уставился на меня, будто бы я был единственным здравомыслящим здесь человеком и мог остановить происходящее.

Видимо, Леон был обо мне лучшего мнения, чем я думал. Я отвернулся, чтобы скрыть смятение от Оливии. От одной мысли о том, что благодаря этой игре я мог её поцеловать, меня бросало то в холод, то в жар. Даже ладони вспотели; я чуть было не уронил чашу с вином.

Скэриэл прыснул от смеха, по-приятельски закидывая руку мне на плечо, словно был уверен, что эта затея мне точно понравилась. Оливер заулыбался ему, демонстративно опустил бутылку и раскрутил. Под смешки Скэриэла бутылка повернулась к Оливии.

– Не на поцелуи, верно? – спросила она, не глядя на брата. Её щеки тоже покрылись румянцем, но, как мне казалось, не от смущения, скорее под воздействием вина. По её лицу было понятно, что предложение брата ей не по нраву.

– А вы против? – Оливер хихикнул и чуть завалился на Оливию. Она недовольно толкнула его локтем в бок.

– Мы ещё недостаточно пьяны, чтобы соглашаться на такое, – вставил Скэриэл, развалившись на своём месте; его слегка качало, так что иногда он приваливался к моему плечу. – Нужно сначала выпить это. – Он указал на греческое вино, к которому мы ещё не притронулись. – А потом хоть оргию предлагай. Наутро никто ничего не вспомнит.

Мне было непонятно, говорит он это в шутку или на самом деле считает так. Перспектива целовать Оливию при всех мне не нравилась. Я никогда прежде не целовался и точно не собирался делать это впервые в нетрезвом виде. В фантазиях я оставался с Оливией наедине, может, в каком-нибудь ботаническом саду в окружении распустившихся цветов или на худой конец на последнем ряду за просмотром чёрно-белого французского фильма в кинотеатре. И никакого алкоголя и пьяных друзей под боком.

– Как насчёт... – Оливия выдержала паузу, – «Правда или действие»?

– Классная идея! – восторженно воскликнул Оливер, который до этого словно отчаялся затянуть нас в игру. – Я кручу первым.

Видя, с каким азартом он принялся крутить бутылку, никто не стал спорить. Сделав круг, бутылка указала на Скэриэла. Я выдохнул, словно на кону была моя жизнь.

– Правда или действие?

– Правда. – Улыбаясь, Скэриэл пожал плечами и скрестил ноги. Он в предвкушении ждал вопроса.

– Что с твоей губой? Никаких отговорок, типа упал с велосипеда, давай полную историю, – потребовал Оливер, театрально взмахнув рукой, словно заранее был готов к вранью.

Я от волнения закусил губу, хорошо хоть не опрокинул чашу с вином: за время обсуждения она по кругу перекочевала ко мне; на этот раз с греческим вином, которое мне понравилось в разы меньше. Все уставились на Лоу, будто бы весь день голову ломали, что такого произошло с ним. Я заёрзал, отчего Оливер, прищурившись, посмотрел на меня. Не знаю, что он там себе навывдумывал, но, кажется, его воображение уже сделало всю работу за Скэриэла.

– Не знаю, могу ли рассказывать, – вяло начал тот, почёсывая шею, – эта история связана не только со мной.

Надо было видеть лицо Оливера. Он готов был станцевать вокруг бутылки от предвкушения пикантной истории со мной и Скэриэлом. Ещё чуть-чуть, и он бы завопил: «У вас точно что-то было!» Меня это разозлило, да так, что я решительно проговорил:

– Расскажи им.

Теперь все с интересом уставились на меня.

– Я так и знал! – победоносно пропел Оливер. – Они вместе, наверное...

– Мистер Хитклиф дал мне пощёчину, – холодным тоном перебил его Скэриэл.

Оливер замолк, сбитый с толку.

– Это правда? – спросил Леон у меня.

Я рассеянно кивнул.

– Ну и дела, – протянул Оливер, глядя то на меня, то на Скэриэла, как будто прежде никогда нас не встречал. Я чувствовал, что у него язык чешется задать уйму вопросов, но он молчал.

Какое-то время никто не произносил ни слова. Пустая чаша с бутылкой вина находилась рядом с Оливией, которая без особого интереса разглядывала её. Я не выдержал этой бессмысленной напряжённой атмосферы – они вдруг все словно воды в рот набрали, как будто мы затронули опасную тему, – и сам рассказал вкратце о том, что произошло.

– Получается, всё началось из-за меня, – чуть подумав, виновато произнёс Оливер. – Если бы я не полез через окно, то Кевина бы не уволили, а ты не сбежал бы из дома и мистер Хитклиф не сделал бы то, что сделал.

– Ну... – замялся я. – Всё давно к этому шло, так что ты тут ни при чём. Отцу с самого начала не нравился Скэриэл.

– Да всё нормально, он даже не сильно меня ударил, – улыбнулся Скэриэл. Все снова уставились на его губу. – Да ладно вам! Тоже мне, проблема века. Я и похуже получал.

– От кого?

– Неважно от кого, – отрезал Лоу. – В Запретных землях драки – обычное явление. Там все дела решаются кулаками. Однажды, например, Джерома избили за то, что он по пьяни запутался и накинул чужую куртку в клубе.

– Ого! – воскликнула Оливия. – И это нормально? Среди полукровок?

– Вполне. Разговоры – для чистокровных, – усмехнулся Скэриэл. – Проще сразу полезть в драку и показать силу.

– Ты про физическую силу? – переспросил Оливер. – Не тёмная материя?

– Нет, конечно. Откуда она у полукровок и низших? – философски изрёк Скэриэл, затем потянулся за бутылкой. – Я ответил на вопрос, моя очередь крутить.

Бутылка указала на Оливию. Чуть помедлив, она выбрала «правду». Скэриэл хищно посмотрел на близнецов, словно они глупые мышки, попавшие в мышеловку.

– Раз мы с Готи рассказали нашу общую историю, то теперь ваша очередь. Оливия, будь добра, расскажи забавную историю про брата.

Оливия вмиг оживилась, а Оливер испуганно посмотрел на неё.

– Разве так можно? Ты должен был спросить Оливию только про неё! – обиженно бросил он.

– Если предлагаешь игру, будь готов, что что-то пойдёт не по твоим правилам, – победно заявил Скэриэл.

– Есть одна интересная история из детства, – неуверенно начала Оливия, глядя на брата. – Наш отец всегда хотел дочерей. Когда мама была беременна нами, то отец думал, что будут две девочки. Они с мамой закупались девчачьей одеждой, ну знаете, рюшечки, всё в розовом цвете. Купили туфли, юбки, платья. К нашему рождению у нас был подготовлен весь гардероб от нуля до трёх лет.

– Оливия, *tace atque abi!*^[5] – грубо толкнул её в бок Оливер. Ему с первых слов не понравился выбор Оливии. Я решил было, что Оливия остановится и сменит тему, но вместо этого она продолжила, не обращая внимания на то, что брат, кажется, был готов её убить.

– *Futue te ipsum*^[6]. – Она толкнула его в ответ. – Когда родился Оливер, отец был удивлён, он-то готовился к появлению двух дочерей, – задумчиво продолжила она. – Оливер до трёх лет носил девчачью одежду. У нас с ним у обоих были длинные волосы, потому что мама потакала отцу. Он до трёх лет был уверен, что он тоже девочка!

Я представил, как мистер Брум ждёт девочек, но на свет появляется Оливер, и ужаснулся, осознавая, что до трёх лет Оливеру морочили голову, надевая платья. Близнецы перебрасывались фразами на латинском, но я ни слова не понимал. Возможно, это были выражения, которых мы официально не проходили.

– Хотите ещё одну историю? – торопливо произнёс Оливер. – Когда нам было по три года, ночью я проснулся, а она, – он указал на сестру, – стоит у моей кровати с ножницами. Она ночью отрезала мне волосы!

– Я сделала то, что должны были сделать родители, – произнесла Оливия.

У меня холодок пробежал по спине. Фантазия мигом нарисовала сцену, как, проснувшись, Оливер увидел возле своей кровати сестру с ножницами в одной руке и длинными отрезанными волосами в другой.

– Да ты просто злилась, что отец любил меня так же, как и тебя, хоть я и мальчик. – Оливер моментально поднялся на ноги. – А теперь ты довольна? Ему плевать на меня, он постоянно печётся только о твоём состоянии. – Оливер изобразил, будто курит сигару, и заговорил

притворно сладким тоном: – Где Оливия? Дорогая, как у тебя дела в лицее? Всё ли в порядке? Ты ничем не обеспокоена? Я устал от этого! – закончил он уже своим голосом.

Я с ужасом наблюдал за тем, как Оливер кричит и размахивает руками. Казалось, ему не хватает слов, чтобы высказать все обиды. Он покраснел, в глазах показались слёзы, а в голосе сквозило такое отчаяние, что даже мне стало больно смотреть на него. Скэриэл решительно поднялся следом и подошёл ближе, пытаясь его успокоить. Он загородил собой Оливию и властно схватил Оливера за руки. Я переглянулся с Леоном, который был настолько ошарашен, что даже отодвинулся от близнецов.

– Ты!.. – Она встала и принялась размахивать руками. Кажется, это у них семейное. – Ты просто... *Stultus stultorum rex!*^[7] Я хотела, чтобы отец любил тебя, несмотря на то, что ты не девочка, о которой он так мечтал!

Я последовал примеру Скэриэла. Пока я пытался мягко увести Оливию в сторону – она вырывалась, не позволяя нам отойти на безопасное расстояние, – Скэриэл, видимо, устав выслушивать ругань, грубо поднял Оливера, но тот продолжал выкрикивать что-то сестре. «Отведу его в ванную», – бросил Лоу и повёл Оливера к лестнице.

– Отец всегда считал моё рождение ошибкой! Уверен, ты тоже с ним согласна! – не унимался Оливер. Он яростно вырывался из рук Скэриэла. Последнее, что мне удалось увидеть, это как они скрылись на втором этаже.

К моему удивлению, Оливия не расплакалась, хотя я ожидал, что она разревётся, как делала Габриэлла, стоило той услышать что-то грубое. Но Оливия только схватила за протянутые салфетки и принялась их нервно рвать на маленькие кусочки, приговаривая: «Какой он идиот».

Леон принёс ей стакан воды, она с благодарностью посмотрела на друга и, отпив маленький глоток, вернула ему стакан.

– Простите, – выдавила Оливия; её руки слегка тряслись. – Некрасивая сцена вышла. Не знаю, зачем рассказала эту историю. Наверное, давно надо было поговорить с Оливером. Я и не думала, что он так воспринял всё. Я хотела, как лучше, но только всё испортила.

Спустя какое-то время Оливер затих, мы больше не слышали разгневанных криков со второго этажа.

– Мы просто напились, и это вылилось в ссору, – участливо произнёс Леон.

– Развязались языки, – покачала головой она.

– *In vino veritas*^[8], – добавил Леон. Эту фразу я знал, но мозг работал слишком медленно, чтобы позволить мне тоже блеснуть и вставить что-то на латыни.

Прошло ещё десять минут, прежде чем Скэриэл и Оливер вернулись. Оба молчали, смотрели в пол, словно между ними наверху что-то произошло.

– Мне так жаль. – Оливия медленно подошла к брату и протянула руку. Он нерешительно принял её, затем обнял сестру.

– Прости меня тоже, – пробубнил он ей куда-то в макушку. – Я наговорил лишнего.

– И я, – прошептала она ему в шею.

Мы все снова неловко уселись. Кажется, эта перепалка всех отрезвила.

– Я не хочу больше пить, – устало вздохнул Оливер. – Хочу быстрее прочистить голову, а то уже успел наделать глупостей.

Выглядел он паршиво. Импровизированная тога развязалась, и теперь Оливер просто накинул ткань на голые плечи. Его волосы были влажными, словно Скэриэл облил Брума из душа.

– Вам обоим нужно ещё раз поговорить, но уже на свежую голову, – назидательно произнёс Скэриэл, поднимаясь.

– Ты куда? – спросил я.

– Раз нужно протрезветь, то хочу всем приготовить кофе. Как насчёт заказать пиццу?

– Отличная идея, – поддержала Оливия. Она нежно положила голову на плечо брата.

– Согласен, – добавил Леон. Я кивнул Скэриэлу.

За чашкой кофе и с двумя большими пиццами мы мигом приободрились. Смеясь, решили, что лучше выбирать только «действие», и после Оливии бутылка указала на Леона.

– Сколько ты сможешь сделать вращений на одном месте после того, как выпил бутылку вина? – спросила Оливия.

– Пируэты? Не знаю, – улыбнулся Леон. Он направился к центру помещения. – Давайте посчитаем.

Скэриэл и я бросились отодвигать мебель, которая могла ему помешать. Мы передвинули диван, а Скэриэл закинул одеяла в угол. Под командованием Оливера Оливия убрала бутылку и чашу.

Леон немного размялся, но движения выходили не такими чёткими – всё же сказывался алкоголь. Он немного помешкал, но в итоге, стесняясь, снял ткань-тогу и натянул рубашку. Я подумал о том, что, будь он трезв, первым делом ушёл бы переодеваться в ванную, но сейчас ему хотелось поскорее показать вращения. Леон с азартом взялся за дело.

Мы все с интересом наблюдали за тем, как он осматривался, разминал ступни и прикидывал свои дальнейшие действия. Подготовившись, он встал в позу, вытянул руки в стороны и уверенно посмотрел вперёд – аккуратный носок правой ноги в сторону. Он слегка присел, взмахнул руками и начал вращение на месте.

– Один! Два! Три! Четыре! Пять! – хором считали мы.

– Вперёд, Леон! – крикнул Скэриэл, словно мы были на футбольном матче.

Совершив седьмой поворот, Леон рассмеялся и упал. Посмеиваясь, я подошёл к нему и протянул руку.

– Я думал, что смогу больше, – тоже смеясь, сказал Леон.

– Ты классно крутился.

– Спасибо.

Через час водитель заехал за близнецами, и Леон попросил его подвезти. Когда они шумно прощались с нами, казалось, что они отправляются в далёкое путешествие и мы не увидимся ещё много лет. Оливер обнял меня и долго, горячо извинялся за сцену с сестрой. Я его заверял, что ничего страшного не произошло и не нужно просить прощения. Оливер кивал, а в конце доверительно произнёс, что отныне мы друзья навек. Кажется, он так и не протрезвел. Оливия тепло обняла меня и по-приятельски похлопала по плечу. Я кивал ей, как китайский болванчик, не в силах разобрать, что она мне говорила. Я просто завис, глядя на её губы. Они плавно двигались, пока Оливия произносила моё имя, но дальше я уже ничего не понимал. Кажется, алкоголь добрался и до меня. Оливер быстро пожал руку Скэриэлу и, не глядя на него, буркнул слова благодарности. Оливия сначала хотела тоже пожать руку и уже было протянула тонкую девичью ладошку, как передумала

и, улыбнувшись, к удивлению Скэриэла, тоже крепко обняла его. Леон смущённо помахал нам рукой.

– Я думал, Оливер никогда не уйдёт, – усмехнулся я, садясь на диван. – Он всё стоял в дверях и говорил так, как будто переезжает на другой континент.

– Развезло его от вина, – улыбнулся Скэриэл, присаживаясь рядом.

Он осмотрелся по сторонам и присвистнул.

– Ну и срач мы устроили.

– Ты сам отказался от их помощи в уборке.

– Да, помню. Леон последние полчаса нервничал и часто смотрел на часы, поэтому я хотел быстрее их спровадить. Близнецы обещали его подвезти. Странно, что Леон не вызвал своего водителя.

– Ты слышал его. Он хотел о чём-то поговорить с ними.

– Ага, – кивнул он, затем помолчал и добавил: – Ладно, я вот о чём с тобой хотел поговорить. Кажется, я нравлюсь Оливеру.

Я с сомнением посмотрел на него. Не поворачиваясь, он добавил:

– Мы поцеловались в ванной.

– Что?! Когда успели? – вспыхнул я.

– После их ссоры...

– Как... как это произошло? – Я не мог подобрать подходящих слов. – Ты хочешь сказать, что просто взял и поцеловал его в таком состоянии? Чтобы успокоить или отвлечь?

– Я что, по-твоему, герой-ловелас? Затыкаю всех поцелуями? – недовольно буркнул Скэр.

– Да мне откуда знать? – цокнул я языком, скрестив руки на груди.

– Действительно, – закатил глаза Скэриэл.

Мы сидели, как два упёртых барана, и молчали.

– Когда мы вошли в ванную на втором этаже, я включил воду и сказал ему умыться и успокоиться. Он так и сделал. Когда я собирался выйти, он схватил меня за тогу и сказал, что если бы бутылка ещё раз указала на меня и я выбрал действие, то он бы попросил меня его поцеловать.

– При всех?

– Наверное... Не знаю.

– И как тебе это?

– Что?

– Поцелуй, – раздражённо бросил я.

– Поцелуй как поцелуй, – пожал плечами он. Меня это начало нервировать.

– Ты типа раньше целовался? С парнями тоже?

– А ты нет? – улыбнулся он. – Я целовался. В Запретных землях всем всё равно. А у чистокровных как с этим?

– Не поощряется.

– Ты тоже, – прищурившись, в упор посмотрел на меня Скэр, – не поощряешь?

– Мне всё равно, – буркнул я, нахмурившись.

– А ты мог сегодня поцеловать Оливию, – мечтательно пропел Скэриэл.

– Больно надо, – отмахнулся я и тут же прикусил язык. Кому я вру, Скэриэл прекрасно знает, что я влюблён в неё.

– И ты никогда не целовался, – продолжал издеваться он.

– Тебя забыл известить, – процедил я.

– Могу помочь.

– С чем?

– С поцелуями. Представь, как Оливия разочаруется, если ваш первый поцелуй выйдет ужасным.

– Иди к чёрту, Скэриэл! – взревел я и кинул в него подушкой. Он не успел увернуться, и она шмякнула его по лицу. Он повалил меня в ответ, и мы оба скатились с дивана, при этом я больно ударился копчиком, а Скэриэл острой коленкой чуть не заехал мне в пах.

– Куда мне идти? – веселился Скэриэл.

– Слезь с меня!

– Так куда ты меня посылаешь? – не обращая внимания на мои крики, не сдавался он.

Раздался звук входящего сообщения на моём телефоне, о существовании которого я забыл. Скэриэл медленно поднялся и протянул мне руку, но я раздражённо её отбросил. Пока я, пыхтя, как старик, пытался подняться, он протянул мне рюкзак. Я достал телефон из кармана, посмотрел на сообщение и похолодел.

– Что там? – спросил Скэриэл, сбрасывая тогу.

– Гедеон написал, что мне срочно нужно домой.

XXVIII

Эдвард в свитере с закатанными рукавами стоял у открытого капота, в который раз проверяя уровень масла и тормозную жидкость. Я недовольно поджал губы, помрачнел и, вылезая из салона машины, громко хлопнул дверцей. Нахмурившись, Эдвард выглянул из-под капота и грозно посмотрел на меня.

– Прости, – пробурчал я, пряча руки в карманы. – Ну и холодрыга.

Прислонившись к машине, я лениво разглядывал соседнее здание – симпатичный невысокий дом с ухоженным газоном. Присмотревшись, я разглядел в окнах несколько силуэтов. Кажется, обитатели дома садились ужинать. Полчаса назад садовник-полукровка проведal нас, интересуясь ситуацией. Не каждый день рядом с их участком застревает незнакомая машина.

На улице быстро темнело, так ещё и холодный ветер не щадил. Вот уже несколько часов мы стояли в двухстах метрах от дома Скэриэла и ждали, когда разойдутся его гости.

Возвращаясь от Ноэля, мы заехали в магазин в надежде поскорее закупиться и поужинать дома. Пока мы выбирали между пиццей и лазаньей, Лоу прислал сообщение, в котором попросил не приезжать, пока Леон Кагер и близнецы Брум не уйдут. Всё, что нам оставалось, это ждать его звонка, припарковавшись на обочине. Первые полчаса Эдвард был уверен, что ждать придётся недолго – мы наматывали круги по району, но вскоре ему надоело впустую тратить бензин. Он припарковался на нашей улице, не слишком близко, чтобы нас не заметили, но и не далеко, чтобы доехать до дома как можно скорее; так мы сидели минут двадцать в салоне, прежде чем из соседнего дома на нас не начали с подозрением оглядываться чистокровные. И тогда Эдварду пришла гениальная мысль изобразить поломку.

Багажник и заднее сиденье были забиты продуктами на неделю вперёд. Повернувшись, я с жадностью посмотрел на французский багет, соблазнительно выглядывавший из бумажного пакета, и сглотнул слюну. Вместо того чтобы сесть и плотно поужинать дома, мы торчали тут, изображая двух неудачников. Эдвард органично вошёл в роль незадачливого шофёра: он оставил куртку в салоне, испачкал руки в масле, нервно прошёлся вокруг машины раз десять и выкурил уже

три сигареты. Представление начиналось, когда какой-нибудь добросердечный водитель останавливался и предлагал свою помощь. Эдварду приходилось заверять, что всё под контролем и он ждёт дорожную техпомощь или эвакуатор. Иногда он путался в своих показаниях; всё же нам обоим было далеко до Скэриэла – вот кто точно являлся искусным лжецом.

Видимо, Эдвард действительно выглядел как хороший человек, попавший в беду, раз водители останавливались с завидной регулярностью. Или дело было в том, что мы находились в центре. Остановись мы в Запретных землях, где-нибудь посреди трущоб, нас бы мигом ограбили, ещё и колёса, фары или зеркала снять не побрезговали бы.

Чистокровные останавливались реже. Полукровки, что давно живут здесь, с ходу предлагали свою помощь. В ответ на заверения Эдварда они повторяли, что им несложно, они могут посмотреть, помочь, подбросить нас или отбуксировать машину на тропе до техсервиса.

Я не оставлял попыток уговорить Эдварда заехать куда-нибудь перекусить. Он недовольно указывал на продукты в салоне и повторял: «Подожди, скоро я приготовлю нормальный ужин».

Живот громко урчал. Мне нужно было чем-то себя занять, прежде чем я окончательно окоченею. От долгого сидения в салоне ныла спина. Ранним утром мы не меньше трёх часов добирались до Ноэля и около четырёх – обратно из-за пробок. Я открыл дверцу и потянулся к оставленной у ручника пачке сигарет. Выбив одну из упаковки, я уже собирался закурить, как меня окликнул Эдвард.

– Не надо, – шикнул он.

– Почему, блин?

– Мы на улице, дурень. Ты для всех мой племянник, а как я могу позволить племяннику курить?

– Твою ж... – раздосадованно проныл я, убирая сигарету за ухо.

– В пачку, – не глядя на меня, велел Эдвард, снова прячась за капотом.

Я со злости ударил первое, что попало под ногу, – небольшой камень отлетел в кусты. Пришлось закинуть сигарету в пачку. Раз нельзя курить, то имею полное право на перекус. Я отломил ломоть от багета и с наслаждением откусил.

– А что делать, если Скэриэл так и не позвонит? Не будем же мы всю ночь тут стоять, – жуя, спросил я, снова прислонившись к машине. – Вон чистокровные скоро опять начнут на нас поглядывать.

Я указал на ближайший дом, но Эдвард не смотрел на меня.

– Снимем номер в отеле, – как ни в чём не бывало произнёс он. Складывалось впечатление, что у него за плечами опыт решения всех жизненных ситуаций. Его нисколько не смущало, что мы не можем заехать домой.

– Со всеми этими пакетами? – засомневался я.

– А ты хочешь ночевать в машине? – усмехнулся Эдвард, вытирая грязным платком испачканные руки.

Ломоть хлеба мало что мне дал, вдобавок я очень хотел курить. Мне казалось, что хуже ситуации уже не придумаешь – только если кто-то из нас захочет в туалет.

Я уселся обратно в салон, но не стал закрывать дверцу, развлекая себя тем, что болтал ногами и считал, сколько машин синего цвета проедет мимо. Но вдруг знакомый автомобиль припарковался чуть поодаль от нас. Мужчина с залысиной и пивным животиком вышел из салона и торопливо зашагал к нам.

– Мистер Лоу, – озабоченно произнёс он.

Это был наш сосед; я помнил, что его зовут мистер Гроссо, чистокровный, но при этом он обходился без работников-полукровок в своём доме. Он разводил шумных пуделей. Я с ним пару раз здоровался; однажды он захворал, так что мне пришлось выгуливать четырёх его псин. Не самое лёгкое, как оказалось, занятие. И не самое приятное, ведь я тогда четырежды за прогулку собирал в пакет фекалии. Думаю, это заметно сблизило меня с соседом.

– У вас что-то с машиной?

– Да вот движок заглох, – мигом отозвался Эдвард, пожимая ему руку.

Думаю, мистер Гроссо был единственным знакомым мне чистокровным, относившимся к нам как к равным. В первое время я был поражён тем, что он пожимает руку при встрече, дружелюбен, да ещё просит о помощи (как это было с выгулом), а не отдаёт приказы. Но больше всего меня удивило то, что спустя неделю, выздоровев, мистер Гроссо пришёл к нам в гости со сливовым пирогом

собственного приготовления. Скэриэл тогда был сама любезность, а я не находил себе места, понимая, что чистокровный искренне благодарит меня за помощь.

– Уровень бензина проверяли? – участливо спросил мистер Гроссо; он помахал мне рукой. – Привет, Джером.

– Добрый вечер, – кивнул я ему, смущённо улыбаясь.

– Обижаете! Конечно, проверял. – Эдвард искренне ему улыбнулся.

– Указатели часто выходят из строя, у меня так было, – авторитетно добавил сосед, залезая под капот.

– Мистер Гроссо, вам незачем этим заниматься, я уже вызвал эвакуатор.

– Если проблема с аккумулятором, то я всё быстро исправлю.

Я видел, как Эдвард занервничал. Мистер Гроссо проявлял настойчивую заботу, свойственную отзывчивым людям.

– Клемма не слетела, – перечислял он, осматриваясь. – Всё соединено. – Пыхтя, он сел на корточки, опустилсЯ ниже и заглянул под днище машины. – Луж нет, значит, проблема не в вытекающем масле.

– А вы разбираетесь в машинах? – Эдвард опустилсЯ вместе с ним.

Я подошёл ближе, чтобы послушать, как Эдвард будет выкручиваться из ситуации. Конечно, он знал всё о наших соседях. Я слышал, как он периодически отчитывалсЯ по чистокровным Скэриэлу. Имена, возраст, профессии, родственники, адреса – всё, что можно было найти на них, уже было у Скэриэла. Он требовал подробное досье не только на чистокровных, но и на полукровок, что работали и жили рядом. Зуб даю, у него есть досье и на меня.

– У меня автомобилестроительная компания, – со смехом поделился мистер Гроссо. – Но я отошёл от дел, теперь сын всем управляет, а я занимаюсь тем, чем всегда мечтал.

– Собаки? – уточнил я.

– Верно, – кивнул он мне. – Они по тебе скучают. Особенно Марта.

Эдвард рассмеялся, а я выдавил очередную глупую улыбку. Мистер Гроссо не спеша осматривал нашу машину; вдруг телефон Эдварда издал сигнал входящего сообщения. Я надеялся, что это Скэриэл вспомнил о нашем существовании.

– Машина с виду, кажется, в норме, но мы можем по бортовому компьютеру считать код ошибки и найти причину. У меня однажды так

оборвался ремень ГРМ, а без него машина не заводится.

– Давайте я ещё раз попробую завести, – с улыбкой произнёс Эдвард за спиной соседа и кивнул мне. Точно написал Скэриэл.

– У вас есть бортовой компьютер? Когда вы вызвали эвакуатор? – не унимался мистер Гроссо.

Эдвард устроился на водительском сиденье и с первой попытки завёл машину, чем вызвал удивлённый возглас мистера Гроссо. Я приснул от смеха за его спиной.

– Получилось! – победоносно крикнул Эдвард.

– Чудеса, – изумлённо покачал головой сосед. – Но советую вам первым делом заехать в автосервис.

– Спасибо, – сказал я, проскальзывая в салон.

– Позвоните и отмените эвакуатор, – не сдавался мистер Гроссо.

– Обязательно! Спасибо, мы поехали. – Эдвард вырулил на дорогу и набрал скорость. В зеркале заднего вида я наблюдал за соседом, который упёр руки в бока и смотрел нам вслед.

Как только мы отъехали на приличное расстояние, Эдвард недовольно бросил:

– Мы с тобой как два идиота сейчас выглядели. Он, наверное, решил, что мы совсем тупые.

Я ничего не отвечал, желая поскорее оказаться дома. Мы в принципе выглядели как два придурка на этой дороге. Я это понимал и до мистера Гроссо.

Припарковавшись, мы забрали пакеты и понесли их к входной двери. По дороге один из моих пакетов порвался, и яблоки, помидоры и консервы покатались по дорожке, а я стоял как истукан и думал, что да, ещё хуже может быть. День не заладился с самого утра, начиная с подъёма в пять и заканчивая тем, что я, уставший, голодный, так ещё не выкуривший ни одной сигареты за последние три часа, горько вздыхал и просто паялся на укатившиеся, заляпанные грязью помидоры.

Эдвард нажал на дверной звонок, оглянулся и, нахмурившись, произнёс:

– Занеси сначала то, что у тебя в руках. Потом заберём остальное.

Дверь никто не открывал. Возможно, Скэриэл был в душе. Эдвард смачно выругался, стараясь удержать все пакеты в одной руке, и вставил ключ в замочную скважину. Ни с первой, ни со второй

попытки ему не удалось открыть дверь. Кажется, он тоже устал и был раздражён не меньше меня.

– Давай я? – Подойдя ближе, я потянулся за ключом в его руке.

– Секунду, – пропыхтел он, и дверь отворилась.

Эдвард пропустил меня первым, и я с облегчением внёс пакет на кухню. Повсюду были разбросаны вещи, а в раковине – грязная посуда. Уборкой в доме занимался я, и именно мне придётся сейчас разбираться с последствиями чужой вечеринки.

– Скэриэл?! – позвал я у лестницы.

С дивана поднялась рука и помахала мне в ответ. Проходя мимо, я не заметил его, а он всё это время просто лежал.

– Что с ним? – мимоходом спросил Эдвард, бросил ключи на стол и добавил: – Схожу за тем, что выпало, а ты проверь его. Не помер ли там случайно.

– Такие не мрут, – буркнул я в ответ.

Я подошёл к Скэриэлу; он лежал лицом вниз, свесив с дивана левую руку и ногу. Он был без футболки, и от него за милю разило алкоголем. Оглядевшись, я наткнулся на две пустые бутылки.

– Ты там живой? – спросил я, нагнувшись. Он что-то промычал в ответ и махнул рукой. – Принести воды?

– Угу, – неразборчиво донеслось в ответ.

Эдвард ещё оставался снаружи, когда я вернулся к Скэриэлу. Он медленно поднялся, шумно дыша, словно пробежал стометровку.

– Вот вода. – Я поднёс стакан ближе. Обессиленной рукой он принял его и чуть было не разлил воду на пол. Я пользовался случаем и нагло разглядывал обнажённую грудь Скэриэла, пока он не видел. За два долгих глотка он осушил стакан и схватился за голову.

– Кажется, я перепил, помоги мне подняться в свою комнату.

Когда он чуть привстал, я схватил его под локоть. Скэриэл обхватил меня за шею, качнулся, я сгрёб его в охапку (со стаканом в одной руке это было затруднительно), боясь, что он упадёт.

– Что с ним? – снова удивился Эдвард, заходя в дом.

– Говорит, что перепил, ему плохо.

– Кончай представление, Скэриэл, – бросил Эдвард, открывая холодильник. – Джером, он переносчик, его не берёт алкоголь.

Скэриэл выпутался из моих рук и разразился громким смехом, падая обратно на диван.

– Ты бы видел своё лицо! – сквозь смех произнёс он.

– Придурок, – грубо кинул я, скорее злясь на себя, чем на него.

– Джером, помоги мне, – не обращая внимания на Лоу, обратился ко мне Эдвард.

– Я два часа изображал пьяного, – продолжал смеяться Скэриэл. – Они ничего не заподозрили.

– Гениально, какой ты молодец, – равнодушно произнёс Эдвард, распаковывая пакеты с продуктами.

– Вообще не смешно.

– Да ладно вам. – Скэриэл уселся и положил локти на стол. – Как съездили?

– Ноэль в порядке. Купили ему продукты, развивающие игрушки. – Эдвард открыл бутылку пива и сделал глоток. – В магазине сказали, что эти игрушки делают ребёнка умнее, так что мы купили пять разных. Они какие-то мудрёные, я сам одну так и не смог осилить. – Он изобразил пальцами, как пытается что-то открыть, показывая всю сложность. – Ещё Ноэль полюбил рисование, так что купили краски и бумагу.

Я открыл свое пиво и отпил из горлышка. Эти игрушки были слишком запутанными. Я не смог разобраться с тремя, однако Ноэль пришёл в восторг. Он был в том состоянии, когда его радовало абсолютно всё. Ребёнок, застрявший в теле подростка. Глядя на него, трудно было поверить, что раньше он мог хоть кого-то обидеть.

– Спрашивал о тебе, я сказал, что ты учишься, очень занят, – добавил я, потянувшись к сигаретам. Скэриэл протянул руку следом.

Мы оба закурили. Я мечтал об этом последние несколько часов.

– Ясно, ну, круто. Рад, что с ним всё в порядке, – сказал Скэриэл и выдохнул табачный дым. – Что на ужин?

– Купили лазанью, сейчас закину её в духовку. – Эдвард оставил бутылку и повернулся к плите. – Нужно быстро салат сделать.

– А вы как посидели?

– Классно, – сказал Скэриэл, затягиваясь. – Близнецы повздорили. Теперь я знаю, что у них не такие близкие отношения, как все думают. Мистер Брум не любит Оливера.

– Это как? Сына своего не любит? – не понял Эдвард.

– Да я сам удивился. – Скэриэл потянулся к моей бутылке и сделал большой глоток. – У всех скелеты в шкафу. Я вот что думаю... Сначала

мне казалось, что лучшим вариантом будет подвергнуть Оливера опасности, спасти его, и тогда бы это подействовало на мистера Брума. Боюсь, что деканат Академии не примет меня, даже если я сдам экзамены, заплачу и трое чистокровных напишут рекомендательное письмо. – Он немного помолчал и снова заговорил, на этот раз уже серьёзно: – Мне нужно понравиться мистеру Бруму, что нереально. Тогда надо сделать так, чтобы он был у меня в долгу. Раз он очень любит дочь, то придётся выбрать Оливию. Она тот ещё фрукт. С её братом всё было бы проще.

– Подвергнуть опасности? – переспросил Эдвард. – Что именно ты имеешь в виду?

– Да что угодно. Нападение низших, ограбление, изнасилование, главное, чтобы я оказался рядом и спас её. Тогда мистер Брум точно допустит меня до обучения. Да у него не будет другого выхода.

– Звучит слишком легко, – прокомментировал я, отбирая своё пиво у Скэриэла. – Думаешь, это сработает?

– А зачем усложнять? – хмыкнул он. – Всё очень просто. Обводим всех вокруг пальца, и дело в шляпе. – Он торжественно взмахнул руками. – Это будет перестраховкой.

– Надеть футболку не хочешь? – сменил тему Эдвард, нарезая помидоры.

Скэриэл помотал головой, забрал один из помидоров и впился в него зубами.

– Мы сидели в хитонах, пили вино и разговаривали о Французской революции, о Дантоне и о Древней Греции, – мечтательно протянул он с набитым ртом.

– Очень интересно, – улыбнулся Эдвард. Я знал, что он тоже в этом ни черта не смыслит, как и я.

Спустя час после того, как мы поужинали, я занялся уборкой. Пришлось вымыть всю посуду и полы на первом этаже. Я даже не заметил, как быстро заполнилась корзина с грязным бельём. У Скэриэла была странная привычка не надевать одну вещь несколько раз подряд, если она не постирана. Он мог весь день проходить в футболке и к вечеру бросить её в стирку. Он был чистюлей ровно настолько, чтобы не надевать одежду два дня подряд, но не настолько, чтобы складывать вещи и убирать в шкаф. Лоу продолжал разбрасывать свои шмотки, терять футболки и путать наши свитера.

Я рассортировал и закинул грязное бельё в стирку. Эдвард ушёл в свою комнату, а Скэриэл читал на диване внизу. После душа я спустился к нему, но он с кем-то ворковал по телефону.

– И я тебя, – мило проговорил Скэриэл. – Очень сильно.

Но меня поразило не то, что он с кем-то флиртовал, – само собой, меня это задело, – а то, с каким равнодушным лицом он произносил слова. Скэриэл полулежал на диване и разглядывал свои ногти; иногда от скуки грыз ноготь на большом пальце, хотя всегда старался избавиться от этой привычки.

– Сегодня не смогу, но на днях обещаю, – закатил глаза он. – Конечно, любимая. Ага. Да. И я тебя. Доброй ночи. Целую.

Он отключил телефон и виновато посмотрел на меня.

– Она меня бесит.

– Кто?

– Лора. Та полукровка, что работает у Готье. – Скэриэл потянулся и зевнул. – Не хочу при вас с ней разговаривать. Она любит все эти милые фразочки, а меня от них тошнит. Обычно мы болтаем только ночью, она тоже не хочет попасться тётё.

– И как там у неё дела? – внезапно спросил я, чтобы поддержать разговор.

– Сказала, что у Хитклифов сегодня важные гости и её пораньше отослали в свою комнату, чтобы не мешалась.

– Что за гости? – Я сел рядом, и Скэриэл мягко опустил голову на моё плечо. У него была странная привычка прикасаться к другим людям. Как будто ему легче общаться, если он физически ощущает человека рядом. Я старался не думать о словах Эдварда.

Скэриэл – манипулятор.

Скэриэл не просто манипулятор, он мастерски чувствует эмоциональное состояние других. Он знает, что сказать – подобрать не только слова, но и интонацию – или сделать – взять за руки, погладить по спине или обнять в нужный момент, чтобы это повлияло на собеседника. Скэриэл не упустит из вида ни одно чужое движение, ни одно брошенное слово не пропустит мимо ушей.

– Оскар Вотермил и Люмьер Уолдин. Гедеон – мутный тип, так ещё в этой компании. С удовольствием бы взглянул на всех троих вместе. Наверное, они устроят апокалипсис и разнесут весь дом, –

усмехнулся он и добавил: — Лора говорила, что у Гедеона большие проблемы с контролем гнева.

Если это нельзя назвать идеальным окончанием дня, то я уже не знаю, что ещё подходит под это определение. Мне было достаточно вот так сидеть, чувствовать его рядом и слушать тихий голос. Я был уверен, что дело не в клятве на крови. Я просто должен был признаться самому себе, что люблю Скэриэла. Как последний глупец, я прощаю ему все выходки и ложь, снова и снова умиряю ревность, пока он флиртует с другими. И если он попросит, то да, я нападу на девчонку из семьи Брум, лишь бы Скэриэл был мной доволен.

Добираясь до дома на такси, я не знал, чего мне ожидать. Что могло так взбудоражить Гедсона, раз он потребовал моего немедленного возвращения? Только войдя в холл, я услышал знакомый голос и замер.

Люмьер Уолдин с наполненным бокалом в руке стоял у обеденного стола и декламировал строчки из «Одно лето в аду». Насколько я помню, это любимое произведение Скэриэла. Хотя, когда речь заходит об Артюре Рембо, тут уж нельзя быть уверенным, какое из стихотворений входит в топ любимейших, а какое просто вызывает симпатию.

Скэриэл просто без ума от него и всего, что с ним связано. Как мне кажется, по этой причине он полюбил и Люсьена Карра, отца всех битников. Тот тоже любил Рембо и при любом удобном случае упоминал его. Всех троих объединяла любовь к поэзии и безрассудным выходкам.

– «А на заре, вооружённые пылким терпением, мы войдём в города, сверкающие великолепием», – произнёс Люмьер.

– Артур Рембо. – Гедсон отпил из бокала и бесшумно поставил его на стол.

Мне казалось, словно это мы со Скэриэлом вот так в столовой могли цитировать поэтов. Причём все совпало вплоть до поз; я бы сидел за столом, лениво облокотившись на спинку стула, наблюдал за тем, как Лоу ходит напротив и вдохновенно перебирает значимые строчки из произведений. Единственный выбивающийся из этой картины человек – недовольный Оскар Вотермил – сидел рядом с братом и то и дело бросал на Люмера презрительные взгляды.

– Бинго! – воскликнул Люмьер; в отличие от скучающего Гедсона и сердитого Оскара, он выглядел вполне довольным происходящим. – Я не сомневался в тебе.

– Только не поэзия, – поморщился Оскар, делая глоток. Он решительно отодвинул пустой бокал в сторону и повернулся к брату. – Гедсон, мы можем поговорить, – следом раздалось чуть тише: – Пожалуйста.

Это не походило на дружеский ужин; пустой стол, не считая открытой бутылки шампанского, трёх бокалов да мятых салфеток. В доме было тихо. Я не слышал звонкого голоса Габриэллы, перешёптывания Кэтрин и Фанни на кухне или тихих шагов Лоры. Мне показалось, что в доме не было даже отца. Лишь Сильвию я встретил у дверей, да и та, поздоровавшись, умчалась в домик для прислуги. Я мог бы задать вопрос Гедеону, но, во-первых, я прежде не разговаривал с ним о повседневных заботах, так что в нынешней ситуации было бы странно начать задавать подобные вопросы, во-вторых, я не хотел быть униженным на глазах у Оскара и Люмьера. Кто знает, в каком моральном состоянии сейчас находился брат после общения с этими двумя. Мне бы точно не хотелось попасть под горячую руку за безобидные вопросы.

– Посвящаю следующие строки Оскару, – проговорил Люмьер громче прежнего, практически требуя всеобщего внимания. – «От моих галльских предков я унаследовал светлые голубые глаза, ограниченный мозг и отсутствие ловкости в драке».

– Какого хрена ты меня оскорбляешь? – Оскар приподнялся, затем обратился к бывшему другу, недовольно указав на Уолдина. – Что он себе позволяет? – Вотермил весь пылал от гнева, за версту было видно, что он не переваривает Люмьера, и это у них взаимно.

– Люмьер, – устало произнёс Гедеон, потирая переносицу. – Оставь творчество Рембо в покое. Он в гробу переворачивается от твоих постоянных упоминаний.

Кажется, они уже долгое время сидели вот так; брат выглядел уставшим, словно Оскар Вотермил и Люмьер Уолдин, как энергетические вампиры, выжали из него все соки и теперь с удвоенной силой взялись друг за друга.

Люмьер пропустил просьбу Гедеона мимо ушей, продолжая увлечённо спорить с Оскаром.

– Я посвящаю тебе строчки из шедевров, тупица. Как я могу тебя оскорбить? – иронично добавил он, после возвёл руки вверх, словно обращался к Господу Богу. – Никакого уважения к великим поэтам.

Он встал в позу.

– «От них у меня: идолопоклонство и любовь к святотатству – о, все пороки, гнев, сладострастье, – великолепно оно, сладострастье! – и особенно лень и лживость», – продолжал Люмьер.

– Еще хоть слово, и я тебя... – вспыхнул Оскар, угрожающе направив на Уолдина палец.

– А ты всё о себе да о себе, – разочарованно протянул Люмьер, усевшись на стул. – Я цитирую Рембо. Может, слышал о нём? Не тот, что в боевиках.

– Иди на хрен. – Оскар поднялся из-за стола.

– На хрен ты сейчас отсюда из окна полетишь. – Люмьер встал напротив него. – Давно рожу в грязь не макали?

Оскар торопливо обошёл стол, направляясь к Люмьеру. Тот словно только и ждал этого, наблюдая за ним с гаденькой ухмылочкой. Когда, казалось, между ними уже должна была вспыхнуть драка, внезапно вмешался брат.

Он точным броском швырнул бокал между двумя разгневанными парнями. Раздался громкий звон бьющегося стекла о стену.

– Вы тут оба, часом, не охренели? – взорвался Гедеон. – Сядьте или уходите к чертям собачьим!

Наступила звенящая тишина. Удивительно, но оба на миг притихли, с недоумением поглядывая на Гедеона. Казалось, за всей этой перепалкой с выяснением отношений они напрочь забыли о том, что тот находился рядом. Я застыл в дверях столовой, наблюдая за сценой, пока первым меня не заметил Люмьер.

– А вот и наш младшенький! Рад с тобой познакомиться. Меня зовут Люмьер Уолдин, – увидев меня, торжественно проговорил он, наполняя свой бокал. – Как ваше выступление по Французской революции? Из твоего брата информацию клещами не вытащишь.

– Хорошо... – Я удивлённо уставился на него; мы уже были знакомы, но он решил скрыть это. – Добрый вечер всем.

– Привет, Готье, – дружелюбно произнёс Оскар, но под тяжёлым взглядом Гедеона стушевался. Возможно, брат все-таки не простил Оскара за тот случай в клубе. Удивительно, насколько Вотермил был упёртым малым. Он получил в челюсть от Гедеона, но продолжал обивать порог нашего дома.

– Мы вот маленький кружок по интересам открыли. – Люмьер улыбнулся, обведя всех рукой. – Обсуждаем Вагнера, Брамса, Рембо, Гёте. Оскар не стремится поддержать разговор, небось, не хочет смущать нас своими глубочайшими познаниями... Гёте что-то схожее

писал. Помнится, это были слова Мефистофеля: «И пусть ещё в траве сидел бы он уютно. Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно».

– Что ты, чёрт возьми, ко мне прицепился, сукин ты сын?! – взревел Оскар, направляясь к Уолдину. За время короткого перемирия они разошлись по разные стороны, словно боксёры на ринге. Люмьер засиял, как начищенный пятак, поднялся и устремился к разгневанному Оскару. Казалось, что перепалка с Оскаром доставляет ему колоссальное удовольствие.

Они вцепились друг в друга.

– Люмьер! – вскрикнул Гедеон, разнимая их. – Оскар!

Брату пришлось расталкивать Вортемила и Уолдина, но их силы были не равны. Двое разгневанных чистокровных, готовых растерзать друг друга, против одного измученного брата.

– Дуэль? – охотно предложил Люмьер.

– Прямо сейчас, – бросил Оскар. – Решим это дело в Запретных землях.

От природы крупный Оскар чуть возвышался над Люмьером и превосходил его в габаритах. Они встали друг напротив друга, и на их фоне Гедеон явно проигрывал в росте.

– Да я с радостью. Посмотрим, на что ты способен, а то совсем из формы вышел.

– Ты долго ещё будешь молотить языком?

– Проваливайте оба, и чтобы я вас больше никогда в своём доме не видел, – сквозь зубы проговорил рассерженный Гедеон.

Он подошёл к бутылке шампанского и, вопреки этикету, отпил прямо из горлышка. Я не знал, что меня шокировало больше: то, что Люмьер с Оскаром решили устроить дуэль, или то, что Гедеон вытворил с алкоголем. Такое поведение брата просто не укладывалось в моей голове. Что дальше? Он перестанет следить за своим внешним видом и начнёт путать носки, как Скэриэл? Я представил Гедеона в футболке с единорогом, в спортивных штанах и в разных носках, а лучше вообще босым – и вздрогнул. Это было выше моего понимания. Есть вещи, которые даже воображать страшно. Мой мир точно бы перевернулся, если бы я увидел подобное.

– Что?! – взревел Гедеон под нашими растерянными взглядами.

– Потом продолжим, – первым пришёл в себя Люмьер и, отходя, шикнул Оскару.

– Жду не дождусь, – бросил в ответ Вотермил.

– Закончили выяснять отношения?! – крикнул Гедеон. Кажется, теперь пришло время успокаивать его. – Как вы меня достали...

– Готье, если ты голоден, то перехвати что-нибудь на кухне и можешь идти в свою комнату. Мы потом поговорим, – миролюбиво произнёс Люмьер. Я нерешительно кивнул.

– Чёрта с два ты с ним поговоришь, – вспыхнул Гедеон. – Ни ты, – он указал на Оскара, – ни ты, – пришёл черёд Люмьера, – не заговаривайте с ним без моего письменного разрешения и личного присутствия.

– Нотариально заверять письменное разрешение нужно? – хмыкнул Люмьер.

– Присутствие троих свидетелей при разговоре? Или можно обойтись камерами слежения и диктофоном? – поддержал шутку Оскар.

– Вы сейчас оба доиграетесь, – недовольно произнёс Гедеон.

Люмьер с Оскаром могли цапаться сколько угодно, но было очевидно, что их двоих объединяла дружба с Гедеоном.

Я оставил их в столовой, желая поскорее оказаться в своей комнате. Мне пришла гениальная идея перелезть через подоконник, как Скэриэл, и спуститься вниз, чтобы подслушать их разговор через приоткрытое окно. Когда ещё представится случай застать всех троих в нашем доме. Проще было бы выйти через дверь, но меня могли услышать и увидеть. Двери столовой выходили прямо в холл.

Но сказать – не значит сделать. Я никогда прежде не спускался со своего этажа. Наблюдая, с какой лёгкостью Скэр осуществлял ночные вылазки, я был уверен, что это проще простого, но, перекинув ногу через оконную раму, чуть было не выпал.

Сначала я пару раз едва не навернулся, а затем мой свитер зацепился за торчащий гвоздик – я уж думал, что отброшу коньки прямо там, высунувшись из окна. Пожалуй, выглядел я как пугало, застрявшее на втором этаже; мной можно было пугать ворон да прохожих.

Очутившись под окном, я замер, пытаюсь расслышать чужой разговор и надеюсь, что потерял не так много бесценного времени. Вдруг я, пока боролся с гравитацией и открывал в себе навыки скалолазания, пропустил всё самое важное? Окно в столовой было приоткрыто. Брат любил холод, всегда проветривал свою комнату, но

при этом не простужался. Уверен, он и в этот раз открыл окно в спальне.

Гедеон спорил с Люмьером о домашнем задании. Я слышал лишь обрывки долетающих до меня фраз. Что-то пытался вставить Оскар, но Гедеон пресекал его жалкие попытки влиться в беседу.

«Бесполезно», – пронеслось в моей голове. До меня доходило только процентов сорок от их разговора. Меня раздражал тот факт, что все усилия пошли коту под хвост. Я просидел ещё двадцать минут, замерзая, пытаюсь услышать хоть что-то, но окончательно запутался в теме беседы. Они обсуждали то академию, то домашнее задание, пару раз я услышал имя «Николас», а затем доносился только какой-то бубнеж. Они то взрывались в споре, повышая голоса, то снова переходили на шёпот, как мне казалось, а то и вовсе замолкали. В такие минуты я думал о том, не уличили ли они меня в шпионаже. И понял, что пора закругляться, когда в носу стало сыро. Не хватало ещё заболеть.

Я собирался вернуться как можно скорее и залезть под горячий душ, как вдруг входная дверь отворилась, и на улице показался Оскар. Я юркнул под небольшой куст, уж точно не походивший на качественное прикрытие. Оскар топтался на месте, было видно, что он очень не хочет покидать дом. Гедеон стоял на пороге со скрещенными на груди руками; я не видел его лица, но моё воображение рисовало холодный взгляд, нахмуренные брови, поджатые губы. Непрístupная крепость, не иначе.

– Иди домой, Оскар.

– Люмьеру ты позволяешь остаться...

– Собрался с нами заниматься арабским? Мы с тобой в разных группах.

– Но... Можно с тобой поговорить завтра? Наедине?

– Не о чем говорить.

– Я уже тысячу раз извинился за Готье. Ты должен меня простить.

– Дело не только в этом.

– Ты бы мог мне хотя бы объяснить, что я сделал не так. Это нечестно – держать меня в неведении.

Гедеон выдохнул, словно этот разговор происходил не в первый раз.

– Доброй ночи, Оскар, – холодно произнёс брат и закрыл дверь.

На секунду мне даже стало жаль Вотермила. Он выглядел таким поникшим и потерянным, что даже его внушительный рост уже не производил былого впечатления. Он ещё немного постоял, тяжело выдохнул и направился к припаркованной машине.

Возвращение в комнату оказалось легче, чем я думал. Я примерно представлял, куда поставить ногу, за что зацепиться рукой, поэтому за пять минут взобрался к себе на этаж и осознал, как просто можно проникнуть в дом. Что, если... Что, если маму правда заразил переносчик в нашем доме?

Я запретил себе сейчас об этом думать. Скинув свитер и брюки, я первым делом встал под душ. Раны на груди заболели при соприкосновении с водой; весь процесс порядком затянулся, мне приходилось то и дело с осторожностью управлять горячей струёй.

Сидя на кровати с полотенцем на голове, я решил спуститься вниз и перекусить. Возможно, брат с Люмьером ещё в столовой, и я смогу подслушать их. Спускаясь по лестнице, я ожидал услышать чужие голоса, но было тихо. К моему удивлению, их не оказалось на месте. Я прихватил с кухни пирожное и, жуя, раздумывал о том, что они могли затеять. На столе осталась пустая бутылка и три бокала. Вдруг Гедеон ушёл в кладовую за новой бутылкой, и Люмьер отправился с ним за компанию? Услышав шаги, я не придумал ничего умнее, кроме как спрятаться под столом, скрываясь за длинной праздничной скатертью. Видно, что Сильвия планировала накрыть на стол к приходу гостей. Эта выходка показалась мне просто идиотской. Я был уверен, что меня сейчас заметят и в лучшем случае покрутят у виска, мол, ну совсем Готьё отбитый, а в худшем... Гедеон мог накричать на меня, а Люмьер – поднять на смех.

– ...Уверяю тебя, ты не прав по поводу арабской весны. Запад тут ни при чём. Ты же знаешь, экономический рост замедлился, диктаторство и клановость сильно на это повлияли, так ещё безработная молодёжь... – раздался сверху голос Люмьера; я увидел его приближающиеся ноги и отполз к центру стола.

– Опять решил со мной поспорить? Так же, как с индо-пакистанским конфликтом? – Гедеон подошёл ближе, обошёл стол и уселся на своё место. Нога на ногу в полуметре от меня. Я чуть не выронил пирожное.

– Здесь согласен, ты был прав. Но арабская весна...

– Ты собираешься сесть за перевод текста или хочешь опять потратить время на дискуссии? Нам бы ещё палестино-израильский конфликт обсудить, чтобы мы точно поругались.

– Этот перевод меня убивает. Почему мистер Усман задаёт такие скучные статьи?

– Чтобы тебя позлить.

Они засели за перевод, но большую часть выполнял Геден. Люмбер отвлекал его вопросами личного характера, да и в целом ему больше хотелось поговорить, чем тратить время на выполнение домашнего задания. Я так расстроился, что не взял с собой телефон, что прилёг на полу и чуть было не заснул, когда Люмбер задал очередной вопрос.

– Почему Готье при тебе аж дышать боится?

– Вымуштровал.

– Себя или его? Помнится, ты таким не был. – Люмбер опёрся на спинку стула и широко расставил ноги. Я отодвинулся от него, боясь, как бы он меня не задел. Будет сложно объяснить, почему я сижу под столом во время их разговора. Геден с меня шкуру сдерёт.

– Нам было по пять лет, за это время много чего изменилось, – пробубнил брат.

Он зачитал вслух текст на арабском. Я ни слова не понимал. Арабский казался мне пугающим языком. Я еле справлялся с латынью.

– Я помню, что ты однажды расплакался, когда я нечаянно сел на божью коровку.

– Я такого не помню. По-моему, ты выдумываешь. – Геден продолжил громче читать текст.

– «Люмбееер, ты сеел на бооожью коровку... ты убиил её», – жалобно произнёс Уолдин и рассмеялся.

– Сейчас ты вылетишь следом за Оскаром. Будешь дома сам переводить текст.

– Да что он в тебя вцепился, как клещ? В глаза твои прекрасные влюбился? – Люмбер положил ногу на ногу. Он вообще не мог усидеть на месте. Энергия из него так и била ключом. Я боялся, что с таким успехом он из чистого любопытства может задрать скатерть и поймать меня на месте преступления.

– Это ты меня сейчас виртуозно унизил или комплиментом одарил? – Геден отодвинул стул.

– Тебе решать. А ты с темы не соскакивай. Что у тебя с ним? – Люмьер придвинулся ближе, словно полицейский на допросе.

– Да ничего. Сейчас абсолютно ничего.

– А что-то было? Он почти все пары на тебя пялится.

– А ты, я смотрю, все пары пялишься на него? Лучше бы с таким рвением учёбой занялся. – Брат внезапно поднялся. Я чуть не вскрикнул от неожиданности. Послышался звон стаканов. Кажется, он принёс графин и наполнил стакан водой. Мне вдруг очень захотелось пить.

– На оценки не жалуюсь. Так что с Оскаром? Вы были только друзьями или что-то большее? – теперь поднялся и Люмьер.

– Только друзьями.

– А выглядит так, будто...

– Свои фантазии оставь при себе.

– Ладно... У меня в голове не укладывается. Он же предатель! И его отец тот ещё сукин сын.

– Я не хочу обсуждать Оскара за его спиной.

– Без проблем. Сейчас я ему выскажу всё, что я о нём думаю. – То ли в шутку, то ли серьёзно, но Люмьер направился к выходу из столовой.

– Прекрати.

– Зайду с другой стороны. Оскар знает, что принц жив? – Люмьер развернулся.

Я просто поражался, как мне повезло спрятаться под столом. Надо было с самого начала до этого додуматься, тогда бы не пришлось замерзать на улице.

– ...Да.

– Ты ему сказал?

– Нет!

– Так откуда он знает?

– Мистер Вотермил ему рассказал.

– И ты терпел Оскара в своём окружении... Как ты мог с ним дружить? Он опасен.

– Я знаю... Я просто думал, что он не такой, как его отец.

– Говоришь, что изменился, но остался таким же наивным. – Люмьер подошёл ближе к Гедону. Вновь послышался звон стаканов.

– Я надеялся на то, что Оскар не знает всей правды.

– Надежда в нашей ситуации бессмысленна. Когда ты планируешь рассказать принцу правду?

– А нужна ли ему эта правда? Он живёт обычной жизнью подростка, – проговорил Гедеон.

– Но он не обычный подросток.

Неужели я узнаю о том, кто этот принц! Разнервничавшись, я зажал рот рукой, боясь, что выдыхаю слишком громко.

– Я просто хочу его защитить, – выдохнул брат.

– Гедеон, он тебе не родной. Он наш принц. Наши семьи несколько веков защищают императорскую семью. У тебя нет права врать ему, прикрываясь братскими чувствами.

– Может, мы ошибаемся? Вдруг последнего принца Бёрко не спасли?

– Не носи чепухи... Я понимаю, что за все эти годы ты свyksя с мыслью, что вы семья... Но ты должен принять этот факт. Готье – не твой брат.

Я сидел не шелохнувшись. В какой-то момент осознал, что не дышу, словно время остановилось. Казалось, что вот сейчас Гедеон поднимет длинный край скатерти, посмотрит на меня холодным надменным взглядом и насмешливо произнесёт: «Ну что, поверил?» Как же я желал этого. Пусть он поднимет меня на смех, пусть глумится, ведь я, наивный, принял за чистую монету их небольшой спектакль. Нет, я бы даже не обиделся. Уж лучше так, чем продолжать сидеть под столом, пытаясь принять жестокую реальность.

Я будто бы очутился в эмоциональном коконе. Такое уже происходило, когда хоронили маму. От нахлынувших эмоций я упустил пару брошенных Люмьером фраз. Гедеон при этом многозначительно молчал. Мне хотелось подняться, перевернуть стол и обвинить брата в том, что он легко поддался на провокации Люмьера. Впервые я столкнулся с неуверенным Гедеоном. Это было совсем не в его стиле. Брат всегда казался твёрдым как камень, но сейчас он с лёгкостью сдался. Неужели всё сказанное – правда?..

Время шло, Гедеон и Люмьер вернулись к обсуждению домашнего задания, и уже никто из них точно не собирался обернуть всё в шутку. Я, как глупец, продолжал надеяться, что вот сейчас раздастся смех и кто-то выкрикнет: «Это розыгрыш, скрытая камера, вас снимают». Господи, да что угодно, лишь бы опровергнуть пугающее: «Готье – не твой брат».

Гедеон – не старший брат. Габриэлла мне не сестра. Отец неродной. Мама...

Я зажмурился, подобрал колени и уткнулся в них носом.

«Дыши, успокойся!» – вновь и вновь повторял я как мантру, но успокоения не находил. Меньше всего мне хотелось всхлипнуть и раскрыть себя. Если раньше я боялся рассерженного Гедеона, то теперь не хотел смотреть ему в глаза. По коже побежали мурашки. Меня охватило ни с чем не сравнимое чувство тревоги.

Я – последний принц Бёрко. Звучало настолько нелепо, что я отказывался в это верить. Может, они сами не знали всей правды. Голос Гедеона звучал нерешительно, в то время как Люмьер был уверен

в своих словах. Что, если Люмьер ошибается? Последователи Бёрко всегда славились своим упрямством и фанатичностью.

Я многое знал об императорской семье благодаря урокам истории. И теперь Люмьер утверждает, что тот самый последний наследник – я?! Это уже ни в какие ворота. Я вдруг осознал, что очень зол на них. Нет, я был не просто зол, я был в гневе! Они заняты переводом с арабского, безобидным делом, в то время как я понимаю, что вся моя прежняя жизнь оказалась ложью. Это несправедливо. Я точно всего этого не заслуживал. Я не заслуживал смерти матери, холодного отношения брата, завышенных требований отца и уж точно не заслуживал того, что вот уже шестнадцать лет жил во лжи.

Я отказывался верить им, но мысль об убитой семье, как чёрный прожорливый червь, поселилась в голове. Зарони в человеке сомнение, и при подходящих условиях оно будет расти в геометрической прогрессии. Я боялся дать своим сомнениям возможность взять надо мной верх.

Люмьер положил ногу на ногу, но я был так ошеломлён и встревожен, что даже не сразу обратил на это внимание. Моя рациональная часть взывала к тому, чтобы взять себя в руки и отодвинуться, пока Уолдин не задел меня, другая, паникующая часть, не способная связать сейчас и двух слов, орущая глубоко в сознании: «Это неправда!» – позволяла мне наблюдать, как ступня гостя покоится в пяти сантиметрах от моего плеча. Прямо над головой внезапно зазвонил смартфон. Геден поднялся, потянулся к телефону и выключил звук.

– Дай угадаю, опять Оскар? – усмехнулся Люмьер. Геден тяжело вздохнул.

– Ты ясно дал понять, что не хочешь общения. Чего он продолжает?

– Говорит, не успокоится, пока я не объясню причину разрыва, – с раздражением бросил брат.

– А чего там объяснять? Он из семьи Вотермил, по ним психушка плачет.

– Я знаю, что ты его не жалуешь, но, повторюсь, я не люблю оскорблять людей, тем более за их спинами.

– Геден, я не оскорбляю. – Люмьер отодвинулся. – Я говорю чистую правду. Не строй из себя обиженку. Тебе не идёт. В глубине

души ты со мной согласен. Ну и почему вы поссорились?

– Я не буду с тобой этим делиться.

– Ладно, так уж и быть, я не воспользуюсь этой информацией против него.

– Тоже мне одолжение, – прыснул брат. – Нет.

– Там что-то очень личное?

– Нет.

– Он признался тебе в чувствах? – Люмьер барабанил пальцами по столу. Это начало раздражать даже меня, боюсь представить, как это бесило Гедеона.

– Иди к чёрту.

– Поцеловал?!

– У тебя нет ни капли чувства самосохранения, верно?

– Ага. Иначе я бы преспокойно доучивался в Пажеском корпусе.

Давай я тебе историю, а ты мне.

– Мы не на рынке, не торгуйся со мной.

– У меня очень интересная история.

Затем он процитировал незнакомые мне строчки:

«Что хочешь делай; лишь сумей
Меня занять повеселей»^[9].

– Мне не интересно.

– История касается Готье.

Да оставьте вы меня в покое! Я чуть было не ударил Люмьера по ноге.

– Врёшь, – равнодушно произнёс Гедеон. – Ты его совсем не знаешь.

Теперь мне хотелось ударить брата: «Это *ты* ничего обо мне не знаешь!»

– Хочешь проверить? Знаю кое-что очень любопытное.

Как мне хотелось их обоих пристрелить на месте!

– Чёрта с два! Ты лжёшь.

– Повтори ещё раз, – вдруг резко процедил Люмьер.

– Ты. Лжёшь. Люмьер. Уолдин, – практически по слогам проговорил Гедеон.

Люмьер вскочил и в следующую секунду опрокинул брата на пол. Гедеон гневно вскрикнул. Люмьер прижимал его к паркету; за спиной Уолдина я не видел захвата, но брат не мог шевельнуться. Но хуже всего было то, что, если кто-то из них приглядится, точно заметит меня под столом.

– Столько лет прошло, а тебя всё равно легко уложить на лопатки.

– Ты чокнулся?! Встань!

– Не встану, пока не расскажешь про вашу ссору с Оскаром.

– А не пойти ли тебе на хрен?

– Нравится лежать в такой позе? Ты же помнишь, я мог тебя так и час удерживать, когда нам было по пять лет, а сейчас хоть всю ночь.

– Это не смешно, придурок. Слезай.

– Это ведь ты первый начал.

– Я? – невинно выдал Гедеон.

– Когда обозвал меня лжецом. – Люмьер надавил на Гедеона, и тот зашипел от боли. – Ты думал, что я забуду?

Меньше всего я ожидал, что Гедеон на эти выкрутасы произнесёт:

– А разве нет?

Я был уверен, что он улыбается на этих словах. Такое ни с чем не перепутаешь. Я испуганно наблюдал за ними, боясь, что в любую минуту Гедеона охватит ярость и он разнесёт столовую.

– Ты меня постоянно провоцируешь, – тихо произнёс Люмьер. Вставать при этом с брата он не собирался. – Зачем?

Я с трудом расслышал его слова.

– С кем же мне ещё играть? – ответил Гедеон. – Как хорошо было в детстве, ты не находишь? Главной нашей заботой было развлекать друг друга.

– Ты меня постоянно разыгрывал. Знаешь, иногда было совсем не весело, – в голосе послышалась лёгкая обида.

– А ты меня вечно на лопатки опрокидывал. Вообще-то было очень больно. Да и сейчас тоже, – вторил Гедеон.

Они оба помолчали, не двигаясь. Я нахмурился, стараясь уловить каждое их слово.

– Так что с Оскаром? – Люмьер медленно отпустил руки Гедеона. К моему удивлению, брат пошёл на уступки.

– Мы с ним как-то пили, – устало начал он. – Ты его не знаешь, но у него никогда не было чувства меры.

– Ага, ни с девушками, ни с алкоголем, ни с наркотиками.

– Откуда?..

– Да кто об этом не знает? Вы выпивали, и что дальше?

– Он напился в стельку и начал изливать душу.

– Признался, что ты снишься ему во влажных снах? – хихикнул Люмьер.

– Прости, приятель, но ты сейчас не в той позе, чтобы шутить так.

Люмьер продолжил хихикать, поднимаясь. Он протянул руку Гедену, и тот, воспользовавшись помощью, поднялся следом.

– Что там в его душе скрывалось?

– Никакой похабщины, ничего, что сполна хранится в твоей душонке.

– Ох, я оскорблён. Вы сомневаетесь в моей чести? Будем стреляться.

– Я слышал о твоих дуэлях на севере. – Геден уселся на своё место, попутно поправляя рубашку.

– Молва идёт впереди меня, – слышался звон стаканов, звук льющейся воды. – Так что там в его душе скрывалось?

– Благодарность.

– Что? – Люмьер опешил.

– Благодарность за то, что я замечательный друг, – торопливо продолжил Геден, словно хотел быстрее высказаться и сменить тему. – А ещё признание. Сразу предупрежу, не любовное, а то, зная о твоей фантазии...

– Не томи. Что за признание?

– Оскар признался, что когда ему было десять, мистер Вотермил наказал ему стать мне лучшим другом, чтобы находиться ближе к Готье. Требовал, чтобы Оскар приложил все силы ради этого, и, если потребуется, применял лесть, а также лицемерил, врал, лишь бы войти в мой близкий круг. Он не хотел этого, но отец заставил. Именно мистер Вотермил рассказал ему, что Готье – последний принц Бёрко.

– Вот же мразь.

– Я тоже сначала злился. Он воспользовался мною, чтобы подружиться с Готье.

– А что сейчас? Уже не злишься?

– Он начал со мной дружить в корыстных целях, это очень ударило по моей самооценке...

– Да она у тебя из стали.

– Со стороны легко судить.

– И что же? У него получилось сдружиться с Готье через тебя?

– Я думаю, нет. Готье избегал его, как огня. Возможно, в этом и моя заслуга, чему я очень рад.

– И поэтому ты не рассказываешь Оскару о причине разрыва вашей дружбы?

– А что я ему скажу? «Ты со мной всё это время общался из-за своего папочки». Он сразу передаст это мистеру Вотермилу, и тогда я боюсь представить, что учудит этот человек. Да и зачем ему Готье?

– Зачем ему наследник империи Бёрко? Дай-ка подумать... Тебе в алфавитном порядке?

– Это был риторический вопрос. У Готье нет никаких шансов взойти на престол до девятнадцати лет. Пока правит Совет старейшин, он не позволит наследнику Лукиана вернуться и встать во главе страны.

– В лучшем случае мистер Вотермил может всем заявить, что принц жив, и устроить переполох в стране. В худшем – убить его. Папаша Оскара тоже в составе старейшин, да?

– Да, но он руководит маленькой партией.

– Каждый голос может стать решающим.

– В любом случае я не знаю, что на самом деле замышляет отец Оскара.

– Но ты продолжаешь общаться с ним.

– Я знаю... Называй меня как хочешь, но я не могу оборвать наше общение на корню. Тогда, будучи пьяным, он признался, что я его лучший друг, и пусть он ненавидит отца, но дружба со мною – единственное, что хорошего посоветовал мистер Вотермил.

– Я сейчас расплачусь.

– Я и не ожидал от тебя понимания.

– Ты его отталкиваешь, затем позволяешь приблизиться, и так по кругу. Это ли не жестокость?

– Возможно. Кто говорил, что будет легко?

Люмьер подошёл к Гедеону, оступился и в следующую секунду пролил воду на рубашку брата. Гедеон чихнул.

– Да что ты как слон в посудной лавке! – недовольно проворчал брат, поднимаясь. – Где салфетки?

– Прости! Сейчас дам. – Люмьер засуетился, обошёл стол и вернулся к Гедену.

– Лучше переоденусь, – процедил брат.

– Тебе помочь? – участливо добавил Люмьер.

– Ты уже помог, – буркнул Геден, поднимаясь. Он вышел из столовой и направился к лестнице.

Я потерял его из вида, как только он завернул за угол. Неловкая вышла сцена. Я и не знал, что думать об Оскаре. Получается, всё это время он знал, кто я такой, так ещё и набивался мне в наставники.

– И долго мы будем там сидеть? – внезапно проговорил Люмьер. Я было решил, что он обращается к Гедену, но в столовой, помимо нас двоих, больше никого не было.

Я замер, как ошарашенный олень в свете фар.

Люмьер приподнял край скатерти и с интересом посмотрел на меня.

– Готье? Или лучше к вам обращаться «ваше императорское высочество, Киллиан Парис Бёрко»?

– Что? – тихо пискнул я.

– Вы с Геденом хоть и не родные, но как вы оба любите вести себя, словно ни при чём. Всё услышал? Про себя и про Оскара?

– Я... – и что мне было ему ответить? Да, я подло подслушивал вас, но вы подло вралли мне все эти годы? – Да.

– Вот и умница. Урок первый: держи ухо востро и рот на замке. Тебе пригодится. Когда я дам сигнал, тихо уходи в свою комнату. Геден придёт в ярость, если узнает, что ты подслушивал. И тогда нас не спасёт даже твоё императорское происхождение, – усмехнулся Люмьер. Он опустил край скатерти и принялся с увлечением перелистывать учебник.

Что?... Как он меня назвал? Киллиан Парис Бёрко. Неужели он это серьёзно...

Паулина, Паскаль, Парис.

Геден спустился в тот самый момент, когда в дверь позвонили. Я услышал усталый отцовский голос из холла.

– Ключи не взял, думал, Сильвия или Лора откроют. Где они?

– Я отослал всю прислугу, в гостях у нас Люмьер, – отозвался Геден.

Люмьер вскочил и направился к отцу. Я отполз под дальний край стола.

– Добрый вечер, мистер Хитклиф.

– Люмьер, как ты поживаешь? Заглядывай к нам почаще. Уже поздно, оставайся у нас. Сильвия приготовит для тебя комнату.

Голоса стали ближе.

– Не стоит. Мы сами справимся, – вмешался Гедеон. – Ты ужинал? Может, чай?

– Нет, я не голоден. Поднимусь к себе, нужно принять душ и лечь. Устал очень. А где малышка?

– Габриэлла на пижамной вечеринке у Марисы.

– Мариса из хорошей семьи... А Готье?

Внезапно у меня начался приступ икоты. Это была словно насмешка сверху, как будто кто-то хотел ухудшить мою ситуацию и посмотреть, что из этого выйдет.

– В своей комнате.

– Мне нужно с ним поговорить.

Я икнул громче прежнего и зажал рот рукой. Только не это.

– Отец, у него был тяжёлый день в лицее. Я думаю, что ему лучше лечь пораньше, как и тебе.

– Почему тяжёлый день? Что-то случилось? Сегодня, кажется, была защита проекта...

– Всё в порядке, мистер Хитклиф. Гедеон видел Готье в лицее, – вмешался Люмьер. – Просто он очень перенервничал перед выступлением.

– Хорошо, тогда завтра поговорю с ним. Гедеон, ты не забыл покормить рыбок?

– Конечно, нет.

– А канарейку?

– Само собой. Готье вечно о ней забывает.

Я покраснел до кончиков ушей. Они были правы. За всеми этими происшествиями я напрочь забыл ухаживать за Килли. Получается, всё это время отец и брат следили за состоянием моей птицы. Какой из меня никчёмный хозяин...

Отец медленно поднялся по лестнице. Гедеон и Люмьер не спеша уселись на свои места.

– Выглядит он паршиво, – шёпотом проговорил Люмьер.

– Да, в последнее время у него много работы.

– Проблемы у Совета старейшин?

– Даже если они и есть, отец мне не докладывает. Нам тоже пора закругляться. Мне нужно перед сном осмотреть Готье. Кажется, он влез в драку. Я тебе говорил, что на нём была чужая рубашка.

– Если бы не Оскар, который бросился на твой автомобиль, как на амбразуру, то мы бы уже давно осмотрели Готье. Оскар отнял всё наше время, а потом ещё и этот арабский.

– Что значит «мы»? Я не позволю тебе смотреть на него без рубашки.

– Когда-нибудь ты начнёшь относиться к Готье как к принцу, а не как к своей собственности.

– Не в этой жизни. Он мой брат, нравится тебе это или нет.

– Он брат тебе только на бумаге.

Люмьер внезапно опустил руку под стол и тихо похлопал себя по бедру, привлекая моё внимание.

– Хочу чего-нибудь горячего. Как насчет выпить по чашке чая? – вдруг сменил он тему.

– Неплохая идея. – Геден устало поднялся, следом за ним – Люмьер.

– Я помогу тебе, – проговорил Люмьер.

– Я способен заварить чай.

– Вот же ты колючка, что раньше, что сейчас. Ненавидишь любую помощь. Я просто постою рядом и займу тебя своей болтовнёй.

– Лучше просто помолчи, сделай мне приятно.

Они направились на кухню. Люмьер задержался в дверях и ещё раз похлопал себя по бедру. Я выглянул из-под стола. Он стоял ко мне полубоком и незаметно от Гедена указывал на лестницу.

Я бесшумно вылез и быстро пересёк расстояние до лестницы, благодаря всех богов за Люмера. Как мне осточертел этот стол и всё, что с ним связано.

Киллиан Парис Бёрко.

Неужели это правда?

Слово автора

Я всегда считала, что мой самый главный талант – это способность окружить себя потрясающими людьми. Они не должны оставаться в стороне, когда «Сорокопут» наконец вышел в свет. Страна должна знать своих героев в лицо или хотя бы по имени. Я обязана упомянуть здесь всех тех, без кого «Песнь Сорокопута» могла бы и не быть. Это люди, которых я прежде не знала, но судьба свела нас в одну крепкую команду.

Если вернуться в 2019 год, когда я только начала публиковать главы, то первыми откликнулись на мой зов Баширов Максим и Сафиуллина Эльмира. Они стали моими редакторами, но самое главное, они поддерживали меня морально и давали обратную связь, которой мне, как новичку, чертовски не хватало. Спасибо Максиму, который почти бил меня по рукам, приговаривая «хватит редактировать одно и то же, пиши главы дальше», и Эльмире, которая защищала оформление моих диалогов от непрошеной критики, чуть ли не угрожая всем справочником Розенталя. Возможно, не имей я их поддержки тогда, сейчас вы бы не держали эту книгу в руках.

Будет преступлением не сказать про Яковлеву Викторину. Сложно объяснить сколько всего этот человек сделал для меня и для этой книги. Вика стала моей главной помощницей, без которой я уже и не знаю, смогу ли работать вообще. Она вычитывает текст, ведёт мою группу ВКонтакте, страницу на Ваттпаде, генерирует идеи, финансово вкладывается в продвижение – другими словами, Вика стала моим личным менеджером, правой рукой, близким другом, с которым я на связи 24/7. Она тот самый человек, кто может и погладить меня в нужный момент по головке, и высказать своё критичное «фи». Чтобы вы понимали, насколько Вика удивительная, то знайте, она ознакомилась с моими любимыми книгами, фильмами и сериалами, чтобы лучше понимать, чем я вдохновляюсь и в каком направлении движется мой цикл.

Так же я не могу не упомянуть Волкову Марию, которая тоже является админом моей группы, пишет великолепные зарисовки с героями «Сорокопута» и помогала мне перед сдачей рукописи в издательство. Её активное участие в любых проектах, связанных

с «Сорокопутем», бесценно. Маша внезапно ворвалась в команду, чуть ли не с ноги выломав дверь, так что теперь она полноправно занимает своё место.

Человек, который попал в команду последним, но по полной вложился в книгу, это Симагина Анна. Когда я ещё планировала выпустить роман самиздатом, именно Аня согласилась в кратчайшие сроки отредактировать почти 30 авторских листов. Это было полное безумие, но Аня справилась! Разве могло быть в нашей команде иначе?

Отдельно хочу поблагодарить художницу – терпеливую Дарью Дмитриеву (Markass), которая готовила обложку к самиздату, а в итоге пришла со мной к изданию книги под крылом издательства «Эксмо». А ещё благодарю Кристину Демину за шикарные иллюстрации Готье Хитклифа и Скэриэла Лоу на форзацах. Эти иллюстрации были нарисованы в далёком 2017-м, но дождались своего часа именно сейчас!

Если мы затронули издательство «Эксмо», то я не могу не поблагодарить лучшего редактора в мире – Киру Фролову. Она поддержала все мои предложения, бережно отнеслась к моему роману и в кратчайшие сроки выпустила «Песнь Сорокопута». Если посмотреть в словарики понятие «профессионал», то синонимом ему будет Кира Фролова! Не стоит забывать и о литературном редакторе – Дине Руденко. Это ещё один мастер своего дела, который внимательно и нежно прошёлся по моему тексту. Без этих людей не было бы официального издания «Сорокопута».

Теперь я обязана упомянуть главную крёстную моего романа. Человек, который, как мне кажется, иногда любит «Сорокопута» даже больше, чем я. Человек, который мотивировал меня на самиздат. Человек, который непрерывно рекламировал и продвигал мою книгу с момента прочтения. Всё это – Влада Терещук, моя сестра по перу, которую вы можете знать как Владлену Дан.

Не могу передать словами, насколько я благодарна ей. Именно её отзыв вы можете прочитать на задней стороне обложки. Не знаю, как ещё я могу отблагодарить её за всё, что она подарила «Сорокопуту». Просто помните, Влада – первый книжный блогер и автор, который оценил мой роман.

Второй отзыв на книге принадлежит Виту Островскому. Книжный блогер, который казался мне в первое время недостижимым, а при

ближайшем знакомстве оказался одним из самых приятных людей, что я когда-либо знала. Я до сих пор вспоминаю его эмоциональные голосовые после прочтения романа. То, что я могу слушать бесконечно!

Автор «Морфо» Амелия Грэмм, моя коллега, прекрасный автор «Эксмо», работающий в тандеме с Кирой Фроловой, многие месяцы тепло поддерживала меня. Она не раз пророчила «Сорокопуту» издание под крылом крупного издательства. «Верь, моя интуиция меня не подводит, у тебя всё получится», – так она говорила мне, пока я ждала заветного письма от редактора. И знаете что? Амелия была права! Спасибо ей за то, что пыталась вытянуть мою самооценку со дна Марианской впадины. Спасибо, что больше меня была убеждена в успехе «Сорокопута»!

Кем бы я была без своих читателей? Сидела бы сейчас здесь и писала эти строки? Все те, кто читал «Песнь сорокопута», оставлял отзывы, делился впечатлениями, писал фанфики и рисовал арты, знаете, эта книга – только для вас. Фандом «Сорокопута» рос и крепчал, потому что каждый из вас приложил к этому руку. Я помню всех, с кем начинала этот творческий путь, и даже если я вас не упомянула, просто знаете, я вас помню, люблю, ценю и храню в своём сердечке. Спасибо Юле (feverbird) и Томасу Басарабу за то, что радовали меня своим творчеством, за то, что визуализировали моих героев. Это прекрасно!

Спасибо Елизавете Лошкарёвой и Елизавете Кряжевских за великолепные фанфики. Мне, как автору, вдвойне приятно наблюдать за тем, как другие авторы видят моих героев.

Спасибо всем читателям, которые сидят в беседе «Сорокопута» и постоянно обсуждают роман, придумывают свои теории и делятся впечатлениями от прочтения глав. Спасибо Ши Ганши, который финансово поддерживает меня вот уже полгода и даже больше. Спасибо всем, кто предлагал помочь мне с оплатой обложки, артов, рекламы романа.

Здесь я затрону своих друзей и семью. Буду краткой, потому что мне и книги не хватит, чтобы описать, как я им благодарна. Спасибо моим друзьям: Перизат Андреевой, Надежде Вышнинской, Светлане Доровской и Вере Краиновой. Я получаю от вас безграничную любовь на протяжении всей жизни. Спасибо, что всегда были добры, закрывали глаза на все мои недостатки и поддерживали в трудную минуту. Были

моменты, когда я думала бросить творчество, но вы непреклонно стояли на своём и отговаривали от необдуманных действий.

Семья – это моя опора по жизни. Я ни физически, ни морально не смогу передать на бумаге всю ту любовь, что они мне дарят. Пишу сейчас эти строки, и мне хочется плакать, осознавая, как люблю свою семью, как благодарна им за то, что они для меня сделали и продолжают делать изо дня в день. Спасибо папе и маме за то, что вы есть. Вы лучшее, что есть в моей жизни. Спасибо младшему брату за то, что помогал мне, а также стал прототипом моих героев. Я верю, что в будущем он создаст атмосферный OST для моего цикла.

И напоследок хочу поблагодарить всех героев «Сорокопута» за то, что появились в 2017-м и не отпускают до сих пор. Благодаря вам я познакомилась с таким большим количеством замечательных людей!

Ваша, растроганная до слез, Фрэнсис

notes

Сноски

Перевод: Ф. К. Сологуба.

В 1911 году во время обучения в школе короля Эдварда Толкин с тремя друзьями организовали полусекретный кружок, именуемый ЧКБО – «Чайный клуб и барровианское общество» (*англ.* T.C.B.S., Tea Club and Barrovian Society). Такое название связано с тем, что друзья любили чай, продававшийся около школы в универсаме Барроу (*англ.* Barrow), а также в школьной библиотеке, хотя это было запрещено. – *Прим. ред.*

Речь Ж. Ж. Дантона «По поводу бегства Людовика». – *Прим. ред.*

Эдвард «Тедди» Дэниелс – вымышленный персонаж из фильма 2010 г. «Остров проклятых», маршал США, прибывший расследовать таинственную пропажу одной из пациенток Эшклиффской лечебницы для душевнобольных преступников на острове Шаттер.

5

Заткнись и проваливай! (*лат.*)

6

Иди на хер! (*лат.*)

Тупейший из тупых (*лат.*).

Истина в вине (*лат.*).

И. В. Гёте «Фауст».